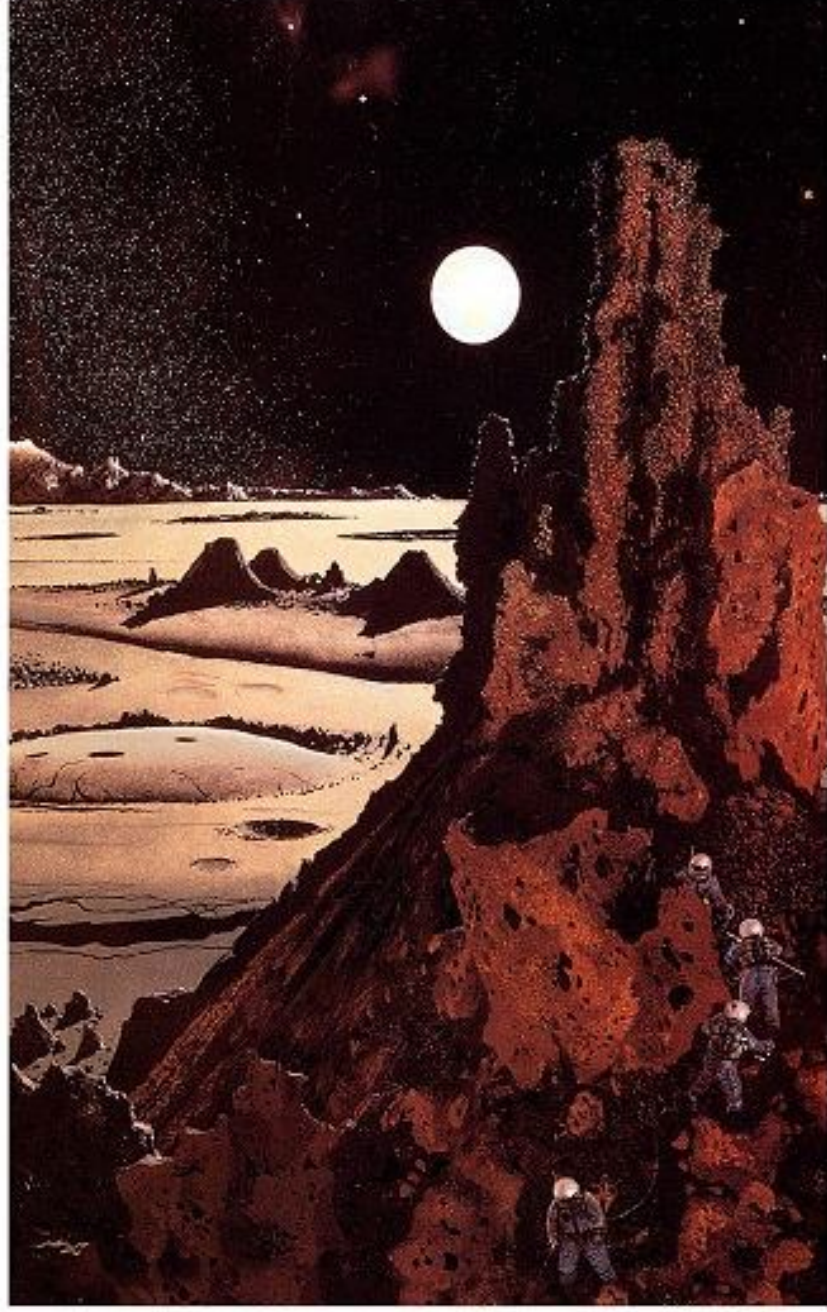

Валерий ОКУЛОВ
Фанткритика – это просто

Рецензент – это не обвинитель, а защитник произведения, но такой, который не имеет права врать...

Станислав ЛЕМ

Валерий Окулов

ФАНТКРИТИКА – ЭТО ПРОСТО

Липецк
Крот
2012

**ББК 83.3(2Рос=рус)-8
О 526**

Окулов В.И.

О526 Фанткритика – это просто. – Липецк,
«Крот», 2012. 302 стр.

Сборник рецензий, литературных портретов и пр.
видного деятеля фэн-движения, библиографа и по-
читателя фантастики.

без объявл.

© Окулов В.И, текст, 2012

© «Крот», 2012

МАЛЕНЬКОЕ ОПРАВДАТЕЛЬНОЕ ВСТУПЛЕНИЕ

Интернет полон отзывами пользователей о прочитанных книгах... Каждый желающий теперь может высказать всё, что он думает о книге и её авторе. И они «высказывают», ведь критика – это очень просто. Лучше бы помолчали! Квалифицированная и профессиональная критика – это очень непросто. Крайняя точка зрения принадлежит небызвестной Маше Звездецкой, которая вообще среди номинантов премии «Роскон» в разделе «Критика и литературоведение» критиков «в упор не видит». Не разделяя этого мнения, автор этой книги, тем не менее, на гордое звание «фанткритик» даже и не думал претендовать. Просто не мог он не писать о прочитанных книгах (хороших и не очень), об авторах (любимых и незнакомых)... Написанное за последние годы вошло в эту книжку.

О книгах

Марина Козлова. Бедный маленький мир – АСТ, Астрель, 2010.

Хорошую книгу найти нелегко! Особенно при нынешнем книжном изобилии и полностью размытом определении «хорошая книга». Бизнесмен, снайпер, «белые мотыльки» – могущественная тайная организация «проектировщиков», полторы тысячи лет направляющая ход мировой истории... По издательской аннотации к роману можно подумать, что это очередной криптоисторический детектив. Вот только рисунок на переплёте никак не стыкуется с «детективной» рекламой аннотации...

Первая часть книги – интродукция, знакомство с парой героев, жизненные зарисовки. Тридцатилетняя преподавательница логики Иванна, в раннем детстве оставшаяся без родителей, воспитанница «экспериментальной специализированной гуманитарной школы-интерната для одарённых детей» – будущая баронесса Эккерт – начинает работу в МЧС Украины. Литератор Алексей волею обстоятельств знакомится с олигархом Владимировым... Роман как роман, ничего особенного. Эпизоды детства и отрочества Иванны выписаны замечательно, и «философические» сентенции нередки («самоопределение невозможно без рефлексий»), но сразу книга не захватывает. Надо «вчитаться», почувствовать ритм – начинаешь догадываться, что странноватая книга может обернуться очень странной! Предчувствие

ничто по сравнению с «элегантными тезисами Витгенштейна», но оправдывается оно на все сто процентов!

Во второй части первой книги начинается и «экшн»: убийство олигарха, «белые мотыльки» и прочие тайны... Реальность очень отличается от действительности; что ведь оказывается: в информационные потоки «кто-то зашивает определённые смыслы», и этот кто-то «высасывает из нас жизнь»... Встать боком к генеральным тенденциям, чтобы они тебя обтекали, получается совсем у немногих. «Простые смертные ребята создают и реализуют сценарии, в которых не только люди, но и страны выступают как материал, требующий переструктурирования. Нет никакой эволюции, а всё суть проект!» Это они организовали исламский терроризм; решили, что «науке пришёл окончательный кирдык», а славянский мир должен исчезнуть... «Проектирование immoralно» – какие бы красивые штуки «мотыльки» ни создавали, руки у них всегда в крови...

Параллельно в книге нередки ссылки на Крапивина, Лема, Стругацких, Дм. Быкова. Множество действующих лиц, что несколько напрягает – не совсем понятно, при чём тут они... А ссылки на «весёлую работу по методологии интеллектуальных интервенций!» А «Танец на ковре», после которого мордовские сельчанки могут провидеть будущее! Эта история могла стать замечательной повестью, но и в романе без неё обойтись сложно. А заметки по психологии миллионеров: «они начинают желать изменить мир. Идеалисты...»

Книга вторая начинается эпизодом из жизни всемирно известного сербского музыканта Давора Тодоровича. При чём тут он? Да ведь он тоже из манипуляторов, он также «амаргор»! Вроде бы не очень связанные нити романа начинают сплетаться в оригинальное полотно. Полудюжина сюжетных линий, постоянно балансирующих на грани динамического равновесия, сходятся в «точке сборки». И целое больше простой суммы его частей. «Инфернальный лабиринт обстоятельств, смыслов, умыслов и замыслов» приводит в Черниговский институт микробиологии и вирусологии, в котором когда-то отец Иванны – гениальный генетик – придумал и создал биологический модуль-генератор, меняющий структуру ДНК... Вот эти «часы судьбы» отщепенцы Второй вертикали «программистов» и применяют в сценарии уничтожения трёх государств, желая «схлопнуть» славянский мир...

Эпизоды жизни героев перемешаны круто – читать непросто, текст очень «плотный». Логика действий не всегда понятна, герои часто выбирают не лучший вариант – так разве в жизни не так? Но если дочитал до половины книги, дальше с текстом уже

«живёшь»! Не просто одна из десятков нынешних «конспирологических» книжек, тут гораздо серьёзнее. «Истинная криптоистория – лишь творческий метод для создания увлекательного и умного произведения, которое пробуждает живость мысли» – совсем неплохо написал обозреватель журнала «Мир фантастики» Борис Невский несколько лет назад.

«Бесконечно разное предполагает имманентно принцип несводимости». И полифонический (как музыка Давора) текст Козловой в полной мере можно оценить, если сможешь «схватить и удерживать» сложно организованный контекст. Вряд ли я понял все смыслы, которые пытался вложить в книгу автор, сложновата она иногда, но всегда – изящна! Но это чувство приходит при чтении неторопливом и вдумчивом, сопереживая героям, совсем не «белым и пушистым».

Окончание – полная фантасмагория! В изолированном от мира Чернигове Иванна с Давором (создателем собственного «метаязыка»), вдохновлённые бахтинской идеей карнавала, организуют музыкальное шоу, распространившееся затем на весь мир. Исполняя только что сочинённую симфонию «Славянский мир» эти «люди силы» (амаргоры) как гаммельнский дудочник «уводят» всех, «вынимают» город с трёхсоттысячным населением из нашего пространства-времени, так что даже «спутники не видят города Чернигова»... «Объяснить это невозможно. В том, что случилось, замешано очень сильное чувство. И совсем не обязательно любовь». (А знаете, об очень непростой этой штуке-любви есть в книге замечательные страницы...)

Так куда же город-то делся? А непонятно... Совсем не про это книга. Иванна и Давор, похоже, оказались за пять веков до нашего времени, что после всего прочтённого не так и удивительно. Это тот случай, когда интересно, про что написано, но важнее – как! Да, это и детектив, и геополитический триллер, но прежде всего – интеллектуальная драма, героям которой постоянно приходится решать непростые задачи – с помощью ума и логики, воли и творческих усилий. Эта книга совсем не о тайном сообществе, убийствах и поисках преступников. Её чтение вызовет у пытливого читателя собственные эмоции и мысли; они будут разными, но точно будут! Стоит только поймать ритм слов и предложений, прочувствовать «магию текста».

Виктор Пелевин. Ананасная вода для прекрасной дамы – Эксмо, 2011

Что бы ни говорили, что бы ни писали недруги-завистники, первое десятилетие нынешнего века российской литературы, как и последнее века двадцатого, прошло под знаком «П». За эти годы на «арену» нашей словесности вышло немало хороших авторов и несколько замечательных писателей, но о ком ещё так много писали, а когда-то и рьяно спорили? Чьи книги по-прежнему ждут читатели, чьи книги не могут пройти незамеченными даже у ярых критиков творчества Пелевина? Начав обычно с того, что писатель «пошёл по пути самопародии» и читать его – только разочаровываться, критики не спешат поставить на этом точку, а начинают доказывать своё утверждение. Да так рьяно, что вскоре понимаешь – писать тот хуже не стал и его новую книгу надо обязательно прочесть!

Пелевин и ЭКСМО строят маркетинговую политику так, что не дают возможности забыть о себе. Только отшумели споры по поводу «Т», как вышел сборник новых повестей и рассказов (только один публиковался ранее). Основного внимания заслуживает часть первая – «Боги и механизмы» – о тайной жизни и неизвестных публике подвигах скромных героев наших спецслужб... Всевозможные «органы» Пелевин явно не любит, но пишет о них постоянно... Что делать, если «полковники» так

много значат в сегодняшнем российском обществе. Автор и людей-человеков не очень жалует, но не о сусликах же писать!

История Семьи Левитана из Одессы в повести «Операция "Burning Bush"» выписана «душевно», так что сопереживание «маленькому человеку» будет несомненным у большинства читателей пелевинской прозы. Повзрослев до «лысого еврейского лузера», Семья – обладатель дара «говорить голосом загробного мира» да ещё и английский знающий – совсем неслучайно через много лет встречается с дружкой детства, ставшим за это время генералом ФСБ. Пройдя тренинг в «камере сенсорной депривации», Семён становится «психонавтом» и начинает «работать Богом»! Устанавливает контакт с президентом Бушем, воплощая в жизнь догмат америкосов о богоизбранности Америки – так начинается операция «Палёный Буш». «Божеские» откровения и рекомендации заставляют Буша принимать часто нелепые решения, а что делать – «другого Бога у меня для вас нет...»

По ходу повествования Пелевин даёт краткие зарисовки современной жизни, психологии евреев, замечательно описывает все эти «мистические трипы» (они же путешествия сознания в эзотерических мирах). Семья действительно «познаёт Бога» – единственную душу в мире... Окончание повествования, как всегда у Пелевина, невесело: оказывается, америкосы управляют подобным методом российскими правителями с пятидесятых годов – причем, от имени совсем не Бога...

Скромный герой «Зенитных кодексов Аль-Эфесби» – Савелий Скотенков, дитя эпохи первоначального накопления капитала, автор «Криптодискурса», выявивший основное противоречие XXI века, противоречие между углеводородными деспотиями и трубопроводными демократиями. Ну куда ему деваться при нашей-то бюрократии, способной освоить даже древнемарсианский культ? При современной экономической реальности, дающей неограниченные возможности расставания с деньгами? Только на курсы Высшей школы ФСБ!..

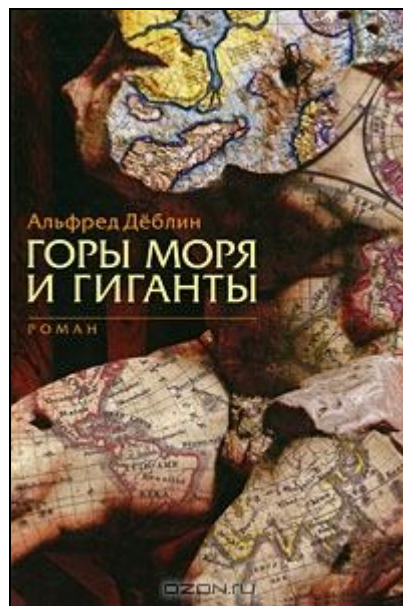
Немало узнав про БПЛА-дроны и программу F.D.O.M. с нейронной связью, Скотенков в зелёной чалме (как Саул Аль-Эфесби) появляется в Афгане и, не очень напрягаясь, уничтожает сразу девять супердронов! Интересно читать даже про производственно-технические детали, уж не говоря о том, что словами Пелевин играет мастерски. Пусть его максимы: «Верховная власть – просто самая сильная волчья стая» или «Высшее искусство лжи не в том, чтобы врать всё время» – никакие не «открытия», но ведь всё это ещё надо точно и кратко сформулировать!

Конечно, заканчивается история невесело... Уничтожив 471 «Freedom Liberator», Аль-Эфесби делает своё дело и ...уходит... Оказавшись в деревеньке Улемы, философствует: «Весь двадцатый век мы, русские дураки, были генератором, вырабатывающим счастье западного мира»... А разве не так?

Вторая, меньшая часть сборника – «Механизмы и боги» – лишь «объёмная» поддержка первой. Вполне понимая, что истина недостижима, Пелевин всё равно любит писать о её поисках в «эпоху первоначального накопления, вступившей в фазу нестабильного загнивания». Заклиная собственную тень в «Созерцателе тени», этот скромный «герой» постигает нечто: «Само его тело было мыслью, мир был тенью, бог был светом...» Принесло ли знание хоть капельку счастья? Вопрос риторический...

Короткий рассказ «Тхаги» – для тех, кто мечтает стать адептом чистого зла. И в нём немало примечательных строк, например – о «либеральном дискурсе» в России как последовательности шумовых и визуальных эффектов. Мораль рассказа простовата, зато явственна – не рой другим яму... О рассказе «Отель хороших воплощений» можно бы и не писать, если б не возникающий вопрос – а что это за «ананасная вода»? Читатель встретит упоминание о ней – на самой последней странице крайнего рассказа...

Вездесущий Дмитрий Быков уже успел написать: «Мне очень нравится “Ананасная вода...” – это точный диагноз всей литературной деятельности Пелевина последних лет». Как не согласиться, ведь и мне очень нравится социальная фантастика писателя, его сатира на философской подкладке, «жёсткая, веселощиничная» проза.

Альфред Дёблин. Горы моря и гиганты – Издательство Ивана Лимбаха, 2011

Странная книга... Вступление Фолькера Клотца я прочёл – по давней привычке – уже после чтения романа, и полностью согласился с тем, что там написано в самом начале: «Роман этот – чудовище...Он труден для восприятия!» Но с другой стороны: «Трудно представить, чтобы роман этот оставил равнодушным...Он заманивает и отталкивает, захватывает и изнуряет, окрыляет и внушает отвращение...»

В германоязычном мире роман классика немецкой литературы, увидевший свет более восьмидесяти пяти лет назад, широко известен, что подчёркивают предисловие, послесловие и обширные комментарии. Но и в России у него есть своя невесёлая история... Сразу после первопубликации его рецензируют в журнале «Современный Запад», ленинградское издательство «Сеятель» Е.В.Высоцкого анонсирует перевод, который выходит лишь в 1936 году в отделении Госиздата (переводчик А.А. Унтилов), но... весь тираж уничтожают, так как «под прикрытием научной фантастики в романе протаскивались враждебные идеи»!

С первых страниц романа заметна непривычность письма: «огнится в огне: языкастый-горячий-голубой-белый-красный», или вот: «трава песок солнечные лучи облака». Непривычный синтаксис, запятые не разделяют однородные члены предложения, образуя особую ритмическую структуру. Среди многостра-

ничных неторопливых описаний уже в начале книги встречаются антиципации-предвосхищения: рождаемость в Европе резко сократилась, плодовые цветные алчно устремляются в центры цивилизации, правительства уступают власть корпорациям, «все западные народы подпали под власть империи Лондон-НеоЙорк», женщины стали самым активным общественным элементом...

Научная сторона «изобретений» Дёблина слабовата, но вот ведь – он упоминает летающие вокруг Земли «аппараты связи»! Население сосредоточено в «градшафтах» (городах-государствах), защищённых «убийственным вихреобразным излучением». XXIII и XXIV столетия становятся периодом преобразования Африки – создаётся Сахарское море. Уже в первой книге проявляется специфика романа – попытки совмещения «сухого отчёта» о грандиозных событиях с конкретными историями жизни людей разных столетий. И сразу надо отметить, что масштабные картины впечатляют, а вот «событийные эпизоды» – нет...

Книга вторая носит название «Уральская война». Вот из-за неё советская цензура и уничтожила перевод, её не устроили ни теория «раскачивания истории» от триумфов к крушениям, ни упоминания об «азиатской угрозе», ни описания войны на линии Ярославль Владимир Воронеж Харьков, в которых Советский Союз даже не упоминался! По Дёблину: в XXV веке почти повсеместно внедряется искусственный синтез продуктов питания – на

«фабриках Меки», XXVII столетие становится «роковым для Западного Круга народов», ведь мир так и не был заключён – «война просто сдохла»...

Книгу третью можно не читать. Разве для того только, чтобы узнать о «военном неврозе» – ведь консул Берлина Марке и узурпатор Мардук отравлены «ядом войны»... История Мардука-Ионатана-Элины расписана тщательно, только вот зачем? Автор объяснял так: хотел придать книге «личностное начало». С одной стороны – он тщательно работал над планом, даже графически изобразил строение своей эпопеи, с другой – «конкретное возникло неожиданно». Потому книга четвёртая «Оборотни» – об учёных, отстранённых от власти, желающих вернуть систему синтетического питания – она только для автора на своём месте... Хотя и без неё не обойтись, именно тут появляются аппараты дальнего боя – «тучегоны, туманогенераторы, испепелители»...

После мятежей в Америке правители, почувствовав угрозу, решили вспомнить давнюю успокаивающую колонизаторскую

практику освоения заморских территорий – нужно освоить Гренландию, «новый континент, который поднимут из льда»! В книге шестой об этом и повествуется. Сначала предполагалось расширить русло Гольфстрима, чтоб изменить климат во всём Северном полушарии. Роман вновь читать стало интересно! Одно только описание солнечной деятельности чего стоит: «Словно вихри, вышвыриваются они огненным морем, вонзаются в вибрирующий эфир: факелы из раскалённого водорода». Возникает идея взрыва вулканов Исландии и переноса их «огня» в Гренландию! Не останавливаясь перед жертвами – человеческая жизнь в мире, изображённом автором, не стоит ничего... С помощью «турмалиновых полотнищ», впитывающих «в себя яркое пламя вулканов, превращающих его жар в поток электрической энергии, которая позже, в Гренландии, снова будет выдыхать жар», так и происходит. Конечно, в электроэнергетике Дёблин не силён («из большого кабеля пустили ток»), но он ведь писал не футурологическую книгу, не прогностическую!

Книга седьмая – «Размораживание Гренландии» – поражает масштабом изображённых работ. Чтобы рациональнее использовать турмалиновые полотнища применяют «маслянистые облака», по которым даже ходить можно! Описания грандиозных природных и рукотворных процессов у Дёблина впечатляют! Но после «решения гренландской проблемы» творится странное, появляются некие чудища-ящеры. Благодаря неисследованным излучениям турмалина руины мелового периода обретают новую жизнь, «гренландские твари» (как месья Земли) обрушиваются на Европу, «чудовища опустошают регионы»! Учёный Делвил изобретает новое оружие: используя турмалиновое излучение, строит растительно-животные башни, увенчиваемые человеческой особью... Затем выросшие до гигантских размеров «башенные люди», вросшие в почву, образуют оборонительную линию защиты от ящеров. Но тут вступает в дело старое правило знати: «У кого возникают безумные идеи, тот должен получать от них удовольствие»! Высокомерная элита с детской непосредственностью также начинает наращивать плоть, превращаться во что угодно – становясь «гигантами», наслаждаться всемогуществом.

Героиня книги девятой «Венаска» – «стройная женщина с золотисто-коричневой кожей», обладающая даром очаровывать людей и чудищ – ведь она тоже «из рода ящеров и гигантов». Всех она уговорила добровольно «уйти»... Даже Делвил, на чьей спине разместился Дартмурский лес, всего-навсего лесом и стал... Всё-таки странные характеры рисует Дёблин, и гомосексуальные отношения – это ещё самое понятное из «странного»... Люди

«теперь предпочитали жить в деревнях-государствах», оставшиеся в живых считают: «Мы настоящие гиганты. Те, кто прошёл через Уральскую войну и гренландскую экспедицию!» Символично...

«Заметки» автора и комментарии проясняют некоторые нюансы создания романа. Писатель, задумывая «что-нибудь эпическое», о космических путешествиях писать совсем не хотел, потому и создал «теллурическую авантюру», главной темой которой должен был стать конфликт природы и техники. Уникальна книга с точки зрения стилистики: «Я не мог противостоять импульсам чисто языкового свойства» – писал Дёблин позже. Книга «колоссального формата», рисующая с разной степенью детализации семь столетий «истории будущего», действительно «обладает внутренней связностью», но обеспечивается та не сюжетом, а темой: Человек и Природа.

Перед чтением этой «экстравагантной книги» – как назвал её Гюнтер Грасс – желательно определить адекватный способ её прочтения. Трезвый прогноз? Экстатическое пророчество? Дурацкая игра?.. Немецкие литературоведы рекомендуют следующие: ненаивная гипер-сказка и научная фантастика. Но не развлекательная фантастика, а «проза высокого напряжения!» Тогда сам процесс чтения «одного из самых диковинных романов XX века» может стать увлекательной «авантюрой», прозрения Дёблина отнюдь не устарели и сегодня.

Эрнст Юнгер. На мраморных утёсах – Ad Marginem, 2009

Не зная ничего о жизни автора и истории создания романа, книжку эту можно прочесть как «фэнтези» или «историческую фантастику» отстранённо-романтического плана. В Рутовом ските на мраморных утёсах, разделяющих карликовые государства Кампанья и Большая Лагуна, живут два брата-натуралиста – собирают гербарии, читают и рисуют. Не только интеллектуальную жизнь ведут, «среди виноградных лоз и вин» не прочь и поразвлечься в долине... Результат – мальчуган Эрио, сын рассказчика, с младых лет умеющий (а всё бабушка!) «разговаривать» с гадами-змеями. Когда-то братья участвовали в военном походе Пурпурных всадников, и лишь затем стали заниматься растениеводством. «Растения тоже хотят что-то сказать нам, но нужно ясное сознание, чтобы понять их язык». Ботанико-пейзанская утопия разворачивается на фоне странноватой географии: рядом с Польшей и Британией – Боданальпа и Альта Плана. Имена тоже нерядовые – Лампуза, Фортунио, Эгор, князь фон Сунмир; наряду с «машинами» (авто) упоминаются и «пергаменты»...

С первых страниц ясно, что это повесть давних лет, сейчас так не пишут. Любители неторопливого чтения могут насладиться описаниями природных явлений, жизни растений, животных, крестьян. «Знакома щемящая грусть, которая охватывает нас

при воспоминании о временах счастья...» К сожалению, перевод довольно часто заставляет читателя «нырять» на возможно/плавном течении мысли автора. Примеры: «Когда свободный дух учреждает себе резиденции господства, автохтоны всегда присоединяются к нему»; «сеть таинственностей, которая обтягивала границы твёрдого порядка»; «он заключил нас в своё сердце»...

Устоявшаяся жизнь, в которой «всё бесценное даётся только случайно» и «любая теория в естествознании вносит свой вклад в генезис», даёт трещину, когда к власти начинает рваться Старший лесничий, принадлежащий к тайному ордену «мавританцев». Интересная подробность для «фэнов», оглашённая повествователем: «Мы часто видели его на конвентах и иногда ночью бражничали с ним!» Облако страха предшествует «Страшному» лесничему: «Он отмерял страх малыми дозами, которые постепенно увеличивал и целью которых был паралич сопротивления». После открытого бунта в Кампанье начинаются беспорядки в Лагуне, затем – «надев личину порядка, целиком воцарился ужас».

Не любил Лесничий ни городов, ни крестьянских усадеб, ни келий поэтов – «глубоко заложена ненависть к прекрасному, пылающая в подлых сердцах».

После его жестоких расправ остаются отсечённые мёртвые головы, кисти человеческих рук, сладковатый запах разложения – над подвалами жестокости высятся «гордые замки тирании». Можно и запутаться в сплетении неясных интриг «мавританцев» и Бракмора, в противостоянии людей и «лемуров, отринувших человеческие права и человеческие установления»... Тут и «зеркало Нигромонтана», фокусирующее солнечные лучи до испепеляющего огня, и битва двух собачьих свор (напоминающая «Дикую охоту»), произошедшая после призыва народного вождя Беловара к борьбе. «Мы охотно вспоминаем о своих величественных днях, но нам не следует обходить молчанием и те, когда власть над нами захватывало низкое» – размышляет повествователь.

Предпочитая на словах «пасть со свободными, чем подниматься к триумфу с холопами», братья – тем не менее – когда «лесной сброд» стал близок к окончательной победе, погибать не собирались. Своей природной магией Эрио вызывает ланцетных гадюк, которые шутя справляются с лесной собачьей шайкой. В глубокой печали покидают братья родной дом... «Не построить дома, в фундаменте которого не была бы заложена гибель... Мы видели мрачные картины и всё-таки в нас жила новая уверенность»...

Почему издательство, выпускающее априори книги, которые могут «скандализировать» читателя, издало эту вполне респектабельную по нынешним временам повесть? Ситуация станет гораздо яснее, если узнаешь, кто таков этот Юнгер! В издательской аннотации можно прочесть: «Эрнст Юнгер – романтический герой ушедшего столетия, путешественник, учёный, философ, солдат. Участвовал в двух мировых войнах, 14 раз ранен, кавалер высших орденов почти всех государств Европы, друг Пикассо, Хайдеггера, Кокто, Борхеса... Этот яростный и беспощадно красивый текст высокого модерна стал манифестом стиля и борьбы для всей читающей Европы...» Восторгам «торговцев» и переводчика (смотри послесловие) в пику достаточно привести высказывание лишь одного из многих критиков: «Проза Юнгера ужасна – школьное сочинение талантливого члена “Гитлерюгенда”!»! Вот вам и зачатки небольшого скандальчика!

Проживший очень долгую жизнь писатель и философ Эрнст Юнгер (1895- 1998) характер проявлял с юношеских лет. Потомственным аптекарем стать не пожелал, рванув с первого курса университета в составе Иностранного Легиона в Африку. Во время Первой мировой командовал ударной ротой на Западном фронте, был не только храбр, но и везуч (как-никак 14 ранений), награждён высшими германскими орденами. Прославился как «певец войны», опубликовав в 1920 году свой дневник «В стальных грозах»: не скрывая её ужасов, считал войну замечательной возможностью «глубочайшего жизненного переживания»! Оставив вермахт в 1923 году, изучал естественные науки в Лейпциге и Неаполе, по образованию (незаконченному) зоолог, собравший замечательную коллекцию в 30000 жуков!

Претендуя на высокую эстетическую культуру, не вступил ни в одну из реакционно-реваншистских писательских групп, в 1933-м отказался вступить в фашистскую Прусскую Академию искусств. Это при том, что книги его «проникнуты милитаристской идеологией»; в советской критике середины прошлого века не было ему характеристики, кроме «апостол фашизма и реваншизма»! И основания для этого были, во время Второй мировой Юнгер вновь (в 45-50 лет) в армии – командовал штурмовиками, затем работал в штабе Роммеля в Париже. После войны (ну конечно) опубликовал дневники военных лет «Излучения» (1949), и никакого «покаяния» там обнаружить не удастся!

В 1938 году Юнгер задумал книгу «Королева змей», в итоге превратившуюся в роман-притчу «На мраморных утёсах» (1939) – символично-аллегоричный. В то время автор отрицал какие бы то ни было аналогии Лагуны/Кампаньи с Третьим Рейхом, но они

так и напрашиваются... Но вот по Юнгеру ботаники-отшельники призваны были олицетворять лишь непоколебимую силу абстрактного человеческого духа! Вдвойне странно – ведь они просто покидают страну, разорённую ордами Старшего лесничего. Слава богу, произведение (отчасти даже вопреки автору) неоднозначно, его можно рассматривать и как «завуалированную критику диктатуры», и как «аристократическую оппозицию фашизму»; или просто «эльфийское фэнтези» писателя-середняка, пытавшегося оставаться человеком даже в гитлеровской Германии.

Евгений Воропаев в «Послесловии переводчика» не скромничает: «Перед нами роман-провидение и концепция жизни в глубокой гармонии с природой и культурой, жизни, открытой тайне мироздания, трудолюбивой, а главное, лишённой низкого страха... По мысли автора, человеку, чтобы приблизиться к свободе, нужно освободиться от страха...» Юнгер не раз разъяснял свою позицию во многих дневниковых записях; делал он это потому, что в романе чётко выраженной позиции автора обнаружить не удастся. Отсюда и издательский парадокс, ведь «текст бросал вызов», но тиражи хозяйственным способом допечатывала армия (немецко-фашистская)!

По Воропаеву: «Хотя Юнгер выказал несомненное чутьё подводных течений истории, “Мраморные утёсы” останутся в первую очередь языковым шедевром высшего уровня, а их автор – неподражаемым стилистом». Тогда получается, что Воропаев не справился с непосильной задачей перевода «самого поэтического произведения Эрнста Юнгера»... С переводами романов на русский немецкому мыслителю не везёт... И повезти вряд ли сможет, его беллетристика недовразумительна и схематична; интересны романы лишь просвечивающимся в них символическим планом, мощью масштабных проблем, рассматриваемых с высот «позднебуржуазного нигилизма».

До этого было лишь две попытки перевода романа «Гелиополь» (1949) – странноватой смеси античных реалий с приметами века XX/XXI-го... Единственная рецензия носила символическое название «Гитлер в Городе Солнца»! «Гелиополь» (он же «Гелиополис») возник в русле послевоенных антиутопий, показывающих, что за комфорт человеку придётся платить потерей души и сердца, а будущее сулит всё меньше шансов на благополучное разрешение конфликта между властью и человечностью, порядком и личной свободой. Похоже разработана тема в романах «Стеклянные пчёлы» (1957) и «Оймесвиль» (1977). Где и как установить

границы порядка и насилия, свободы и произвола – от решения этого вопроса зависит по Юнгеру модель будущего мироустройства. И уж в этом-то философ прав на все сто!

В послевоенные годы футурология, мифология, история земных цивилизаций становятся ведущими темами эссеистики Юнгера. Малым «Евангелием» его становится книга «У порога времени» (1959), рассматривающая социально-политическую историю как звено в общем гео-биологическом развитии планеты. А уж в семидесятые Юнгер пользовался большим влиянием не только в ФРГ, но во всей Европе: он получил премии Шиллера и Большого Золотого Орла, парижский журнал «Магазин литерер» посвятил ему в 1979 году специальный номер, назвав одним из лучших писателей немецкого языка.

Не обращая внимания на назойливый «пиар» и попытки скандализации, рекомендую просто почитать Юнгера; ведь в его беллетристике что-то есть с точки зрения философии, с точки зрения литературы что-то есть и в его философии.

Умберто Эко. Таинственное пламя царицы Лоаны – Symposium, 2008

– Ну а зовут вас как? – Меня зовут Артур Гордон Пим... – Не угадали. – Зовите меня...

Умберто Эко – крупный специалист по истории Европы Средних веков (медиевист) и свойствам знаковых систем (семиотик), автор нескольких «мировых бестселлеров» – совсем не фантаст, но два его романа влияние на развитие «интеллектуальной» фантастики, несомненно, оказали; так что НФ-энциклопедию без имени писателя представить трудно. Так и повелось, что любую его книгу после «Имени розы» (1980) и «Маятника Фуко» (1988) пытались анализировать не только мейнстримовские, но и фант-критики. Основания для таких попыток были: Эко, разработавший собственную теорию «увлекательной литературы», сам подростком сочинял комиксы и «фэнтези» – а старая любовь не забывается... И ярким подтверждением этому «Таинственное пламя...», роман, переведенный на русский через четыре года после первоиздания.

Все книги о книгах для автора этого фрагмента – лакомый кусочек книжных сокровищ. Коллекционирование – страсть анальная, нечто из четвертого измерения, (не)обжигающее таинственное пламя, трогающее нас изнутри...

Герой романа, преуспевающий владелец лавки антикварных книг Бодони, всю жизнь читавший без просыпу, просыпается в больнице. У него затруднения с памятью – *amnesia retrograda*, он

утратил часть эксплицитной памяти – автобиографическую; помнит только то, о чём читал... Только клише: элементарно, Ватсон, как десять негрят!

Сонный туман вызывает сонм «привидений», на двух первых страницах цитируются Элиот, Роденбах, По, Сэндберг, Сименон, Кафка... Без энциклопедии не подходи! Понимаю – цитируется, а что? Пришлось Елене Костюкович снабдить роман обстоятельными примечаниями (собственной маленькой книжкой).

Бодони, руководствуясь императивом «занимайся тем, что тебе по силам», вспоминает и философствует. Воспроизведение цепочек нейронного возбуждения – тоже работа! Как результат: «безносый кот в чужом пиджаке»... Совсем не оригинальна, но примечательна сентенция: «Если не думать, что всё на свете комедия, захочется повеситься». Эко-игры в «простодушного» вполне удачны, «приезжий на эту планету» подмечает немало странного.

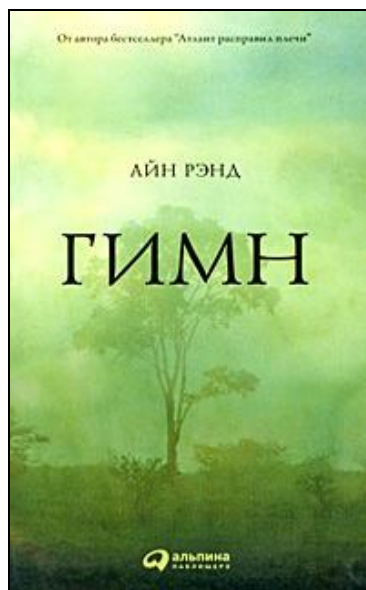
Насколько научно предположение, что пробуждению автобиографической памяти героя мог способствовать случайно увиденный комикс про Микки-Мауса? А если это любовь! Вхождению в катакомбы памяти помогают также Жюль Верн (серия «Collection Hetzel») в красных переплётках с золотыми обрезами, «Иллюстрированный журнал путешествий и приключений на суше и на море», «Флатландия», Сальгари, Шерлок Холмс, «Авентурозо» с Флэшем Гордоном, комиксы тридцатых, альбом «Таинственное пламя царицы Лоаны» сороковых...

В подобной «макулатуре» из загородного старинного дома Ямбо (так предпочитает называть себя герой) обнаруживает in-folio Шекспира 1623 года – мощнейший импульс! Ямбо, наконец, вспоминает детство, выпавшее на фашистские времена.

Третья часть романа «Ои ностои» начинается фантасмагорическими видениями. «Атлантида» Бенуа, голая грудь Джозефин Бейкер, двухтысячелетняя юная царица Лоана (переосмысленная воображением) – эфирная хранительница таинственного пламени воскресения...

«Воскресает» Бодони-Ямбо: выразив веру в сверхъестественное, люди излечиваются. Что-то готовится в Ямбо «распуститься» после завладевшей им на время (на двадцать с лишним страниц книги) фантасмагории из прочитанных когда-то комиксов! Любят семиотики старые дешёвые комиксы – есть за что!

Роман с картинками (цветные иллюстрации замечательны) искусственно (но довольно искусно) растянут, профессиональному читателю это будет совсем не в тягость.

Айн Рэнд. Гимн – Альпина Бизнес Букс, 2008

В отечественной «Энциклопедии фантастики: Кто есть кто» (Минск, 1995) Владимир Гаков так определяет значение этого политико-философского «романа» американской писательницы, философа и публициста, вышедшего в свет семьдесят лет назад и несомненно вошедшего в историю утопий: «К чему могут привести гуманистические ценности, если на их основе строить будущий “дивный новый мир“, Рэнд впечатляюще рисует в романе-антиутопии, своеобразном продолжении романа “Мы” Евгения Замятина»...

Давно хотелось мне прочесть эту книгу Алисы Зиновьевны Розенбаум (1905-1982), родившейся в Санкт-Петербурге и первые двадцать лет жизни прожившей в Питере, окончившей Ленинградский университет с дипломом историка (по специальности «социальная педагогика») и ставшей миссис Рэнд в начале тридцатых. Опасался, конечно, что и она не оправдает ожиданий, и не ошибся... Пусть Рэнд и почетный доктор литературы колледжа Льюиса и Кларка в Портленде (штат Орегон), но эта тоненькая книжка на «литературный шедевр» никак не тянет, хотя как социо-культурное явление интерес представляет.

В «слегка беллетризованном трактате» изображается общество, в котором регламентировано всё, в котором «что не разрешено – запрещено». В нём не знают слова «Я» (буквально), в нём «нет людей, есть только великое Мы». Дети и родители не знают друг друга, дети до пяти лет воспитываются в Доме Детей, следующие десять – в Доме Учеников. Затем работа до сорока

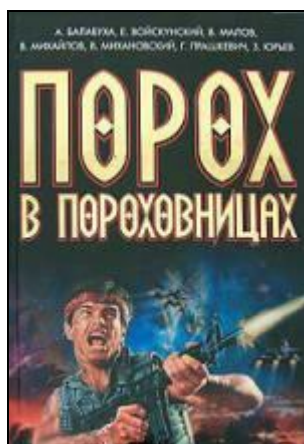
лет в определенной Советом области, редко кто доживает до сорока пяти... Любовь под запретом, «мужчинам запрещено замечать женщин», кроме как в День Спаривания. «Нет страшнее преступления, чем думать в одиночестве». Ну почти все, как у Замятина.

Отличие в том, что прошли века и технические достижения цивилизации забыты напрочь; например учат, что Земля плоская. Одержимый «проклятым желанием знать» (остальным все безразлично), Равенство 7-2521(таково имя героя) хотел бы стать Ученым, но направлен в Дом Подметальщиков – вот и конфликт... Не сдавшись, став вторым Гальвани, Равенство «открывает новую силу природы», то есть хорошо известное нам электричество. Свое открытие, покрепленное находкой в давно заброшенном метро (нечто вроде фонарика), он хочет подарить всем-всем, но ортодоксальный Всемирный Совет Ученых (естественно) открытие отвергает. Приходится бежать в Неведомый Лес и дальше, пока не попадается на пути дом с Незапамятных Времен с прекрасно сохранившимися (почему-то) книгами...

Из них и приходит откровение: «Я есть. Я думаю. Я хочу»... После того, как Равенство понял слово «Я», он решил зваться Прометеем...

Вся эта история нужна была только для того, чтобы в конце книжки восторжествовало «Я»! «Я покончил с монстром “мы”... Бог – “Я”... Я есть... Три святых слова: “Я хочу этого”...»

Для Рэнд «EGO» – священное слово, она ведь создатель философской концепции, в основе которой лежит принцип свободы воли, главенство рациональности и нравственность разумного эгоизма. Для изучения её наследия в США создан целый Институт! Советская критика в свое время отмечала, что произведения Рэнд утверждают политические и моральные идеалы американизма и «культ доллара», в СССР о публикации книг бывшей соотечественницы не могло быть и речи! Лев Копелев рецензию на другой её известный роман «Атлант расправил плечи» (1957) знаменательно озаглавил «Утопия долларопоклонников». В современной России книги Рэнд постоянно переиздаются, а её «Концепция эгоизма» вышла в серии «Памятники здоровой мысли»! «Я охраняю свои богатства: мысли, волю, свободу. Я никого не прошу жить ради меня, но и сам живу только для себя». Есть в такой тираде привлекательный момент, конечно – как во многих утопиях, да только это все «утопией» и останется...

ПОРОХ В ПОРОХОВНИЦАХ – АСТ, 2008 (сборник)

Ко всем представленным в объёмистом томе авторам я относился (хотя и в разной степени) с давно заслуженным уважением. Затею составителя Андрея Синицына – дать слово талантливым фантастам семидесятых – только приветствовал, но вот её исполнение восторгов не вызвало. Дело не в том, что авторы принадлежат к разным поколениям и группировкам: Зиновию Юрьеву и Евгению Войскунскому – за 80, почти восемьдесят лет прожил Владимир Михайлов (1929-2008), а вот Балабухе и Малову – чуть за шестьдесят... Сведение вместе писателей совершенно разных на данный момент «категорий» – вот «системный сбой» в работе известного антологиста. Ведь Михайлову и Прашкевичу ничего не надо доказывать, они и в XXI веке издаются регулярно (второй ещё и премии ежегодно получает). Пожалуй, и Войскунскому, отмеченному четыре года назад премией «Большой Роскон» за вклад в развитие фантастики, ведь его книги неоднократно переиздавались в XXI веке. Остальным, основательно подзабытым даже старыми «фэнами», наличие «пороха» необходимо было продемонстрировать. Что они и сделали в меру своих сил и умений – кроме Михановского (но об этом попозже).

Первой в сборнике поставлена повесть Владимира Дмитриевича Михайлова «2012». Произведение «политической» фантастики из целого ряда появившихся в последнее время (вроде «2008» Доренко), связанных с выборами президента. Мысли пожилого человека о прожитой жизни, нумерологические построения некоего двухсотлетнего цикла (1612-1812-2012)... De mortuis sicut de vivis nil nisi verum. «Политические» размышления скучноваты, да и вообще повесть нетороплива и обстоятельна, с

массой действующих лиц. Развалить Федерацию, «как до этого три царька разрушили Империю», врагам не удастся... В Кремль должны придти те, кто нужен России! Конец последней повести писателя, совсем недавно умершего, скомкан и несколько невнятен...

Повесть Геннадия Прашкевича «Нет плохих вестей из Сиккима» уже публиковалась в «Полдне...» Как и первая, она отнюдь не в русле семидесятых, заметно – оба автора за тридцать лет прошли долгий лит. путь. А Прашкевич ещё не чурается и экспериментов! Таинственное королевство Сикким; Шамбала, которая «рядом, но к ней нельзя приблизиться», чтение мыслей, виртуальность и геймерские «штучки». Но... не читается, не очень все это интересно... Save. «Попробуйте перезапуститься!»

А вот повесть Евгения Войскунского «Девиант» прочел с большим интересом! Хотя к фантастике она имеет отношение отдаленное. Это – классическая «история», история жизни «напичканного книжными цитатами», не совсем нормального москвича Олега Хомякова. Учеба, любовь, работа, бизнес, убийство... И «озарения» [экстрасенсорная перцепция]: прошлая жизнь – как португальского моряка давней эпохи, поиски Китеж-града... Всё к месту, все соразмерно. И размышления писателя мне близки: меняется жизнь, «неизменной остается ненависть к чужому». Девиант Хомяков приходит к выводу: «Живу я неправильно»... А как – правильно? Не такой уж простой вопрос.

Рассказ Владимира Михановского «Мир Инфории» очень удивил, оказавшись чуть подправленной «Страной Инфорией» почти сорокалетней давности...

Хорошо, что после пятнадцатилетнего перерыва вновь стали публиковаться повести Зиновия Юрьева. Его «Брат мой ящер» – об очередном визите в Москву сверхъестественных сил – читается легко, даже несмотря на затянутость отдельных эпизодов. Доктор биологических наук Ирина Сергеевна Кипнис встречается с «непонятными» явлениями... Здоровый парень в камуфляже оказывается Ангелом Господним Габриэлем...

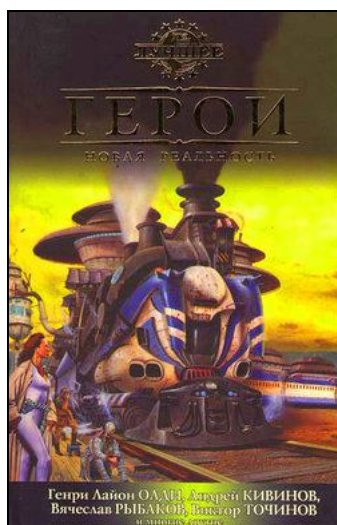
Таинственный «Иван Иваныч» предлагает ей стать пророком, дает дар исцелять и награждать этим даром других – при условии соблюдения классических заповедей. Немало страниц отдано рассуждениям о Боге, Торе, Йешу («эти еврейские штучки»...) В не совсем серьезной повести о рептильном нашем комплексе говорится всерьез: для «звериного спинного мозга» нравственность – непозволительная роскошь.

Очередной апокриф предлагает Андрей Балабуха в рассказе «Спасти Спасителя, или Евангелие от Измаила». «Иудейские дела» и ...машина времени... Если бы Иисуса не распяли – хри-

стианство не возникло, торжествовал бы ислам! Вроде бы логично, как и обращение за деньгами для воплощения замысла к Аль-Каеде. Но... «Вера – прехитрая штука», свято место пусто не бывает... Хороший рассказ, в связи с которым вспоминается ещё лучший – Ильи Варшавского.

Неспешно начинается самая большая повесть сборника – «На солнце ни облачка» Владимира Малова, его первое за последние пять лет опубликованное фантастическое произведение. Каталония, отдыхающие «руссо туристо»... В жизнь одного из них вторгается «неведомое», после совершенно «фантастической истории» на пляже Веня Городков получает (как бы в подарок) дешевые часы... А появившийся из них «маленький человек» (на самом деле – сгусток энергии) нанимает его на странную службу, за которую Веня получает приличное вознаграждение. Сюрреалистический сон оборачивается знакомой картиной: «Во Вселенной творилось черт-те что!» Многовековая тайная деятельность на Земле цивилизации женщинов, потребляющих «энергию живых существ», оказалась выкачиванием здравого смысла у россиян – «поэтому в России со здравым смыслом плохо!» Незаконная деятельность (вроде бы) пресечена, и «теперь многое должно измениться»... Как бы не так!..

Ничего не изменится! В том числе – отношение прочитавших книгу читателей к авторам вполне приличного сборника!..

Герои. Новая реальность – Азбука- классика, 2010

«Хочется верить, что литературная игра, которую мы затеяли, придётся вам по душе» – предполагает составитель Василий Владимирский во вступлении ко второму сборнику произведений «альтернативной классики», предлагающей свои версии развития событий, знакомых по произведениям Свифта, Дойла, Ал. Толстого, Олеси, Стругацких... Верить – одно, знать – совсем другое. Мастерство антологиста специфическое, его видение и возможности нечасто совпадают с предпочтениями читателей. Даже построение антологии (кто за кем) – дело непростое; но об этом потом, после рассмотрения повестей и рассказов сборника глазами читателя/критика. «Литературная критика – история человеческих понятий и представлений на фоне условий, определяющих их становление» – на основе такого замечательного определения можно делать разноречивые выводы. Пытаясь быть объективным, вперёд, рецензент!

В книгу включены две повести, пять рассказов, семь коротких повестей (больших рассказов). Самые объёмные произведения – самые уязвимые для критических стрел. В продолжении романа для детей Юрия Олеси «Три Толстяка» Тимофея Алёшкина (ну конечно, псевдоним) «Четыре Друга Народа» обрисована ситуация через шесть лет после победы «революции», увиденная «глазами ребёнка». Страна в кольце врагов, враги народа – рядом, все кругом – нехорошие люди... Выглядит «политика» в этой детской сказке «моветоном» (постмодернизм не причём); выписана история нечётко, разве что последние две страницы

захватывают – кто же эти «враги народа» конкретно?! Используя выражение из повести – «то ли не успел, то ли побоялся» её автор довести произведение до высоких стандартов настоящей прозы.

Создатель знаменитых, не побоюсь этого слова, «Ментов» Андрей Кивинов в повести «Мент обречённый» (написанной, похоже, давненько) провёл довольно интересный «мысленный эксперимент»: как могли бы развиваться события при «демократии и правах человека» в милиции, если бы начальниками её становились последовательно учитель, дантист, бандит. Всё «криминальное» на месте – специфика, жаргон и прочее. Но причём фантастика в этой сатире? Только последние три страницы повести привязывают её к произведению Стругацких – беседа Наставника с Учеником Андреем Вороновым, убитым через месяц в очередной стычке...

Лучшее произведение сборника – «Остров Цейлон» Михаила Назаренко, вот уж где «литигры» удалась несомненно! Следуя по стопам «известного чеховеда» Бориса Штерна, автор изображает встречу Антона Павловича с сотрудником «ведомства этнологической разведки» мистером О'Хара на Цейлоне. «Колониальный роман» начала прошлого века? Шпионский роман? И то, и другое, и третье. В литературоцентрической повести как бы мимоходом характеризуются романы Достоевского («длинно, нескромно»), упоминаются Конан Дойл, Жюль Верн, граф Толстой. Вполне уживаются Чехов и восточная мистика, ведь «бездна, древнее всех помыслов человеческих» – совсем не выдумка досужих выдумщиков-адептов. И психологизм тут совсем не надуманный: «Ничего я не умею любить, кроме своего писания»... Удачная по всем параметрам повесть о «противостоянии» Востока и Запада, Чехова и «просто Кима» была принята и «боллитрой», ещё в июне прошлого года она публиковалась в «Новом мире».

Композиционно чётко и сюжетно внятно написана повесть Далии Трускиновской «Бедные рыцари», в которой «тайна» раскрывается – как и положено в увлекательной книге – лишь в конце. Тут «двойная игра»: персонажи играют в легенды о рыцарях Круглого Стола («человек пятьдесят рыцарей, все длинноволосые и кудрявые, сильно навеселе»); автор играет с персонажами легенд о Логрии. Вот Мерлин возмущается: «Лучший мой замысел изуродовали, превратили в потеху для детишек!» Свой замысел Далия Мейеровна сумела воплотить вполне адекватно.

Привлекает внимание «Белая Госпожа» Владимира Аренева – повесть, написанная в «классических традициях». Вот только многовато красотей: «ледяное тепло...медовое сия-

ние...диковинные ароматы...» Ближе к развязке доброжелательный читатель вполне может проникнуться «настроением» и сопереживать героям-любовникам, ждать – что же с ними дальше-то будет. Слова из повести: «Ты так ничего и не понял» можно отнести к читателям, так и не определившим, на основе какого произведения написан текст.

Есть в сборнике пара детективов. Ранее публиковавшееся «Лето сухих гроз» Василия Щепетнёва – о приезде Холмса и Ватсона перед Первой мировой в Воронежскую губернию для расследования сугубо частного дела. Читается легко, даже описание «проявлений потустороннего», точнее параллельного мира, вписываются в действие вполне органично. «Поединок в Лорбрульгруде» известного автора детективно-фантастических произведений Даниэля Клувера не просто очередное путешествие Гулливера, а расследование дела об убийстве в стране семидесятифутовых гигантов. Клувер расписал незначительное упоминание об этом у Свифта на полсотни страниц, и следить за перипетиями расследования достаточно интересно.

К сожалению, открывающий антологию «маленький печальный триллер» известного мастера этих самых триллеров Виктора Точинова «Не стреляйте в демонов моря» лишён занимательной интриги и мало интересен: «печальный случай»... Дело не в том, что слаба связь между первоисточником – «Моби Диком» Мелвилла – и «триллером», просто текст его написан совсем нехарактерно (просто) для мастера.

«Ключ к свободе» Ярослава Верова и Игоря Минакова – сказка о Буратино на нано-нейронно-генном уровне будущего тысячелетия. Вначале текст слегка заинтересовывает, но затем... Язык «албанский» совсем «не катит», как и в лоб воспринятая идея – герои в новой реальности. «Убицца апстол!» Грустно, мальчишки...

О половине рассказов антологии лучше бы промолчать, но неангажированный рецензент позволить себе этого не может. Двадцать лет назад «Прощание славянки с мечтой» почти классика отечественной эНФэ Вячеслава Рыбакова было дерзко и ново, но сейчас... Может, лучше бы было не включать этот де-«марш» в антологию, «пляска на костях» уже неактуальна. Не очень смешна шутка о Штирлице и К* Льва Гурского «За мгновение до весны». Гораздо привлекательнее шутка Ники Батхен «Слепец». Кимир – Гомер, разница невелика... Дойдёт ли до современных «любителей фантастики» ирония автора? «Постмодернизм» в ярко выраженном виде проступает по всему тексту Марины Дробковой и Игоря Минакова «Пионер и комета». Муми-пионер из Мумидола, Волшебник из «междупланетной ракеты» и тому

подобное. Читается эта «штучка» с интересом, не разочаровывая до конца. Заканчивает сборник восьмистраничный рассказ Олди «Мы плывём на Запад»- уже публиковавшийся «трибьют» на темы Толкина и подражателей. Всех «коренных эльфов» (пьяниц, наркоманов, воров, убийц и пр.) авторы пародии обещают «вылечить». Авторов бы некоторых «подлечить»!

Известный критик Владимирский в одной из своих рецензий – на другую антологию – недавно написал: «Стремление объять необъятное до добра не доводит. На мой взгляд эту книгу можно было бы без особых потерь сократить как минимум на треть, если не вдвое». Если бы сам Владимирский включил в собственную антологию только произведения Назаренко, Трускиновской, Аренева, Щепетнёва, Клугера, Батхен, Верова и Минакова, Дробковой и Минакова (в таком порядке), она стала бы как раз вдвое тоньше, но гораздо концептуальнее. К сожалению, на составителя влияет множество разновекторных факторов, но неужели все их принимать во внимание! К примеру, случайно ли получилось, что более половины авторов антологии не только прозаики, но и/прежде всего критики, как и сам составитель?

Кругозор читателей антология расширяет, более половины текстов её достойны внимательного чтения, некоторые тянет перечитать – несомненные плюсы. Но вот на жанровую премию составитель рассчитывать вряд ли сможет – пухлая книга заведомо лучше тонкой только для любителей многотомных саг.

«страсти неземной» адекватно изобразить, и концептуальный переворот устроить! Г.Г. оказывается дитём малым и неразумным по сравнению с двухтысячелетней женщиной и её коварными планами... «Жемчужные врата» Скидневской – другие. На Набокова похоже не совсем, но читать интересно, ведь чудо и тайна (телепортация), как и достоверность (история любви) в повести налицо. Вот только окончание несколько портит благоприятные впечатления.

С интересом читается повесть Максима Горького «Колокол Ничтожных» (в исполнении Николая Калиниченко). Хотя автор излишне увлечён лит. играми с именами и датами, но и «приключений» тут достаточно. Но вот опять же скомкано окончание. Приятно удивил в очередной раз Иван Наумов – его поэма «Владимир Маяковский. Нулевой» не только знаковой «лесенкой» примечательна, ещё и смыслом/месседжем. «Игла-ракета/Опёрлась на столп огня...» (А вот стихи Олега Ладыженского, будь он хоть «Гумилёвым», хоть «Бродским» – не впечатляют... Биобиблиографические справки к ним и то значительнее).

Прозаических текстов, не затронувших «фибры души», тоже достаточно. «И ракета взлетит!» Хемингуэя (Владимира Данихнова), несмотря на «рубленные» фразы, очень уж напоминает американскую «сайнс фикшн» тридцатых годов. «Звериная» история (даже марсианская) Сетона-Томпсона (Юстины Южной), история очередной «лихорадки» Джека Лондона (Юлианы Лебединской), «таинственная история» Эдгара По (Леонида Кудрявцева) имеют полное право на публикацию, но читать их... Можно и не читать.

Несколько текстов «средних» принадлежат перу авторов известных. Геннадий Прашкевич «Плесень Бадамы» написал точно «в стиле Уэллса» (классика прошлого века), но вот современному читателю рассказ вряд ли будет интересен. А Дмитрий Володихин – никак не Александр Грин, пусть его сказка «Зябкое сердце» написана и неплохо, но в антологии – не обязательна. А уж «Летуны и летуны» Тэффи (Далии Трускиновской, замечательного в общем автора) – совсем никуда!

Неровен состав сборника, чего ждать от следующего текста – непонятно. Иногда ожидание оборачивается находкой. Эдуард Иванов (не псевдоним ли?) дебютирует маленькой пьесой «Охота на птеродактиля» (как Александр Вампилов) – так вполне профессиональная и интересная вещь. Мария Гинзбург тоже автор не очень известный, но её «Смерть займы» (Э.М. Ремарк) увлечь сможет запросто, да и не только увлечь. «Изумрудный корпус и серебристо-серые спущенные паруса марсианского корабля» (живого корабля) – это сказка... Но «сказки – это всего

лишь сказки», и молодая писательница всё прекрасно понимает, достаточно ясно показывает.

Не подкачала Яна Дубинянская, её «Межпланетный компромисс» (в стиле Довлатова) следует заветам современного классика: «люди как люди/ и что мы за люди такие?» Неплохой рассказ написал Дмитрий Федотов – «Жил такой парень» (Василий Шукшин). С «Путевыми заметками...» Бабеля (в исполнении Ники Батхен) сложнее, стилистика-то явно «бабелевская» (одесский говорок), но вот намешано всего сверх меры – магацитлы, евреи... Да и «Откуда есть пошли стратозябли» Гиляровского (Андрея Щербак-Жукова) из «Москвы космической» – на любителя, как говорится.

Что ж в итоге? Интересный сборник не для всех. Любителям литературных игр, классику читавшим, рекомендуется без сомнений, любителям многотомных сериалов – не читать!

Грэй Ф.Грин. Кетополис. Кн.1: Киты и броненосцы – Астрель, 2012

Российская «проектная» литература обживает ещё одну нишу – вышел первый том возможной эпопеи «Кетополис». Обставлено мероприятие солидно: на переплёт первой книги «романа-мозаики» некого Грэя Грина вынесен вопрос Сергея Лукьяненко: «Почему такое не пишут на русском?!», в «Предисловии к русскому изданию» Андрей Лазарчук доказывает, что Грин – псевдоним не только Халдора Олафурсона, но и его отца, то есть семейного дуэта. Читатель, не знающий, как говорится, нюансов, может и повестись на такое хитрое словоплетение! Как и на заявленное в предисловии: «Сюжет отличается ажурностью переплетений сюжетных ветвей»...

В мозаике как декоративно-прикладном искусстве каждый кусочек камня и смальты должен быть тщательно «притёрт» к его окружению – иначе смажется общее впечатление. К сожалению, в этой литературной «мозаике» фрагменты связаны слабовато. Сначала кажется – вообще не связаны, только потом связь всё-таки начинает просматриваться. Это и не удивительно, ведь пишут «эпопею Грина» шестнадцать «переводчиков с английского» (список приведён на четвёртой странице). Оттого и получается, что некоторые «куски мозаики» из непростой жизни (в начале

альтернативного XX века) придуманного города-острова («средоточия нескольких сил») так и выпирают на первый план.

Это прежде всего написанная Иваном Наумовым повесть «Прощание с Баклавским» – стильная и атмосферная. И единственная пока чётко атрибутированная, ведь автор уже успел за неё получить премию «Басткона» имени Владимира Одоевского, присуждаемую «за поддержание традиций интеллектуальной фантастики». «История инспектора» выписана обстоятельно, со знанием психологии, догадаться читателю – что там дальше будет, сложновато... А вот следующий сразу за повестью фрагмент – совсем другой, да совсем не в лучшую сторону. Хороша «история художника» под названием «Песни китов». Сюжетная, но определённую мысль проводящая: «Времена пошли такие, что самые странные сказки запросто воплощаются в жизнь»... Стивпанк с «андромехами» – пряная приправа.

Неплохо написаны «истории» аристократа, путешественника, модистки, беглеца (её автор вроде бы Шимун Врочек), каторжника, любовницы. Но ещё столько же «историй» могут понравиться только любителям неторопливого чтения. Стилистика, даже претендующая на оригинальность, совсем не компенсирует отсутствие интересного сюжета – для большинства читателей. И мало кто из них согласится с написанным в одном из фрагментов: «Причиной всех бед служит невнимательность»...

Опять же к сожалению, описания этого странного города Кето – очень похожие, повторяются не в одном фрагменте, что заставляет «пробуксовывать» действие. Хорош «мозаичный» роман другим – только начинает вроде проясняться одна из загадок, тут же всплывает другая! «Вы слышали, как поют киты?» О, киты в эпосе – загадка из загадок, неспроста же даже в названии первой книги они присутствуют. Разъяснится ли она хотя бы в предполагаемом пятом томе?

Литературная игра пронизывает весь текст, тут и прямые ссылки, и некие аллюзии. Понравиться всё это может далеко не всем. Тем более, что половина авторов, похоже, считала: ценность игры – в самой игре. О читателях они думали совсем не в первую очередь или не думали совсем.

Вот и возникает почти философская проблема... Мнение о наполовину заполненном стакане зависит от взгляда смотрящего, он ведь и наполовину полон, и наполовину пуст... Но любители творчества Чайны Мьевиля книгу-мозаику прочтут не без удовольствия.

Фанданго 3 – Симферополь: ТО “КаФКа”, 2007

Энциклопедическому определению альманаха “Фанданго” соответствует полностью, предназначению – нисколько! Раньше альманахи издавали для читателей, этот – только для писателей, то бишь его авторов. Даже то, что в третьем выпуске немало произведений незаконченных, говорит об этом. Вот выходил в начале девяностых в Москве альманах “Завтра”, по формату и объему очень похожий, а по содержанию – перпендикулярный! Все понять можно, ведь эти нынешние триста экземпляров выходят “на средства авторов” – заплатил и ... читай. Поэтому и объединяются под одной обложкой авторы совсем разные, что замечательно проявилось в новой рубрике “Сатисфакция”: “ядовитым словом” Коновалов причисляет Синицу к “постдермизму”, Синица же предыдущего называет “коновалом”!

Честно говоря, оба романа достойны “ярлыков”. “Инспектор любви” Александра Коновалова, написанный еще в конце восьмидесятых, сразу дает понять – это “нетрадиционная литература”, в которой “купе звездолетов” и “очереди в коридорах поликлиник” – явления одного порядка. “Новороссийск” Дмитрия Синицы, повествующий вроде бы о далеком 1965 году – то ли грангиньоль, то ли вообще бред о “войне за овладение пространственно-временным континуумом”!..

“Слушать этот бред было совершенно невозможно” – так называется маленькая главка повести Альмагия Голубова “В ожидании Христа”. Вот и мнение мое о повести таково... Посвящение чего стоит: “памяти святой XXI века А.С.Политковской”.

Включена в альманах и часть романа Владимира Ридигера “Крик в ночи”, также совсем не нового. Воровская и шпионская “экзотики”... Шутка? Для шутки... И не смешно... Маленькой повестью можно назвать “Гитану” Инны Пакета, рассказывающую о жизни “ариуны второго рождения”... Но читать в произведении двадцатилетней давности почти и нечего, так – слова...

В первом разделе “FANdangle” более-менее “читабылен” рассказ Гарифа Поленберга “Возвращение к истокам” – о рыцарском фестивале, пересекающемся с неким “Вторым измерением”. Единственный в альманахе НФ-рассказ Виктора Ковалева “УМ” – об “ускорителе мышления” – написан ровно 50 лет назад...

Начинающий раздел “FANdance” рассказ Вячеслава Килеса “Герб де Эмервилей” – единственный, приглянувшийся мне с первых страниц его.

Нечто детективное, мистически-готическое... Сен-Жермен, бессмертие – все не ново, но выполнено достойно. А если учесть время создания – 1990 год!..

Можно отметить сказку Надежды Зога “Память сердца”, два рассказа об “охоте на робов” под одинаковым названием “Стакан воды” – Николая Немытова и Гарифа Поленберга...

Столько авторов (более сорока), сколько произведений, а раскроешь книгу на первых попавшихся страницах – ничего не читается! Внутри “сознания Творца” оказываются трое не совсем нормальных в рассказе Глеба Давыдова “Место”... Фантастика! А вот рассказик Костантина Щемелинина “Полет человека в облике орла”: “я вышел во дворик, превратился в орла...” За-а-мечательно... (Кстати, в книге масса опечаток, начинающихся на первых страницах. То Щемелинин, то Шимелин... “Вытащил пуку из кармана”...)

Собранные в разделе “Sparkling FANcy” миниатюры и притчи – интересны ли самим-то авторам? О разделе “Сказка сказывается” не знаю, что и сказать – но мало хорошего... Все это очень напоминает журнал “Порог”, тем более, что статьи о “метафизике” в альманах также включены. А есть еще раздел “Варианты метапоэзии”!

Один из авторов, Александр Коновалов пишет в своей рецензии: “На тусовке писателей – авторов альманаха... часто произносился модный термин-ключ написанного большинством – постмодернизм”. А вот две строчки поэта Владимира Грачева:

“Эти несколько страничек недописанного текста

Мне расскажут очень много, а точнее ничего...”

Будучи сам “провинциалом”, я немного завидую, что вот в Крыму удалось организовать такой альманах, читателям не очень и нужный, но для исследователя фантастики очень интересный. Другое дело, что “республиканский альманах фантастики” все же должен держать определенный уровень текстов! Но как пишет Василий Владимировский о творческой стороне недавнего первого крымского конвента: “С таким уровнем провинциализма мне не доводилось сталкиваться уже много лет”...

“Тщательней надо!”, панове...

Ода абсолютной жестокости – М.: Facultet, 2010

Никто не может заставить российского критика-«старпера» читать фантастику двадцатилетних! Они пишут для «своих», зачем же нарушать границы и вторгаться на чужую территорию? Никто не сможет, кроме его самого – интересно же! Вдруг всё же некий МТА действительно «порвёт» стариков и сбросит их «с корабля»!..

В селевом потоке фантпродукции, обрушившимся на магазины, можно и утонуть... Все средства хороши для привлечения внимания, эту книгу из тысяч прочих я заметил и выбрал по названию – «Ода абсолютной жестокости». Автор заглавного романа сборника – Тим Скоренко, уже немного известный по нескольким рассказам, вполне «читабельным». Аннотация к дебютному роману «одного из самых талантливых фантастов нового поколения» обещала историю бессмертного берсерка Риггера в мире, где нет смерти, где каждый убитый на следующее утро просыпается живёхоньким... И философскую проблему: как поведёт себя человечество в случае обретения бессмертия? (Как бы новенькую...)

Да уж – по Скоренко – поведёт оно себя отвратительно... Читать «человеку воспитанному» роман тяжело, «становится тошно»... С первой страницы насилие и секс в стиле «отодрал во все щели» и «будут трупы». Заявление героя-повествователя – «но я не умею писать», положение нисколько не поправляет. Почти сразу возникает сакраментально-глупый вопрос: а что же хочет всем этим «пиршеством» жестокостей, пыток и издевательств сказать автор? «Смерть – непростая штука»? Да ведь в

его изображении – нет ничего проще! Вторую половину романа читать совсем неумоготу, пробегаешь текст по диагонали...

Кто умнее – тот слабее: замечательно «глубокомысленный» вывод. Его по ходу развития действия несколько не поколеблет фраза «Я умею читать... Это тоже оружие». Оружие-то самое последнее... Почему Риггер, став смертным, не захотел стать Императором, не очень и понятно... Автору виднее, но если читатель не понимает, это минус не только ему.

Для объема (и только) в роман включены «междучастия», можно было бы обойтись (автор встаёт на дыбы!) и без описания обычаев племени «самоедов» (в прямом смысле питающихся собственным мясом), мало вразумительного можно извлечь из интриг и заговоров со взрывами, роль артефакта из прошлого – металлической плиты (из 2476 года?) прояснится, по всей видимости, в части четвертой...

Риггеру, заявляющему: «Я всегда могу слово нарушить», сопереживать никак не получается, вызвать ненависть к нему автор также не сумел... Читать третью/четвертую части романа – время терять. Такую «фэнтези» можно писать и писать, автору то всё ясно, ему «интересно», это умный читатель задаётся «глупым» вопросом – зачем?

Почти треть сборника составляют «лучшие фантастические рассказы лауреатов конкурса “Facultet 2010”». Рассказы в большинстве неплохие, но – не более того. Два рассказа Кристины Гаус написаны профессионально («Достойно есть» уже публиковался в «Неве»), читаются легко и с интересом, но запомниться никак не смогут. «Выбор между смертями» – тема совсем не новая, и ничего оригинального автор «придумать» не сумел.

К сожалению, и мистическая повесть Ирины Сотниковой «Девять жизней Тома Оливера» читателя не заинтригует. «Тело найдено у разбитого зеркала...» – всё это было, было...

Вот рассказ Олега Сюскина «Другой» отличился оригинальным подходом, изображая восприятие нашего мира слепоглохонемым «повелителем полтергейстов». Повествование затягивает, Юру не просто жалко, ему сопереживаешь, сам как бы начинаешь чувствовать, как это – когда кругом «мрак, мрак, мрак...» И ведь всё так – не нужен этому миру человек необычный!

Сборник заканчивают три рассказа Антона Пыхачёва, написанные легко и занимательно, но не совсем просто. Вроде бы НФ-рассказ «Большая культура» как раз вопросы «культуры» и затрагивает прежде всего. «Должность атташе по этой проклятой культуре отнимает нервов больше, чем капитальный ремонт», ведь самое лучшее – «пресное, умеренно талантливое представление ни о чём!» Есть ударная фраза и в рассказе

«Редкие штучки»: «Писатель...Я покраснел, настолько неловко это прозвучало...»

Если задаться не совсем простым для людей немолодых вопросом, стоит ли читать (тем более – покупать) книги молодых незнакомых авторов, придётся ответ дать положительный. Лит-процесс на месте не стоит, за ним неплохо бы поспешать, чтобы (хотя бы) остаться на месте!

Дина Рубина. Почерк Леонардо – ЭКСМО, 2009

Книги русскоязычной писательницы из Израиля, родившейся более полувека назад в столице уже несуществующей Узбекской ССР, пользуются на постсоветских просторах немалой популярностью. Эта книжка в мягкой обложке, выпущенная тиражом 25000 экземпляров – переиздание романа, вышедшего всего-то полугодием ранее. Но сложилось так, что реалистическая проза Рубиной проходила мимо меня... А вот роман с фантастикой дошел! Открытия (даже маленькие) делать приятно, открыл для себя «классного профессионала», мастера стилистической игры и знатока человеческой психологии. «Хороший писатель всегда вран...» – это высказывание самой Дины Ильинишны. Хорошо «наврала» она в «Почерке Леонардо»!

Киевлянка Мария Кирилловна Нестеренко, в тридцать четыре года так и не ставшая матерью, удочеряет «скелетик в трусах» Анютку, не подозревая о последствиях импульсивного поступка... А какие гены заложены в девушке её отцом – пятнадцатилетним пацаном, вроде бы сыном самого Вольфа Мессинга, и матерью – тридцатишестилетней библиотечаршей, выясняется не сразу... «Невыносимый ребёнок» читает и пишет справа налево, без ума от зеркал, с детства «видит» своё и чужое будущее...

Книга заинтересовывает сразу, повествование – перемежающееся/пере- крещивающееся – не отпускает до самого конца. Ведь роман не только о левше Нюте – о жизни в Жмеринке, Гурьеве, Киеве, Франкфурте, Монреале, Вермонте... О музыке («настоящая музыка – настоящая тоска»), о цирке – как «смачно» пишет Рубина о жизни цирковых (хорошие у неё были консультанты)!

Нюта так и не назвала Машу мамой, эта «зеркальная девочка» не стала красавицей, но её тело амбидекстера – «безумно та-

лантливо». Толчок к тому дала нянька Христина, на седьмом году жизни Анюты «перелицевавшая» её (наильно заставившая равнозначно работать обеими руками). Имея возможности «большие, чем требуется человеку для счастья» (со своим «зеркальным тоннелем внутри лба»), Нюта-неприкаянная не находит ничего лучшего, как стать цирковой артисткой. А в цирке не зря стала крылатой фраза «Один день в неделю – для встряски организма – надо не пить»! Обладая с детства неутолимой жаждой к непрерывному постижению, Нюта все же решает: главное – цирк! При всей расположенности к физике, теории Эверетта, М-теории струн («Ё-моё! Вот мозги у девки! »)

Всегда «стремясь прочь», Нюта в цирковом училище «зависает», проходя жесткую и требовательную школу. И здесь книга Рубиной напомнила роман «Vita Nostra» Дяченко... Сама выбирая, кого любить, Анна бросает молодого, красивого циркового мужа, уходит к старому, седому, неприкаянному лабуху Сене... Почему? Да просто это «её мальчик», ну не срослось сразу...

Хрупкий и жутковатый дар начинает приносить неприятности – неправды не говоря, комфортным человеком не станешь... Нюту считают «ведьмой», участь свою она принимает, понимая – изменить ничего не сможет... Демиург хочет остаться человеком...

Как живописует Рубина еврейское лето в Жмеринке – какая фактура! Не со всеми её пассажирами могу согласиться, это из Иерусалима легко говорить (устаи персонажа) о бывшей родине: «Власть всегда будет разбойная, потому что земля такая...» Просто «ошибочка» автора, сродни другой, технической: «система охлаждения заправлена солярой»...

Став разработчиком иллюзионов/фокусов, Анна Нестеренко/Стрелецкая от массива чужих мыслей старается убежать – на мотоцикле, поезде, самолете. Но от мыслей собственных не убежишь... «Для чего я?» В гроб вогнала приемных родителей, радости принесла мало кому, одни неприятности. «Я просто зеркало... Мне не позволено ничего исправить...» Да-да, но... Не жалеть никого ради истины – тяжело... Что ж, выбор есть выбор, Анна «на середине моста вздёрнула мотоцикл на дыбы и, вылетев поверх ограды, понеслась по зеркальному коридору»... Откуда только силы отказаться от «дара», отринуть навязанный дар небес...

Но куда понеслась? Тут начинаются разночтения. В другую зеркальную Вселенную (согласно давней идее некоего Эверетта)? Но что внесёт в повествование эта «дурная фантастическая струя»? Бесследно исчезла довольно известная женщина, улетела по небу на мотоцикле... Уж лучше парапсихологию приплести, «мистику»! Но роман Рубиной совсем не мистический, реа-

листический (почти)... А в романе героиня не может исчезнуть без следа. Такое только в жизни случается... Так что Сеня встречается с Анной ещё раз...

Оксана Робски. Эта Тета – Астрель, АСТ, 2009

M.Version: Велика сила притяжения фантастического метода. Кого только не затягивает эта «чёрная дыра»! Робски ранее не читал – к чертям с матерями катись любая её книга, но эта!.. Про «фиолетовых инопланетян»- гермафродитов книжку проглядеть пришлось... Зачем сорокалетняя успешная бизнесвумен-райтер, воплощение «мечты идиота» о красивой жизни, обратилась к фантастике – вопрос, конечно, интересный... Она-то так поясняет: «...Роман получился именно таким, как я хотела». (Неужто Робски хотела написать пародию?)

С некой планеты Тета, чьи обитатели давно живут без эмоций, на землю «в поисках любви» отправляется Вторая экспедиция. Фантастический антураж жалок и смешон, вот лишь самые примечательные фрагменты: 1.Я нажал на газообразном эллипсоидном кристалле “паузу”... 2. Лёгкое кристаллически- фиолетовое тело дёрнулось на галогенном экране... 3. Он отключил от своей головы огромные круглые механизмы, считывающие мысль... 4. Мы летели через системы погружающих трансформаторов под названием звёзды... 5. На этих планетах высшие существа имеют обличье диких или домашних животных... 6. Используя небольшую радиолокационную камеру... Имеющей высшее (верхнее?) образование особи такое писать все же не пристало...

Ну пусть, изначально было ясно, что фант-гаджеты тут будут сбоку припёку. Ведь роман «про наши страсти и наше одиночество» (из авторской аннотации). И что ж находят на Земле отправившиеся «за формулой любви» Млей и Тонисий? С их сверхзадачей – научиться плодиться и размножаться – совершенно непонятно, почему высаживаются они в районе Рублёвки... Для «этого» Рублёвское шоссе – совсем не благоприятный регион. А всё просто, для автора жизнь за Рублёвкой – чуть ли не Terra Incognita...

Владея «всеми техниками превращения», фокусники-клоуны-инопланетяне познают нравы рублёвцев и рублёвок. Что ж оказывается? «Землянин ищет предмет любви не в себе, а во внешнем мире... Людям не нужны их идеалы. Люди вокруг ничего не хотят...» Разве что пожрать и выпить! Унаги, угорь на рисе, кайсо, папердели с белыми грибами, фуа-гри... Потрахать и то не каждый хочет/может...

«Я хочу, а он – не может!» Ну просто ужас! Как не согласиться с Натальей Петровной: «Мне нужны были эти мужики? Но как без них-то?» А также без Paul Smith, Hermes, Yves Saint Laurent... «В Armani было слишком просто, в Prado – узко, в Brioni – смешно...»

«Фантастика» со второй четверти книги становится «исчезающей»... Персонажи «играют в любовь без правил». Лишь тут Робски хоть что-то подмечает верно: «Люблю его... Он без меня пропадёт» – это горничная Галя (настоящая землянка!). Странные существа люди помогают тетанам (тетанцам) именно на Земле «найти» друг друга: Тонисий и Млей («я вообще не мужчина, я – инопланетянин») зачинают двоих детей...

«Серебряный корабль планеты Тета начал облучение всей территории Рублёвского шоссе зомбирующими частотами ультракоротких волн... на фоне огненного заката любвеобильной планеты Земля»... Каково?! Если это не графомания, то что же? И вот такое «изделие» выпускается тиражом 150.000 экземпляров...

F.Version(short): Эта фантастика, суётся куда не надо! Я читаю все книги Робски, пришлось и эту! Ну зачем Оксаночка – такая замечательная – обратилась к фантастике? Чего ей не хватало? О «поисках любви» можно было написать и без этих противных фиолетиков...

Зачем все эти кристаллы, экраны, какие-то трансформаторы... Господи, ведь роман про страсти и одиночество! А этого на Рублёвке и без пришельцев достаточно. О, какие страсти!! «...А он

не может!» Это ж ужас/horror, ну куда денешься, конечно, к другим побежишь!..

Слава Богу, Armani, Prado, Brioni никуда не делись, как и Yves Saint Laurent! Ах, вот бы с ними!..

Все же как-то непривычно, что двоих детишек зачинают двое вроде бы «мужиков», но с другой стороны, Млей же говорит: «я не мужчина, я – инопланетянин»!

А какой КОНЕЦ! «Серебристый корабль...на фоне огненного заката любвеобильной планеты Земля»! Какая красота!

Дорис Лессинг. Шикаста. Из цикла «Канопус в Аргосе: Архивы» – Амфора, 2008

Давно хотелось прочесть эту книгу. Ещё в начале восьмидесятых в одной из советских статей об английской литературе появилось не только упоминание о противоречивом романе, но и изложена канва событий. Тогда пересказ содержания показался мне довольно интересным...

Конечно, приятно прочитать в предисловии автора, недавнего лауреата Нобелевской премии по литературе: «Научная фантастика – жанр наиболее изобретательный и остроумный. Я не устаю обвинять академические круги в игнорировании литературы подобного рода...» Но – любителям настоящей НФ противопоказано чтение этого неизобретательного и совсем не остроумного произведения!

История колонизации планеты Шикасты исходит из Ветхого Завета, и кто с таковым не знаком, первую треть книги не оценит, да и не поймет. Потому что «Колониальная Служба» Канопуса в ветхозаветные «реалии» не вписывается, одно невразумительное «Руководство для колониальных служащих» чего стоит! Вот тут и закрадывается сомнение в адекватности перевода Ю.Балаяна, хотя бы после таких слов: «выведа входы на минимум»... Переводить ему было непросто, вот и остались некая «Сигнатура», поддерживающая «поток ВС с Канопуса», и совсем уж непонятная «Смычка»... В фантастическом романе Лессинг нет почти никакой техники, космические корабли и то – лишь

«сияющие сферы». Главное – контакт с Праматерью, с Держателем, с божествами...

Великая Война между Сириусом и Канопусом сменяется их совместными евгеническими экспериментами на Роанде (будущей Шикасте). «Шикаста, бедная Шикаста» (это цитата). Вселенная всегда отличалась «гадостным характером», но Шикаста! «Всё на этой планете проявлялось в крайних формах... Жизнь расцветала, и опять загнивала – и так без конца». Не раз посещал планету эмиссар Джохор, правда с промежутками в тридцать тысяч лет. Он-то знал, что различны «формы бытия на разных оболочках вокруг планеты, которых всего шесть». Бывал он и в коварной «Зоне б» с её «душами-бедолагами», в которой «стаями толкуются химеры, призраки, фантомы...» Коварные враги, шпионы планеты Шаммат, «перекрывают потоки и силы» с помощью эффлюона-3 – «чувствительного проводника, возникающего путем особой концентрации сознания» (именно так!) Пишет Джохор обо всем этом отчеты, да вот плоховато они читаются – неинтересны и сухи...

Но вот окончательно проясняется, что Шикаста – это наша Земля! Предлагается взгляд на историю XX века между Второй и Третьей мировыми войнами со стороны галактического наблюдателя. Более половины книги – сначала остранённое описание современной Лессинг действительности глазами «канопианина», затем – сатирические наблюдения глазами «шикастянина»... В Век Разрушения, когда сильнейшей из ложных идей стала политика, а «наука превратилась в идеологию», в схватке диктатур побеждает Китай, под его юрисдикцию переходит и «Панъевропейская Федерация социалистическо-демократическо-коммунистических диктатур».

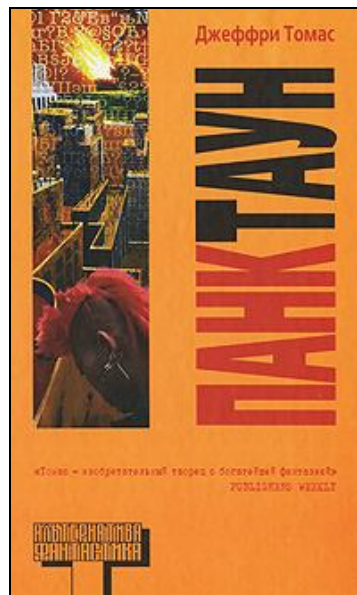
Маоизм тридцать лет назад ещё был силён, и описание лагеря 16 в Чехословакии для «перевоспитания на элитном уровне» вполне в духе времени... «Планета обладает полным иммунитетом к правде» – радостно информирует своего владыку шамматский шпион. Некая «ошибка» приводит к Третьей мировой, остается на Земле (Шикасте) около одного процента населения...

Заслуживала ли она другого, ведь её «белые народы на протяжении всей истории разрушали и портили мир, разжигали войны»... «Ученые умы Шикасты... обзавелись надежными шорами, позволяющими видеть результат изысканий лишь на фоне кормушки». Они и не заметили сражений инопланетных сил над Шикастой!..

Конец книги вроде бы должен вселять надежду: закладывают «город пятиконечной звезды» какие-то «новые люди», умы про-

ясняются и заполняются новым знанием, новым стремлением...
Не верится, честно говоря...

Ни к чему читать сегодня переводы книг, вызвавших лет тридцать назад всплеск интереса на Западе, совсем по-другому они воспринимаются в демократической России XXI века. Вот рецензент «Книжного обозрения» Максим Сомов, отнеся серию «Канопус в Аргосе» к «философской фантастике», в то же время считает – «стиль, напоминающий плавность и архаику священных текстов, отсылает читателя к “Сильмариллону”»... Внимательно ли читал он книгу? Но вот в чем он прав, так в этом: «Не предполагается ни интриги, ни действия, ни конца, ни начала»...

Джеффри ТОМАС. ПАНКТАУН – У-Фактория, 2008

Рекламным всхлипам с обложек верить чаще всего можно в той же степени, что цыганкам на улице – лучше не слушать совсем. Но вот высказывание По-ла Ди Филиппо из “Asimov’s SF” в адрес Джеффри Томаса, приведенное на переплете книжки, оказалось верным на все сто: “С грубым изяществом и жутковатым коварством Томас погружает читателя в глубины своих мрачных видений с первой же строчки...”

Девять рассказов из жизни обитателей земной колонии Пакстон, называемой ими самими “Панктауном”, запросто могут вывести из себя нынешних “блюстителей нравственности”! К примеру, клона здесь можно “вырастить” не только для производственных нужд, но и для “развлечений” – чтоб выпот-рошить его и бросаться кишками, или чтоб себя самого трахнуть (рассказ “Отражения призраков”). “Этика клонирования и права клонированных форм жизни оставались туманными вопросами...” Так что “выращенный” Маг-ниевый Джонс, чтобы не быть сожженным самому, бежит с завода и становится убийцей “Рожденных” – “в отличие от любви, гнев и ненависть он и не думал ставить под сомнение” (рассказ “Жертва”).

Обитатели Панктауна, в котором живет немало разумных видов, “никогда не отличались мягкотелостью”. Отец пятилетнего Йена Деклана, из-за атрофии ног способного передвигаться лишь на кибер-тележке, смертью сына доведенный до безумия, стреляет из ракетницы в лицо красивому незнакомому парню... (рассказ “Лицо”). Народ энцев сдирает шкуры с огромных зверей,

“называемых флюками” (рассказ “Сезон свежевания”). Творит свои зверства внутри человеческих тел л’льюд: проникая сквозь горло, душит их, получая удовольствие от агонии, и – “возрожденный, появляется из заднего прохода жертвы”...

“Все культуры кажутся друг дружке странными” – говорит один из “геро-ев” рассказа “Вакизаши”; потому-то в Пакстоне и тюрьма – “максимальной безопасности”... Детектив МакДиас (из рассказа “Хранилище печалей”) считал, “что жилище убийцы всегда говорит о нем больше, чем самый удачный

допрос”. Да уж: “тринадцать обнаженных обезглавленных мужских тел...

свисали с потолка..” – картина! Хотя воспоминания детектива “часто извлекали и использовали в судебных целях”, подобные “картины” он все же ре-

шает удалить... Впечатления от прочитанной книги Томаса также не из тех, что захочется “хранить вечно”, но и избавиться от них будет нелегко. Жутковатые впечатления, особенно потому что “строить новую колонию на одном из еще не изнасилованных миров” – любимое занятие землян...

Неужто нет даже “луча света в темном царстве”? Да есть, и это конечно любовь (в рассказе “Сердце за сердце”). Не экзотик-секс с “альенами” (“Его пенис...был почти черным. Очень длинным, но очень тонким...”), а любовь художника Тила к своей модели Нимбус. Арт-проект имитации рождения чело-века, созданный ими – “зрелище столь же эротичное, сколь и заставляющее задуматься” – приводит в итоге к “воскресению”: “они целовались... словно две возрожденные души”!

Разную фантастику пишут в Штатах. Такая, насколько я понимаю, и там на любителя. Тем не менее за тринадцать лет Томас выпустил уже 16 сборников рассказов и 12 романов, наиболее успешной книгой стал сборник “Панктаун” (2000), номинированный на Премию Брэма Стокера, переведенный на немецкий (обложку оформил сам Х.Р.Гигер). Из аннотации: “Джеффри Томас пишет мрачную НФ, похожую на хоррор...”, есть у американских кинокритиков и дефиниция “сайнс фикшн хоррор”, но градации/дефиниции не так уж и важны...

Будущее у Томаса лишь повод для анализа современного общества и бес-человечной политики корпораций и государств. Ведь безобразные и несчастные его персонажи – всего лишь наши современники... “Изобретательный творец с богатейшей фантазией”, Томас рисует их так, что читателя иногда “передергивает” от отвращения и пробегают “мурашки по коже”! Заслуги переводчика Ильи Мякишева в подобных эффектах, мне кажется, неоспоримы.

Антон Первушин. Звезда – Лениздат, 2007

Какой из фантастических журналов ни откроешь, фамилию Первушин там увидишь – если не проза, то обязательно очерк, или хотя бы упоминание в наградных списках: дипломов и премий он получил в 2007 году несколько, если не его рецензия, то рецензия на его книгу. Ведь только осенью вышла полдюжина разноплановых книг писателя, одна из них – НФ роман об альтернативном настоящем “Звезда” (кстати, заглавие на титуле не заключено в кавычки, не иначе как автор вкладывает даже в название некий скрытый смысл...)

Начинается книга как “военно-приключенческий роман о современной авиации”, которых Первушин написал немало. Подполковник Осипович выпускает две ракеты по гражданскому авиалайнеру... На что “Пролог” намекает, при его чтении совершенно непонятно...

Действие первой части романа начинается через двадцать лет, в 2003 году, с экскурсии по Космическому Центру на мысе Канаверал, с объяснений “дилетантам”. Сразу вспоминается, что автор – известный популяризатор космонавтики. Детальное описание полета шаттла “Колумбия” занимает около сорока страниц. Жаль, что компетентность автора в этих вопросах смогут оценить немногие читатели. Некоторый “саспенс” суховатые описания понемногу нагнетают... Дело в том, что в результате стече-

ния обстоятельств шаттл может разрушиться и сгореть при посадке! (Что и произошло в “основной” реальности).

Командир “Колумбии” предлагает починить крыло самим, заявляя: “Мы – люди дела”! Сразу вспоминается фильм “Аполлон-13” и еще кое-что, но только об этом задумываешься, как автор на странице 142 сам упоминает некогда известный роман Мартина Кэйдина “В плену орбиты”. Попытка ремонта на орбите приводит к гибели астронавта и совершенно кризисной ситуации. Тут-то русский журналист (все они шпионы!) предлагает вариант: СССР готов “рассекретить одну очень перспективную разработку”!

Да-да, в книге Первушина Советский Союз в 2003 году совсем неплохо себя чувствует! Так что некоторая провокативность налицо, но вряд ли это лишь трюк для привлечения определенной прослойки читателей. Союз превращается в “державу будущего”, по образу которой когда-нибудь будет перестроен весь мир! Какое? История “нового Советского Союза” начинается в сентябре 1983 года после инцидента над Камчаткой: южнокорейский “Боинг” рейса KAL-007 в этой реальности смог приземлиться... (Только тут становится ясно, к чему был “Пролог”).

Провозглашается “Политика Экономических Реформ”, “вдруг” разрешают создавать небольшие кооперативы, появляются ПЭ-Ры, “происходят серьезные изменения в структуре социалистической экономики”. Начинается реорганизация вооруженных сил, за “дедовщину” расстреливают даже полковников – “Генсек у на крутой!” (а было ли в обиходе тогда словечко “крутой”?) Да, Андропов жив-здоров, среди лозунгов его правления – “Ленинизм – живое учение”, “Обеспечение комфортабельной жизни – ныне сверхцель”!

Нагорный Карабах усмирен... “Альфа” штурмует телецентр в Вильнюсе... Но проезд по всей стране бесплатный! Новый генсек Б.Н.Ельцин также не склонен мямлить при борьбе с сепаратизмом! Появляются первые отечественные “эвемки”, Жорес Алферов налаживает выпуск “лазерных единых дисков”(ЛЕДышек), четыре полета совершает “Буран”... Все замечательно...

К мастерам “читать третьи планы” не относись, так что многое из изображенного Первушиным считаю просто “приколами”. Среди них: Машины и Механизмы Мавроди(МММ), командующий Авиакосмическими войсками (а затем и Министр обороны) Дудаев, некто Чубайс-аферист, честный (но так же богатый) Березовский, редактор “Мол.гвардии” А.Н. Стругацкий, авторы на учпопа Лукьяненко и Байкалов, малоизвестный актер Киркоров, конкурс “Девушка Советский Союз”, здоровенный “космонавтик”

Семецкий... А самая прикольная фраза вот эта: “Правительство пришло к здравой мысли”!

Вот на фоне таких событий во второй, самой обширной части книги – “Красная “Звезда” – и происходит становление будущего героя. Историю жизни Юры Москаленко автор рассказывает подробно, даже слишком подробно. Похоже, это воспоминания о собственном отрочестве, переходящие в “альтернативную историю” жизни-мечты. “Я всегда мечтал слетать на Луну...” – это же слова самого Первушина из предисловия к книге “Битва за Луну”. Так что, от школы – до летного училища, от первого полета на “Элке” – до гибели Семецкого (а как же иначе!), от первого курса – до выпуска... После разговора с Гречко пишется рапорт, Москаленко становится космонавтом.

Есть нюанс – все это рассказывается в таком стиле, что непонятливые могут возмутиться. Даже “Звезду Полюнь” Рыбакова некоторые пытались

сравнивать с опусами Кочетова и Шевцова! А уж тут: “Юра не мог узнать больше, ведь он принадлежал к обычной советской семье”, или “К концу восьмидесятых в советской экономике наметились негативные тенденции”...

Ведь это “стиль” статьи, доклада – мутант стилистический... Последовательные описания, отсутствие “тайны”, “немного наивная, почти детская вера в возможности НТ прогресса”...

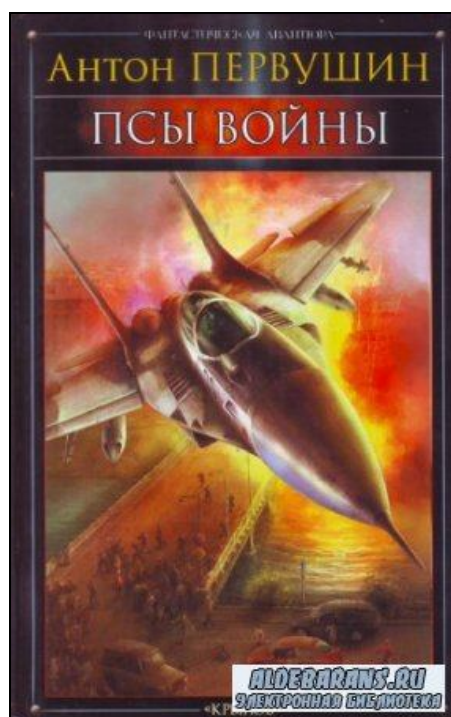
Но не надо забывать, что это первая книга цикла “Новый советский роман”. А уж в “советском” романе чего только не увидишь! Еще в повести “Небо должно быть нашим!” (написанной от лица “простого советского космонавта”) Первушин обыграл возможности “антимагии языка”, похоже, весь цикл будет в подобном стиле.

Москаленко вступает в специальный (военный) отряд космонавтов, тот засекречен до невозможности... Все же не верится, что американцы так ничего и не смогли узнать о КК “Звезда” Генерального Конструктора Д.И.Козлова, вооруженном пушкой Нудельмана!.. Но в “другой реальности” возможно все! В государстве атеистов “воспитывают нового человека” по программе Дольто, очень строго соблюдают авторские права, “водка везде круглые сутки продается”... Возможен ли был в нашей реальности такой Союз – черт его знает! Думаю, что нет. Хотел бы я жить в таком Союзе – пожалуй, что да...

Герой-космонавт Юрий Москаленко своим третьим полетом на облегченной “Звезде” начинает спасательную операцию... Первого февраля 2003 года КК подходит к “Колумбии”, Москаленко выходит в открытый космос, говорит: “Тук, тук!” Американцы спасены! А вот кто из тысяч потенциальных читателей книги вспом-

нит, что 1 февраля 2003 года в нашей реальности при входе в плотные слои атмосферы шаттл погиб? Уж точно, что не большинство!

Остался для меня неясным вопрос, а откуда мелкий пацанчик “Кошак” узнал о секретной “Звезде”, о которой не знали ЦРУ и АНБ? Это и есть главная тайна автора...

Антон Первушин. Псы войны – Крылов, 2008

Каждый день на русском языке выходят три-четыре фантастические (в широком понимании термина) книги, за год набирается объем больше шести кубометров. Автору и издательству вроде бы нужно стараться, чтобы их детище не оказалось погребенным под этой кучей... Но чаще всего “старания” не-заметно, а попытки выбиться из ряда приводят к обратным результатам.

Серия “Фантастическая авантюра”, в которой вышел роман “Псы войны”, репутацию уже заработала: я книги серии не читаю, эта – исключение. Автор ее также не новичок в литературе, его творчество мне хорошо знакомо. Но хочется попытаться взглянуть на “Псов” с точки зрения потребителя опусов, выпускаемых “дядюшкой Крыловым”, об авторе наверняка знающем очень мало. “Что мы знаем о лисе?/ Ничего, и то не все”!

Посвящение и эпиграфы тот пропустит, но начало книги может заинтересовать. По указу президента РФ расформируется Батальон особого назначения (“Икс”), так как его командир – подполковник Звягин – отказался выступить в 93-м против Верховного Совета (а точнее – против женщин, детей и стариков на площади). Но вследствие недосмотра сверху “спецсредства” остаются в ведении Звягина, и его команда решает не разбежаться,

а “повоевать” с сепаратистами, которых считает одним из главных зол. “Мужики” становятся наемниками, но наемниками “идейными”! В их активе, к примеру, разборка с “отморозками”, живо описанная на полутора десятках страниц.

После страницы 46-й может возникнуть недоумение – что это за республика биармов к северу от Ладожского озера, что за “альтернативная география”? Тем не менее – стремясь к выходу из РФ, ее президент Брумман не останавливается и перед провокациями. Тут уж и ЦРУ подсуетилось... Организуется акция по захвату острова с располагающимся на нем заводом, на котором намечается производство “уникального контрацептива” (в действительности – опасного вирусного препарата, могущего стать “генным” оружием). Вот она и фантастика...

К середине книги типичный “крыловец” может заскучать – от бытовых подробностей, от обилия информации, изложенной несколько сухо. Но через полсотни страниц Первушин реабилитируется, плавное развитие событий сменяется “взрывным”: планы “иксовцев” срываются, что будет дальше – неясно. И интересно!

Победа будет за “нашими”, но полного “хэппи-энда” не наблюдается (немало погибших “героев”), что потребителю совсем не в кайф. К тому же даже он заметит скомканность финала (беда многих современных авторов). В утешение – “продолжение следует”!

Восстановим status quo: Первушин – известный автор, о котором рецензенту кое-что известно. Это будет уже другое прочтение, ведь сам автор считает книгу “особенной”! Даже из посвящения “учителю” А.Д.Балабухе можно кое-что извлечь: Биармию почти двадцать лет назад в своей повести “Распечатыватель сосудов, или на Моисеевом пути” придумал именно он!

В обширном эпиграфе автор “признается”, что позаимствовал название (да и тему) у Фредерика Форсайта. Ну так что ж – неплохой пример для подражания/соперничества.

Не раз в книге проявляется любовь автора к “вставным” новеллам: это и маленькая история “полного грибника” Смирнова (имеющего реальный прототип), и история американского летчика Сэма Андерсона, волею судеб замешанного в эти события.

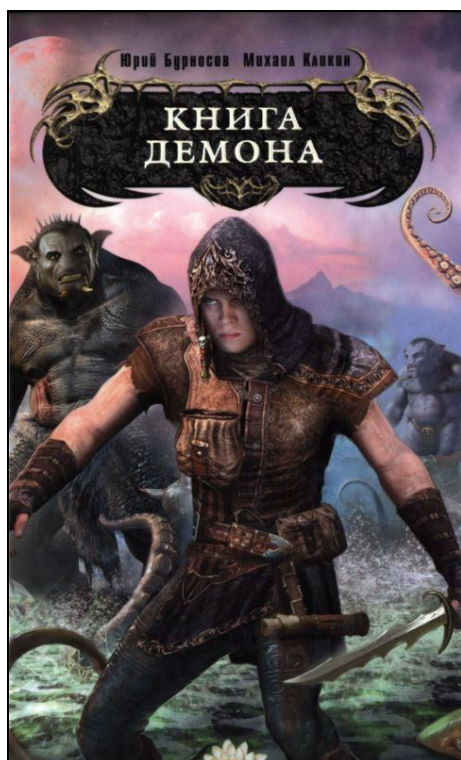
Не мог “технократ” Первушин обойтись без описаний научно-технических примочек: RFID-чипы, спецназовский супернож “Эльф” и еще немало подобного. Но что он еще и поклонник военного трактата Сунь Цзы – штрих совсем новый.

Немало в книге ссылок на другие романы автора серии “Пираты XXI века”, но в отличие от тех в “Псах” психология персонажей более достоверна, тщательно выписан “быт”, встречаются

очень точные наблюдения/высказывания. “Цепляет” тема предательства, ведь биармы почти переиграли “иксовцев” только благодаря тому, что “предательство в крови” (прав, к сожалению, писатель...)

Патриотически настроенный Первушин главную особенность русской души определяет так: “Русская душа не терпит бессмысленности”. Не в этом ли давняя ее тайна?

“История ничему и никого не учит” – заявляет один из персонажей романа. На что другой возражает: “Есть и хорошие ученики”. Антон Первушин – из таких, он постоянно учится: у жизни, у современности и истории, у мастеров пера, впитывая все достойное, отвергая нежелательное и порочное.

Юрий Бурносов, Михаил Кликин. Книга демона – ЭКСМО, 2008

Соавторство в современной фантастике явление обычное, книги пишутся вдвоем, втроем, впятером... К сотрудничеству подталкивают разные обстоятельства, в итоге получаются разные результаты. Бурносов начинал творческую деятельность в соавторстве (Виктор Бурцев), для Кликина это лишь первый опыт. Совсем недавно фэндом обсуждал вполне достойный роман Бур-носова “Чудовищ нет”, годом раньше Кликин опубликовал примечательный рассказ “Наш упырь”. Было интересно – что получилось у них вместе...

Что это “фэнтези”, становится ясно сразу, ведь первая строка книги: “Троллей было двое...” И один из них, Хнаварт, мудро замечает: “Люди всегда врут”! Очень знакомыми кажутся первые страницы романа... Построен он как чередование “историй”: четырнадцатилетний писец Гай спешит в город Дил, чтоб там получить работу; пятнадцатилетнего Тильта похищают разбойники, чтобы отвезти загадочной “Тени”... Неторопливые описания перепитий их судеб обстоятельны и внятны, вроде бы условие “достоверности” соблюдено, но вот “чудо и тайна”!.. Да и с достоверностью не все логично, “отчаянно глупый поступок” совер-

шают Гай и Лори, чтобы освободить из заточения тех самых двух троллей! Зачем? Чтоб собралась “очень уж странная компания”, включающая рыжего кота?..

Только на 177-й странице появляется упоминание некой “проклятой Тай-ной Книги”, исписанной столбцами цифр. Разгадать ее можно лишь с помощью множества других книг... Не зря же ранее в романе проскользнуло высказывание: “От книг этих одно недоразумение”!

Тильт приступает к переписке-расшифровке Тайной Книги, причем в чернила добавляется его кровь. “Начертанное однажды – однажды исполнится”, в день, когда он завершит “Книгу Драна”, Дран Лукавый, Лорд Тьмы придет на землю! “Пятиглавое чудовище с кожистыми крыльями и огромным стреловидным хвостом” “установит новый порядок”!

Начинается “война колдунов”, но служителей Драна одолеть непросто... Тильт постигает секреты мастерства, переписчик превращается в “соавтора”, он хочет остановить Драна. “Чернила, перо и бумага были его единственным оружием”.

И о приключениях Гая читать достаточно интересно, рыжий кот Скратч – иногда говорящий – очень живописен. Именно он помогает разоблачить предателя – наемника Гриффа, вроде бы вполне симпатичного персонажа...

Тильт овладевает “волшебством”, оживляет мертвеца Ферба, превращает камни в трех каменных воинов-“холемов”.

Еще не дочитав книгу до конца, задаешься мыслью – зачем две вполне приличные (но совсем не выдающиеся) повести выдаются за роман? Только потому, что четырехсотстраничную книгу продать гораздо легче?

“Роман” продолжается... Человек, переписавший Книгу Драна, получает великую силу – Тильт может все, даже стать птицей, даже “переписать” по-своему “проклятую книгу”! Лишь в последней главке (“Тильт и Гай. Предначертанная встреча”) герои сходятся, чтоб один из них смог заявить: “Мы весь мир можем изменить к лучшему”... Для этого надо “перенести на бумагу душу предмета... на том же листе должен оказаться и кусочек твоей души”...

Замечательные слова, вот только сами соавторы не в полной мере воспользовались своим же заветом. Не получилось... Жаль, что при сложении творческих индивидуальностей умножения творческих способностей не произошло, и новое качество не выкристаллизовалось...

Миловзоров Борис. Точка бифуркации – М.: Игра слов, 2007

Не будучи “штатным” рецензентом, я отмечаю (в основном) книги “выдающиеся” – вершинные и провальные, задевшие эстетический нерв библиофила. Но, нет правил без исключений! Эта книга “выдается” разве лишь размером... Второй том трилогии “Рок” – толстый том “энциклопедического” формата, вышедший в неизвестном издательстве, но тиражом 5000 экземпляров. Аннотация обещает “захватывающие приключения в многомерных просторах Вселенной”, первые страницы пытаются познакомиться с содержанием первой книги...

Но вот ведь какое дело... Даже если кто и читал роман “Рок”(первый том трилогии), то за прошедшие полтора года он все напрочь забыл. Так что оценивать этот роман придется как отдельно-самостоятельный. “Кто я?”- на десятой странице вопрошает некий “Он”(с большой буквы). Гора, он же “идуший к солнцу”, понемногу начинает осознавать себя... Побывав на “планете роботов”, обитатели которой живут “без Бога”; постоянно обращаясь к Господу (и наверное, с его помощью), он попадает на “третью планету”... Тут и начинается – “вспомнить все”! Он – Георг Проквуст, встретившийся с Барри Глетчером, они вместе на Гее/Земле... Тут-то и требуется знание первой книги, но неужели автор думает, что читатель быстренько побежит за ней в книжный?..

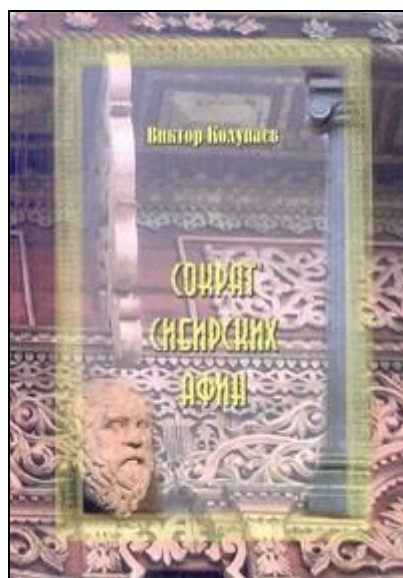
Раскрываются тайны: громадный звездолет Глетчера, оставленный у Марса – его спутник, расу разумных на Земле, то есть нас с вами, создали ирийцы... Выскакивает “монах Церкви Рока” Бенни Адамс, его встреча с Георгом хоть что-то проясняет/напоминает. Гора, “Святой Гора” принимает участие в исследованиях планет, раненый подлым хоравом, но чудесно исцелившийся, заявляет: “Вам пинка для скорости дать?” Ну настоящая святой!...

Во второй части (“Неисповедимы пути Рока”) на планете Звезды Совета Цивилизаций проходит встреча с главой Совета – хамом-драконом (“Ха-а-мы!..”) После многих приключений – “переговоры о Земле”(глава 12): Земля и есть “точка бифуркации”(см. словарь!), она заслуживает пристального изучения (ну спасибо)... Оказывается, мы – космический нонсенс, невероятная генетическая смесь...

В 15-й главе “Георг получает задание СЦ”: в “Темной империи” он встречается с арианцами и лемурами, воюет и думает, узнает “историю арианской цивилизации”... В третьей части “Георг отправляется на Землю”, встречается с разумными динозаврами-динозавриями, пробив “брешь между мирами”, попадает в... советскую милицию... Естественно, Земля давно под наблюдением космитов! Приключения Георга на Земле оригинальностью не блещут, что в Эстонии, что в Израиле. Ну конечно, “на Земле есть места, где концентрация божественной сути выше”, но не обывателям их искать...

Георга преследуют арианцы (а за что, собственно?), хотят казнить, но тот не сдается... Ускользает вновь на Ирию, но через тысячи лет... Одно название главы 24 многое проясняет: “Святой Проквуст на Ирии. Бенни Адамс – жив”. Проходит переселение в новое тело, приключения продолжатся в заключительном томе...

Невооруженным глазом заметны усилия автора на нечто большее, чем приключения тела, но “приключения духа” в книге обнаружить трудно, все тонет в какой-то “петуховщине”... Автор наверняка был полон благими намерениями, но вот читатель расшифровать их вряд ли сможет.

Колупаев В.Д. Сократ Сибирских Афин – Томск: Изд-во ТПУ, 2007

Не читал Колупаева пятнадцать лет... А “Качели Отшельника” (1972) не забыл!.. Замечательная повесть о возможности “управления временем” выстроена так, что невозможно было оторваться! Эта же 600-страничная книга Виктора Дмитриевича совсем другого плана... После некоего “озарения” у писателя поменялась манера изложения, занимательность и “приключенчество” отошли на ...тый план, на первый выступило “любомудрие”... Так что нынешним молодым “любителям фантастики” последний роман писателя, скончавшегося семь лет назад, даже не стоит и в руки брать. Немолодым и неглупым тоже надо постараться “вчитаться”, потому что чтение все же “затянутой” книги может захватить совсем не “экшном”, удовольствие возможно получить от неторопливых совместных размышлений – обо всем на свете!.. Пример: “Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, а несуществующих, что они не существуют”. Компрене ву?..

Только не надо относиться к книге и как к “философскому” труду, не зря же в ее подзаголовке указано: “пародия”. Колупаев в предуведомлении просит прощения у философов “за то, что в этом романе не только использовал их мысли и идеи, но и всячески их искажил и переврал”! Один из философов – родоначальник диалектики, босой пожилой человек с “несуразным” лицом, приятным “несомненным умом”, появляется уже на первой странице повествования. Это Сократ, просвещающий человека в

кроссовках: “Все проблемы неразрешимы”... На заявление: “Я просто хочу знать, что такое Пространство, Время, Жизнь, Смерть, Бог”, он просто отвечает: “Глобальный же ты человек!”

И вот “глобальный человек” с Сократом ходят по “Сибирским Афинам”, встречаются с “сибирскими эллинами”, рассуждают о том/о сем, попадают в безумные ситуации... Кого тут только нет – все-все-все! Ареопаг! Сплошь “авторитеты”, как древние, так и современные. Перемешаны эпохи, спутаны времена... Вот “новый сибирский эллин” в красном пиджаке, обменивающий Время на Время, а вот “многоумный” “исторический и диалектический материалист Межеумович”, заявляющий: “Все не так”...

Псевдофилософские диалоги занимают основной объем книги (“Их хлебом не корми, только дай порассуждать”). Иногда беседы на симпозиуме (когда “налито и выпито”) очень интересны: “Воистину, мудрейший Фалес, над каждым из твоих ответов можно размышлять целую вечность. – Точно так же, как и над твоими вопросами, Сократ”.

“Что материализм и идеализм? Что наука и философия?.. Что все эти и другие чудотворные изобретения человеческого разума по сравнению с убеждением в единстве сущего, в божественности Мира, Души и Вечности?!” Тем не менее, “разговоры” по настоящему “философичны”, то есть отмечены “любовью к мудрости”. Пифагор в романе заявляет: “Мое учение – это любомудрие, а не мудрость”...

Зарисовки “сибирской” жизни (шулера, олигархи, наперсточники) – сатиричны, не более. В толстой книге нашлось место воспоминаниям: “Помните времена правления Первого Секретаря Самой Передовой в мире партии, ... времена мужественной борьбы с винопитием...” Винопитию, кстати, в романе уделено немало места. “Действие вина все заметнее и благотворнее сказывалось на моей мыслительной способности” – это “глобального” человека высказывание. Полностью согласен с таким: “Вино возбуждает дурные страсти только у дурных”!

Досталось от Колупаева демократии: “Перестройка закончилась безудержной демократией: все разрушили, а теперь думают, стоит ли все восстанавливать? Получится еще хуже”... Проскользнуло в диалогах и такое: “Большинство всегда право! /Большинство – зло” или “Раз человек, значит, все равно обманешь”...

О чем только не рассуждают в романе: о дельфинах, огородниках, блудницах, множествах Кантора, апориях Зенона... “Никто не помешает поболтать друг с другом, пока есть время”. О Времени тоже рассуждают (время – деньги, Время – все). Вот

Пифагорово: “Время есть шар объемлющего мир дыхания”!
Время – это Время!!!

Высокое и низкое в романе рядом; сев на скамью с овальными отверстиями, “глобальный” – “молчал, тужась над созданием умных мыслей, вздорные и ненужные пуская по ветру”... Еще сценка: “Жрать будете? – вежливо спросила официантка” (а знала ведь – “философия до добра не доведет”).

Весь этот “своего рода веселый бред” (как написано в аннотации) – “понять сможешь только ты сам”(так написано в романе). Последние страницы книги – “откровение” от Колупаева... “Наградили Сократа смертью” и “с облегчением переложили ответственность на кого-то другого”... “Все в Сибирских Афинах пошло хорошо и еще лучше”. Какие уж тайны Пространства, Времени, Любви, Счастья, Жизни и Смерти...

Ан нет, на самых последних страницах опять вместе Сократ, Протагор, Платон, Каллипига, Межеумович... Обсуждают проблему добродетели, переходя от поэзии к прозе, философии, политике, богам и еще выше...

Жизнь продолжается!

P.S. Жаль, что в замечательно оформленной книге уже на седьмой странице несколько “очепяток”...

Владислав КРАПИВИН. Бриг «Артемида» – ЭКСМО, 2008

Книг Крапивина издается множество – значит, спрос есть. Кто читает их? Неужто современные тинейджеры? На магазинных стеллажах его книги располагают в отделе «Детлит», но много ли подростков берут их в руки? Сомневаюсь... Неспроста и Владимир Березин пишет по поводу номинации книги писателя на премию «Ясная Поляна»: «В этом имени для многих людей старше сорока лет привкус ностальгии...»

Я читаю повести Владислава Петровича (не все, конечно) – отметившего совсем недавно семидесятилетний юбилей – вот уже сорок пять лет. Впал в детство, точнее – не совсем выпал из него! Прочел и совсем новую его книгу.

Неспешно начинается заглавный роман с авторским подзаголовком «Сказка о дальнем плавании». обстоятельно рассказывается о детстве одиннадцатилетнего Гриши Булатова, мальчика середины XIX века. Хорошо написано. И о детской тяге к морю (уже в самом начале появляется описание брига, пока ещё только в картинке «волшебного фонаря»), и о саночных забавах в снегах неведомой «Турени». Тут и кавторанг Петр Афанасьевич появляется, предлагающий мальчику плыть на Кубу! Ну кто сейчас знает историю Крымской войны? Автор мог бы писать все что угодно, даже если бы назвал роман историческим, но он предпочел назвать его «сказкой», и совершенно правильно. Вот то, что вышла книга в серии «Русская фантастика», принять труднее – фантастики в книге нет никакой, разве что присутствует элемент «альтернативной гидрографии»... А вот сказки для

«взрослых детей» (иногда даже слишком сентиментальные) – вот они.

Романтика странствий налицо – Гваделупа, Азоры, Антилы... Да не только, ведь «от кровавых сторон жизни мальчиков не заслонишь», так что разговоры идут и о том, как тяжело брать на себя решение, и о французских гильотинах на Гваделупе. Сначала чуть струсив, затем проявив решительность, Гриша становится «официальным» юнгой брига. Ненадолго, жестокая действительность заставляет самого себя «разжаловать». А потом опять записаться – чтоб с французами повоевать! «Взрослые придумали свой мир, в котором детским горестям нет места»... Непонятны мальчугану взрослые проповеди: «Не всякая доброта на пользу... Ежели прощать человеческие подлости, сообщество рассыплется»... Все правильно, но...

Никаких особых свершений на счету брига в итоге не оказывается, не об этом роман. Слова доброго доктора (нет, не Айболита) Петра Афанасьевича, нашедшего общий язык с Гришей, разъясняют кое-что: «Дело в том, что я когда-то был тоже мальчишкой...» Действительно, кто-то помнит об этом всю жизнь, большинство забывает, достигнув юности.

В традициях XIX века в эпилоге «повести о мальчиках» – все хорошо...

Герой повести «Дагги-Тиц» безотцовщина Инки (Иннокентий) считает себя, не без оснований – «ненужным всем на свете». Вокруг него то «серое равнодушие», то «обступившее зло»... И выписано все это ну очень жизненно! А с точки зрения учителей все, что «вытворяет» И.Гусев – лишь безобразия. О, учителя, для которых с детьми заниматься – нет хуже наказания! Лишь старые ходики, найденные и починенные, да мушка Дагги-Тиц радуют Инки... Он «скоро вырастать не собирается», вопреки несправедливости и злу все же находит друзей. Стараются следовать словам Гамлета («Вы можете меня сломать, но играть на мне нельзя»), но не очень это получается... Ведь ответ на вопрос – «Должна же быть на свете справедливость?», для большинства ясен – нет её в нашем мире.

Не желая смерти даже явному врагу, Инки выворачивает самодельный взрыватель из боеприпаса, подготовленного другом Гвидоном... Но и сам Гвидон не жмет «взрывную» кнопку... Причины несколько сомнительны, уж больно «философствуют» пацаны после неудавшегося покушения на бизнесмена Молочного, подмявшего под себя весь городок.

Но покушение удастся (почти) другому «мстителю»... Всё же – «гады жить не должны»? С другой стороны – что один этот акт

на «фоне постоянных взрывов, пожаров, крушений» в нашей любимой стране?

Эта, по собственным словам автора – «порой даже грустная повесть», не лишает НАДЕЖДЫ! Даже если кажется, что «ничего от тебя не зависит», и серой мути в жизни немало, надо идти вперед, чтоб «боль и несчастья были уже позади»!

Вадим Панов. Последний адмирал Заграты – ЭКСМО, 2011

Примечательна эта книга «певца Москвы» и «Фантаста 2009 года» прежде всего оформлением, совершенно нестандартным для современного книгоиздания – цветными вкладками Сергея Атрошенко, комиксовыми вставками Евгения Гусева (как продолжениями текста романиста).

Содержанием роман особо удивить не сможет, хотя написан он на высоком профессиональном уровне. Действие разворачивается в не совсем понятной вначале Вселенной «Герметикона», с тщанием выписанной до мелких деталей. «Алхимическая школа под названием Герметикон – основа цивилизации, политический центр человечества»... В небогатом Загратийском королевстве находят огромные залежи нефы – сырья для производства бензина и т.п. Некая «Компания» спонсирует мятеж Нестора дер Фунье, чтоб завладеть впоследствии богатствами недр. Но у мятежника свои планы, которым – в свою очередь – пытается противодействовать мессер Помпилио, ну очень колоритная фигура (к тому же бамбадао). В интригу замешаны лидеры Трудовой партии, ну и ведомые ими народные массы... Отзвуки всех «цветных» революций последнего времени в книге налицо!

Параллельно развивается сюжетная линия адептов Хозкунса, оно же Высокое искусство достижения цели. Туманит головы идея рыцаря, способного в одиночку решить исход сражения, а проще – идеального убийцы, который «убивает, но в его сердце

нет места злобе». Страницы, посвящённые бамбадам и бамбадао – гимн оружию и его умелым пользователям!

Несомненная «изюминка» книги – «цеппели» Астрологического флота, способные неким способом преодолевать Пустоту между звёздными мирами. Цепари, алхимики и астрологи, «знаки Пустоты», «сфера Шкуровича» как негасимый маяк в странствиях... Каким способом гиганты легче воздуха прыгают от звезды к звезде – непонятно, это «одна из наиболее охраняемых тайн»... И тайн таких немало, оттого роман к «паропанку» (при наличии всяческих кузелей и паротягов) причислить не просто, фэнтези тоже рядом...

Подробны портретные характеристики действующих лиц, описания ступеней бунта и интриг, связанных со «стравливанием» в общем-то неплохих людей. Несомненно, «война – это путь обмана», но военно-стратегические построения автора в полной мере смогут оценить только знатоки. Доступнее психологические: «Они ничему не учатся, не хотят учиться» – это про так называемый «народ»...

Как приключенческий роман книга Панова замечательна, и её герои вполне способны вызвать у читателей сопереживание. Но вот как роман фантастический (даже со «Словарём» терминов в конце) книга не очень оригинальна, запоминаясь более всего лишь иллюстрациями и тщательной проработкой миров Гермеконна.

Вадим Панов. Красные камни Белого – ЭКСМО, 2011

Второй роман цикла рекомендуется читать сразу после первого, иначе читатель далеко не сразу начнёт догадываться – о чём же вначале написано. Ситуация классическая – где я, кто я? «В неизвестности» (на неизвестной планете) оказывается компания из шестерых очень непохожих разумных (людей), выживших после катастрофы, но – «Пустота такова» – потерявших память... Основные навыки и знания остались, но вот «кто я» – для них совершенно неясно. На этих обстоятельствах писатель создаёт вполне интересные психологические построения, ведь эти персонажи «абсолютно свободны» – ничего никому не должны, и им никто не должен.

Как и в первом романе параллельно развиваются несколько сюжетных линий. Например, история неких «охотников», странных и очень кровожадных, с которой и начинается книга; не сразу, но выясняется, что это «мыры» с Эрхана – очень специфические существа...

Основная часть романа – чисто приключенческая: группа во главе с лысым «Грозным» пытается сначала выжить, а потом – добиться поставленным им целей. Интриги, схватки, тайны – ведь это легендарная планета Ахадир с Храмом Красных камней Белого! «Белого Мора», и они вполне могут стать супероружием.

Тайны начинают проясняться, нет сомнений, что «Грозный» – знаменитый Помпилио дер Даген Тур, но... Хитроумный автор

вновь не без успеха начинает запутывать читателя. Три цеппеля одновременно оказываются на вроде бы недоступном Ахадире! С совершенно противоположными целями.

Ведь нет покоя в мирах Герметикона. Великое Ничто, в котором и расположены планеты освоенной части Вселенной, таинственная Пустота с её иногда чудовищными Знаками, в которой обычный перелёт может закончиться совсем незапланированно – всё это подвигает совершенно различных разумных «разобраться» с Неизвестностью! Для Помпилио главное – вспомнить всё! Задача поставлена, значит – решена! Дер Даген Тур опять не только умный, но и всё знающий.

Четыре пятых романа – подготовка к не только остросюжетной, но и динамичной оставшейся части, в которой идёт «игра по самым высоким ставкам». Интриги, предательства, погони, смерти, бои в самом Храме – вполне ожидаемое развитие событий. Адиген просчитывает вроде бы все возможные варианты, совсем не считаясь с жертвами. Но окончание второй части на хэппи-энд никак не похоже. Не всех сумел провести хитроумный психолог-адиген Помпилио... Так что – продолжение следует.

Андрей Столяров. Маленькая Луна: Роман // Нева - СПб., 2007 №11

Вот уже “классическим” называют определение “научной фантастики”, данное известным американским писателем и астрофизиком Грегори Бенфордом: “Это фантастика, пронизанная не столько научной проблема-тикой, сколько атмосферой научной деятельности, а также оценивающая социальные последствия тех или иных научных результатов”.

Но дефиниция явно некорректна, ведь достаточно сравнить “Открытие себя” В.И.Савченко – несомненный НФ-роман о буднях НИИ системологии, о работе людей, “пронизанной романтикой поиска”, и “Понедельник начинается в субботу” братьев Стругацких – книгу о буднях НИИЧАВО, о работе магов, пронизанной все той же “романтикой”!

Роман “писателя-публициста” Столярова насквозь пронизан “атмосферой научной деятельности” и оценка “социальных последствий научных результатов” в нем дается, но вот “научная” ли это фантастика – вопрос не только спорный, вопрос принципиальный!

Андрей Михайлович Столяров – фигура в литкругах достаточно крупная, но неоднозначная, в фэндоме – даже несколько одиозная... В конце восьмидесятых годов XX века он зарекомендовал себя “сильнейшим конструктором текстов и стилистом” (чуть ли не “наследником Стругацких”). Но... скандал вызвал его доклад “Грядущие литературные войны”, с которым писатель выступил на “Интерпрессконе-94”...Творчество Столярова стало заметно смещаться к “мейнстриму”, но в этом мутном потоке его струя заметной не стала...

Новый роман поначалу кажется сконструированным по лекалам боллитры. Начинается он со слов: “Жизнь течет не так, как задумываешь... Предугадать ничего нельзя”. И тут же следует описание “странного случая” с четырнадцатилетним Ариком, героем романа. Он “заглядывает в будущее” – что выясняется гораздо позже. “С этой минуты жизнь его была определена” – Арик хочет стать ученым! Он читает все, что можно о выдающихся исследователях прошлого, а прочитав, что “настоящий ученый до всего додумывается самостоятельно”, занимается самообразованием и самовоспитанием. Несмотря на гибель родителей, поступает в университет, удивив экзаменатора заявлением: “Я хочу выяснить, что есть жизнь”...На втором курсе предлагает

завкафедрой “Бизону” провести разработанный им эксперимент по этой теме, совершенно неожиданно заканчивающийся успешно – “один шанс на миллион миллиардов”! Его “коацерваты” открывают “дверь тому, чего раньше не существовало”. Правда, объяснить полученный результат непросто – ведь концепций зарождения жизни не меньше десятка!..

Ради науки отвергается любовь, рационально подбирается жена, Арику приходится подличать, чтоб поступить в аспирантуру. Он строит жизнь рационально, все подчиняется одной цели. “Сомневаться не приходилось. У него действительно было предназначение... Пока он следовал ему... все удавалось”. Полюбить Арика вряд ли возможно, сопереживать ему – очень даже хочется. Да только за одно высказывание – зачем писать монографию, если содержания всего на статью? Зачем печатать статью, если смысл ее укладывается в один абзац?

Встретив “перестройку безо всякого воодушевления”, Арик защищает кандидатскую диссертацию. Жизнь становится трудней: очереди, отключение электричества, нац. конфликты, ГКЧП... “Бизон” предрекает, что только с помощью Бога (или дьявола) Арик сможет завершить эксперимент. Тот отвечает: “Пусть дьявол явится, а уж потом будем об этом думать”...

Американец Грегори пишет Арику: “Успешным подобный эксперимент мог быть только у вас в стране... в какой-то иной реальности”. После отключения в декабре теплоснабжения эксперимент выходит на новую ступень – в аквариуме образуется “кожистый мозг”. Гарольд, так прозвал Арик мешочек с псевдоподиями и внешним пищеварением.

“Мир действительно разваливался на глазах”, Арик “точно сбрасывал с себя ненужную оболочку”, откуда-то понимая, что нужно делать. Он изучает “труды” Гермеса Трисмегиста, Ириона Ксаврийского, Леопольдуса Магнуса. “Его не волновало, что это не наука, а магия”... В лаборатории появляются “зеркало Трисмегиста”, гнутые черные свечи, жаровня... “Серные запахи, будто из преисподней, распространялись по помещениям”. Произнесена “формула воплощения”, капнута в аквариум капля собственной крови... “Приди, Аннаель! Приди, Элоим!..” Гарольд, ставший заметно больше, открывает янтарные глаза... – “Ну вот я и стал богом... Стал тем, кем хотел”.

Но следующим утром вместо Арика в лаборатории обнаруживается “мумифицированный труп трехмесячной давности”, полубезумного вахтера отправляют в больницу, а следователь с экспертом констатируют: “несчастный случай на производстве”. А что “черт...черт черный...мокрый” оказывается на воле – это уже не их забота!

В журнальном варианте романа 126 страниц, 120 из них – почти НФ. Но да-лее? Ни с романом Савченко, ни с “Понедельником” Стругацких не может быть никакого сравнения! Пора учредить премию за “настоящую антинаучную фантастику”, “Маленькая Луна” – первый претендент!

Михаил М. Попов. К Чаадаеву // «Москва» – 2012 – №2

Уже название нового романа писателя даёт повод для размышлений. Тем, конечно, кто помнит, кем был Пётр Яковлевич Чаадаев, и что почти двести лет назад написал Пушкин, обращаясь именно к нему.

«Пока сердца для чести живы, / Мой друг, отчизне посвятим / Души прекрасные порывы!» Чаадаев так и сделал, да только вот его суровую критику российской действительности Николай I счёл «смесью дерзкой бессмысленности, достойной умалишённого»...

На первых страницах романа – полтора десятка цитат из различных сочинений прошлых времён, вроде такой: «Стыдно быть русским!» Читает их мальчик с экзотическим именем Зелёный Парус в некоем будущем, в котором детишек уверяют, что «Россия – это выдуманная страна...» Так вот!

В случившемся некогда противостоянии с применением «СОС-бомб» Россия была уничтожена (почти), на месте её образовался грандиозный провал, «Вавилонская Яма», называют эти территории также и «чёрным квадратом»... Что и как конкретно произошло – во времена, описанные в романе, не очень уж и помнят. Вроде бы окончательно взбунтовались кавказцы, а Америка нанесла упреждающий удар... Когда-то аналитики более реально объясняли факт ядерного нападения на Россию тем, что она «не разоружилась в ментальном плане»!

Так оно и есть, никак западный мир не может про Россию забыть и после События, «русская психологическая зараза» продолжает действовать, поэтому от «Большого обвинения» России в случившемся лидеры западной цивилизации перешли к теории ННР (Никогда Несуществовавшей России). Психологические проблемы в «дивном новом мире» налицо – пусть увлечённые русской цивилизацией теперь доказывают, что лучшие русские поэты Паттерсон и Пушкин были неграми, но заставить забыть их совсем никак не получается!..

«Офицер официальной истории» с пафосом официально заявляет: паранойей является мысль, что для борьбы с «бредом» о России создана целая общепланетная служба! А организация-то такая действительно есть... Работники её среди своих носят одежды счетоводов периода нэпа и сержантов советской милиции, пьют «Андроповку», закусывая её сырками «Дружба». Они «выполняют свой долг», охраняя в этой поистине чудесной жизни «мирный сон и возвышенное неведение простых граждан от кошмаров»!

Включено в роман несколько страниц историко-политических, встречаются историко-психологические эзерсисы: «Всем досталось то, что желалось в самых смелых политических мечтах. И Китаю, и Америке, и Японии». Россия сдалась из-за того, что якобы «в русских возникло чувство своей полной неуместности на планете» – ещё во времена Чаадаева. С этой личностью и связан многими нитями роман, точнее – легенды и апокрифы этого извращённого мира... К примеру, проводников на «дно» (остатки России) зовут «чаадаями», и все они – андройды! Более того, уже много лет исследованиями «чёрного квадрата», на территории которого возродился русский «военно-социальный организм», занимаются только они, с гордостью заявляющие: «Мы устремлены к Чаадаеву!» Такие дела... И в этой авторской «дерзкой смеси» «без бутылки не разобраться» (выражение из романа Попова).

Совсем короткая вторая часть – о решающей экспедиции «на дно», тут уж точно не разобраться... Ведь концептуальный переворот почти не объясняется. Пусть Чаадаевский храм – «амбразура между мирами», и за неделю пребывания там в мире «наверху» проходит много лет, но почему же за эти годы «Россия полностью реабилитирована»? Почему? «Они опять решили ею воспользоваться»? Неужто это извечная судьбина Родины нашей? Не заслужили (при всех их недостатках) россияне, величию которых посвящены в конце романа два десятка цитат, такой судьбы...

Странный роман, интересный роман, после прочтения которого и задуматься не грех – если ещё «сердца для чести живы»...

Валерий Шумилов. Сен-Жюст. Живой меч, или Этюд о счастье – Иваново, 2010

Ещё несколько лет назад в библиографической справке к сборнику стихов Валерия Смирнова «Гибель Богов» можно было прочесть, что он – автор романа о французской революции. И вот роман Шумилова (это фамилия матери) с подзаголовком «Поэтический экскурс в эпоху Великой французской революции» вышел в ивановском ИПК «ПресСто» немалым по местным понятиям тиражом 500 экземпляров. Солидная книга большого формата объёмом в половину «Войны и мира», писавшаяся восемь лет – станет ли она событием местной литературной жизни?

Что мы знаем о лисе?

Ничего. И то – не все.

Есть такой вот шуточный стишок.

Что знает современный российский гражданин о французских революциях и конкретно о Сен-Жюсте? Вопрос риторический... Заглянув в «Советский энциклопедический словарь», можно узнать: Сен-Жюст Луи (1767-94) – один из организаторов побед рев. армии над интервентами в период якобинской диктатуры. Член К-та общественного спасения, сторонник Робеспьера. Казнён термидорианцами. (И много ли это проясняет?)

Почему Смирнов написал именно эту книгу? Вообще-то автору никто не указ, но тем не менее «Шумилов» в послесловии всё же пытается объясниться. Цель произведения – вопрос о путях

общества к достижению общего счастья; исследование невозможности общего счастья в мире, находящемся в состоянии социальной несправедливости, что наиболее остро проявляется в переломные исторические эпохи. Почему темой выбрана «чужеземная» революция? «Мне было бы значительно труднее совершить подобное путешествие в эпоху Русской революции» – пишет автор.

Начало романа нечто «поэтическое» и интересное обещает: «Реквием по герою» («Люди не хотят быть счастливыми...») и «Пролог» (как раз о победах революции) – зачин замечательный! Происходит знакомство с «экстраординарным комиссаром» – «классически красивое лицо, изящество манер...немигающие серо-голубые глаза...» Продолжается знакомство в первой части – шестисложное имя, 26 лет, бывший адвокат, главный идеолог якобинцев, второй человек в правительстве, непримирим к врагам Революции (за что и прозван был «Живым мечом» и «Архангелом смерти»).

И вот тут, после «крокодильих слёз» героя по уже казнённым деятелям Революции, появляется в книге первое «отступление» – о Цезаре, Бруте, Кассие и Цицероне... Потом их будет предостаточно: о Робеспьере – верном ученике Ж.Ж.Руссо, о любви («Что есть любовь? Фривольный пустячок»), о маркизе де Саде (с отрывками из его сочинений), о Юрии Олеше и продолжении его знаменитой сказки (с гильотиной), о встрече с Шарлем Нодье, о палаче Сансоне, о Буратино «как революционном персонаже», о гильотине «как производственной теме», о «Наполеоне Крузо» (бывшем императоре на о.Св.Елены), о «мировой революции тов. Сталина»...

Плюс обстоятельная хронология исторических событий во Франции «Пунктир А,В,С» – для незнающих историю. Плюс дневник Сен-Жюста, переводы его сочинений (выполненные Шумиловым), изложение трактатов и проекта конституции, философские беседы с Робеспьером... Плюс фантастические «сны» и «видения», «кладбищенская фантазмагория» (беседа с духом Руссо), «альтернатива» о Великом Цензоре Сен-Жюсте и Цензоре Корсики Бонапарте...

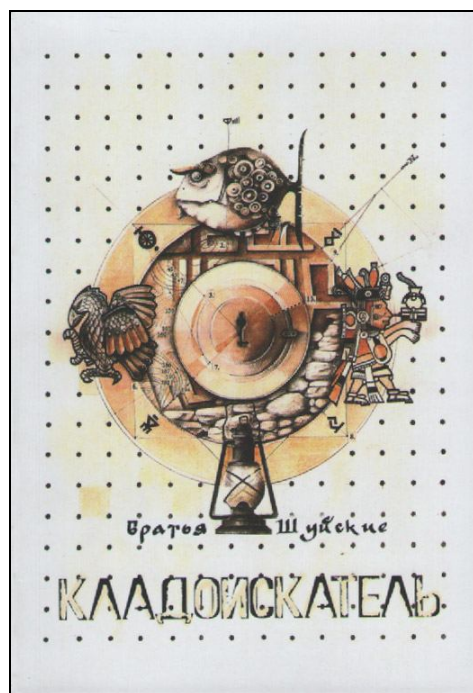
Объём информации и «дезинформации» поневоле внушает уважение, но... нарушает художественные связи. В послесловии («Говорит гражданин автор») Шумилов пишет: «Книга о Великой французской революции...имеет не только очень сложную композицию, но и представляет собой смешение различных жанров – исторического романа, романизированной биографии, литературного эссе и даже научной монографии. Вся эта литературно-

историческая мозаика...предполагает, тем не менее, в своей основе единую жёстко заданную концепцию».

Вот тут у автора с читателем и могут возникнуть «эстетические разногласия». Автору всё ясно, всё выстроено, даже текст набран различными шрифтами... Но на какого читателя ориентировался автор? Переусложнённая структура текста, постоянные «временные перемещения», многочисленные вставки (к месту и не совсем) – всё это даже любителя исторических романов может оттолкнуть. Несмотря на то, что стиль основного историко-биографического текста вполне отвечает законам жанра.

Но всё-таки это не «беллетристика» (по понятиям), и привлечь в современной России книга сможет немногих. Любителей истории Франции и вообще франкофилов – это конечно! Ведь различные ритуалы Шумилов – на взгляд профана – описывает убедительно и обстоятельно. К тому же в приложениях ещё немало материалов: революционные эвфемизмы, революционный календарь... Вполне возможно, что и последние слова Сен-Жюста перед казнью Шумилов не выдумал: «И всё-таки всё это сделал я...»

Цели писатель ставил грандиозные – синхронистический принцип описания событий, поэтическое изложение революционной истории Франции (ритмические отступления, поэтические рефрены, стихопрозаические вставки)... Но исполнение замыслов с точки зрения «простого читателя» подкачало... Замыслы ведь нужно донести до читателя так, чтобы он их понял и принял, мыслями проникнулся, текстом зачитался! Этого не произошло, к сожалению... А что уж говорить о досадных опечатках в самом начале романа-эссе...

Братья Шуйские. Кладоискатель – Иваново, 2011

Несмотря на летнюю жару книги всё равно выходили, хорошую книгу опубликовали братья Шуйские – фантастическую повесть «Кладоискатель». Остросюжетную, о кладах, необычных человеческих способностях и загадках истории. Назвать повесть отличной, что предполагает отличие от прочих, нельзя – она полностью в основном русле приключенческо-фантастических книг с давними традициями, но в традициях этих написана замечательно! То, что вышла книга малым тиражом в неизвестном издательстве – лишь свидетельство избытка предложений в издательствах известных.

На яхте олигарха Павла Кагановича совсем не по своей воле оказывается тридцатитрёхлетний Владимир Калинин – экстрасенс, видящий сквозь... всё! Неагрессивный и нежадный, получил он своё особенное зрение неожиданно, после травм и болезней. После первого сеанса «всевидения» чуть не умер, но потом постепенно по привычке. И стал наш нищий соотечественник, что вполне предсказуемо, кладоискателем. Потому и нужен олигарху, который вроде бы хочет «мир преобразовать»... Нужны ему сокровища затонувших испанских галеонов – ну так находит их «русский Владимир», куда ему деваться...

Выстроена повесть нелинейно – тут и отступления в прошлое, и информация из Интернета, и экономика с политикой. Чуть об Иванове, «смешном городе», поболее – о таинственном кольце-печатке, изготовленном пять миллионов лет назад. «Лав-стори», и это естественно, оригинальностью не отличается... Глава первая заканчивается интригующе (как и все последующие) – очередным похищением Калинина, на этот раз израильской разведкой «Моссад». Кольцо «с Химерой» ещё больше усиливает способности Владимира, и теперь он соглашается искать символ иудейской веры Менору – светильник из таланта (36 кг) золота, изготовленный чуть ли не самим... Богом... А может – и пришельцами! Израильтяне делают ему лицо «породистого киноактёра», Химера с таинственного кольца в очередной раз спасает от гибели и ведёт на поиски «главного клада» – не руками сделанного... А попутно Владимир находит библиотеку Ивана Грозного и нужную ему книгу «Анахарсис», размышляет о том, «как тяжело больна эта страна» (Россия наша...)

Читать повесть интересно, не оставляет мысль – что там ещё авторы придумают! В заключительной главе «Аргумент Химеры» кладоискатель становится фигурой «легендарной», он сообщает всё новые координаты сокровищ. Не все от этого в восторге, правда... Сюжет всё более закручивается: трёхметровые гиперборейцы, знаменитый Тесла и его «супероружие», политические игры с отделением от России Дальнего Востока и ядерным ударом Пакистана по Индии...

В то же время и психологизм с философическими всплесками проступает явственней. Не сокровища нужны людям, не только сокровища, нужны как всегда ответы на извечные вопросы: кто мы, откуда... Химера, оставляя подсказки, ведёт Владимира к цели, пока не совсем ясной. Тот всё более становится кем-то «иным»... «Я нашёл» – восклицает он, но вот тут и «конец первой книги!» Что нашёл Калинин – узнаем из книги второй.

Написали эту занимательную повесть, которая и задуматься о жизни современной вполне может подтолкнуть, двое известных шуян, что и подчёркивает их псевдоним. Идею и сюжетные повороты в основном предлагал депутат Областной Думы Владимир Мальцев, за «литчасть» отвечал редактор сетевой газеты «Без купюр» Вадим Бочкарев. Без сомнений, и тот, и другой, и вместе, они справились с поставленными задачами. Будем ждать продолжения.

Звёзды ВнеЗемелья. 2008-2010 – Москва, 2009-2011

Моё детство пришлось на начало Космической эры человечества. Первый спутник, полёт Гагарина – как тогда все радовались этим событиям! Казалось, они предвещали замечательное будущее, ведь в жизнь стали воплощаться сюжеты фантастических книг! А что больше всего любили в НФ пацаны шестидесятых прошлого столетия – ну конечно, книги о полётах к другим планетам, а лучше – к другим звёздам!

Прошли те времена, совсем другим стало восприятие как космонавтики, так и фантастики. Такое положение вещей сторонников настоящей НФ совсем не радует... И просто замечательно, что нашлись люди и средства, чтобы организовать ежегодный конкурс, ставящий целью возрождение интереса к «космической» фантастике и освоению космоса.

В первом сборнике по его итогам, вышедшем в 2009 году, на пятистах страницах разместились произведения почти полусотни авторов. Очень разные произведения совершенно непохожих авторов. Несомненный плюс с одной стороны, но – рваный ритм не каждому по душе... Объёмистая книга – совсем не из тех, что можно прочесть «запоем».

Хотя включены в сборник четыре реалистических текста, это – книга фантастики, отличающейся как по содержанию, так и по качеству исполнения. Вне конкурса включены произведения его организаторов. «Амазония, ярданг Восточный» Сергея Павлова на фоне нынешней «вампирической» фантастики читается, по-

жалуй, с большим удовольствием, чем двадцать с лишним лет назад, когда рассказ был впервые опубликован. Профессионально выписан «Сюжет...» Анны Самойловой – поэтический рассказ о детстве, о возможностях творческого воображения.

Больше всего (и с большим отрывом) в сборнике рассказов москвичей, питерцы представлены всего тремя произведениями. Больше десятка российских городов, пять украинских, Минск и Хельсинки – география очень обширная. Рассказы, в основном, о космическом будущем человечества. Немного жаль, что открывает сборник «Кодекс Звёздного Пути...» Ирины Комисаровой – о криминальных буднях «космотракеров». С другой стороны: каково время – таковы и песни. О таком же будущем, основанном на принципах выгоды, уже публиковавшийся ранее «Золотой сад» Ольги Моисеевой, но исполнение лучше – взаимопонимание важно ведь в любых обществах и отношениях!

Этот рассказ – первый из десятки конкурсных, мне «приглянувшихся». Хорош и рассказ Макса Черепанова «Туз, дама и космос» о перипетиях жизни «глюкеров» (тех, кому всегда везёт). «Грамотно» написан рассказ «Окоп» Петра Матанцева – о женщине вечной, о предательстве: «В критических ситуациях человек становится Человеком с большой буквы»... Для дебюта почти замечательно.

В сборнике десять дебютных публикаций, и половина из них – вполне «на уровне». Как интересно начало рассказа «Туманная Планета» Натальи Семеряковой: загадочная болезнь на космическом корабле, тайны и секреты... Объяснение тайн вот не совсем удачно: Туманная исцеляет всех... «Меч-герою» Дмитрия Бобылёва – о виртуальном обучении на борту галактического крейсера «Вотан» и «пиковой» ситуации для героя. Ситуация выбора – это всегда интересно, если её с чувством и убедительно изобразить. Совсем неплохо увязаны земная любовь и инозвёздное вторжение, работа спецслужб и очередное «спасение человечества» в рассказе «Вопрос веры» (автор Сергей Тень). Не только о космобуднях экипажа «Охотника-12» рассказ Владимира Подольского «Капитан»; а также о консорциуме «Вода», политике, любви корабельного компа «Маруси» к капитану... – хороший рассказ.

Можно отметить несколько произведений совсем не новичков. «Чуча» Павла Мешкова – небольшой, но очень «душевный» рассказ о необычной крысе-инвалиде, спасшей экипаж рейдера Косморазведки. «Герой» Владимира Голубева – о буднях освоения Луны, о долгожданном контакте... И вдруг психологический кульбит – всё это оказывается инсценировкой, чтобы с сознанием выполненного долга ушёл из жизни безнадежно больной ас-

тронавт... «Высшая точка гуманизма...» – может быть... По «Пути на Амальтею» в будущем студенты снимают дипломный фильм – об этом «Сценарий» Сергея Васильева. Производственные будни съёмок реалистичны и достаточно убедительны. А кто ж такой этот Иван? Да Жилин, конечно... Удачно передан «восторг перед Космосом» в «Итоговом полёте» Ветра Слободина, рассказе о туристическом вояже за облака.

По-своему хороша современная сказка для детей «Лунатика» Марины Соколовой: с ковром-самолётом, Василисой Премудрой, Валентиной Терешковой и путешествием по планетам Солнечной системы. Как и сказка о двуххвостом космоците «Метаморфозы» Альбины Алиновской. Совсем неплохо (для космонавта-испытателя) написаны байки Марка Серова «Фольклор Космофлота».

К некоторым фантастическим произведениям сборника можно предъявить претензии. В лучшем случае они на «обще-среднем уровне» и ничем не выделяются из огромного массива современной фантастики. Даже рассказ о жизни на Солнце – как в «Солнечной истории» Сергея Эса – может не увлечь читателя... Скучновата и «Тайна звезды Ван-Маанена» Юрия Хабибулина, а вроде бы – почти утопическое начало, затем детективная история... Но уж очень всё «казённо», слишком серьёзно.

Чувствуется недостаток профессиональных навыков у Маргариты Ленской, Натальи Абраменковой, Аллы Небо. Космос, любовь, поэзия – всё это замечательно, но выразить в тексте своё восхищение перед этими материями желательнее бы так, чтоб и читатель проникся...(Кстати, в сборнике – три стихотворения, и вот они-то пришлись к месту и ко времени). Есть и такие «вещи», которые (несмотря на глас народа) я бы в итоговый сборник не включил. При чём Космос в «Катастрофе» Алексея Круглова? Не очень и смешны «шутки» Евгения Абакумова, Леонида Целя, Соломеи Бауэр, Александра Перепечая, Юрия Стоцкого. Вряд ли захочется в Космос читателю рассказа Ивана Ситникова «Разум по братьям»!

Всё-таки довольно трудно выстроить систематически обзор такой объёмной и многоликой книги. Так что в конце его – по несколько слов об оставшихся произведениях. Вроде бы неплох рассказ Татьяны Томах «Как боги», но... «Я научу вас писать книги!» – если бы это было так просто! «Иду на вы...» Валерия Брускова был опубликован ещё пятнадцать лет назад, и сейчас его «газетный» стиль не смотрится. Совсем другой «стиль» – в рассказе Вадима Астанина «Полоса отчуждения», в котором «пришельцы» – пришли... Не тот дебют, от которого в восторге

читатели. Как и от «Звёздных китобоев» Валерия Цуркана. (Авторы и их друзья, естественно, со мной не согласятся...)

О «полётах во сне» «Три жизни» Андрея Закревского, но космос тут при чём? В «Снах космонавта» Сергея Бакулина космоса достаточно, но... не захватывает внимания рассказ. Как и вроде бы детективная «Заварушка на Фобосе» Ильи Стальнова (предыстория давней дилогии), как и «типа космический боевик» Радия Радутного...

Заканчивают сборник «ну очень фантастические» рассказы Дмитрия Яблокова и Александры Федотовой. Тут и необыкновенная планета – единое существо, и виртуальный бар в 2308 году... Но с бОльшим интересом я прочёл совсем не фантастический рассказ «Кружок» Натальи Гарбер и эссе Антона Первушина о перспективах современной космонавтики.

Впечатления от сборника, составленного по итогам второго сезона конкурса – самые благоприятные. Объём и содержание его сбалансированы вокруг той оси, что зовётся мнением «понимающего читателя». Тридцать авторов, треть уже публиковалась в первом сборнике, почти треть – дебютанты. Лишь пару тройку рассказов (на мой взгляд) можно было и не публиковать в «гутенберговском» варианте...

Включён «блок» нефантастических текстов, и почти все они читаются с интересом. «Дневник космонавта» Юрия Усачёва, воспоминания о Германе Титове Геннадия Лагутина, эссе Марка Луцкого «Мой космос», «Байки космонавта» Марка Серова... В «Узелках на память» Анны Самойловой налёт фантастики присутствует, но и без него рассказ вполне самодостаточен. Вот «Закрытую тему» Михаила Смирнова лучше бы «закрытой» и оставить.

Начинается сборник небольшим и добрым рассказом «Тонкое дело» Елены Афанасьевой о буднях космических курсантов (стажёров!), справившихся с поставленной задачей лучше «асов»! Вот так и надо начинать, чтоб был соответствующий настрой! Обстоятельно и «реалистично», хотя об аварии на Луне, написан «Зачёт» (глава романа) Владимира Подольского. Хорошо написана, потому и читается с интересом эта история о спасении товарища. Тяжело в ученье – в «Снегах Ганимеда» Сергея Бакулина: всего лишь гипноиндуктивная программа восстановления космонавтов, так что – «ещё полетаем»! Возможно, к «чёрной дыре», как в рассказе Аллы Небо «Только помни меня». Для спасения экспедиции нужна связь! «Любовная» связь – любовь и семья – она и поможет! Читается с самыми добрыми чувствами!

Силён первый «блок» дебютов. О любви и романтике странствий – «Сила любви» Андрея Константинова. Почти утопия: все они красавцы, все они герои... Наивный для нашего меркантильного времени, но «жизнеутверждающий» рассказ. Нечто «утопическое» есть и в рассказе «Билет в один конец» Валерия Шлыкова о первой межзвёздной к Альфе Центавра. Хотя «идея» совсем не нова – в пункте назначения космонавта встречают земляне, попавшие сюда с помощью «нуль-транспортировки», но «проблема выбора» – всегда проблема! Хорош дебютный рассказ «Трава у дома» Владимира Бутрима: хотелось, чтоб так оно и было, полёт на Марс стал явью!

Поневоле обращаешь внимание на «дебют» почти полувекковой давности. В «Банке фруктового сока» (1963) С.И.Павлова чувствуется «аромат шестидесятых» и некоторая наивность взгляда, но рассказ и сейчас на конкурсе вызвал бы несомненный интерес, появись «инкогнито». Также «вне конкурса» публикуется дебютный рассказ Игоря Никишина «Мечтатели» – дань уважения творчеству мэтра.

А вот дебютный рассказ Андрея Казиминова «Друг семьи» – о райской жизни суперпотребителей в 2076 году – я бы в сборник не включил... Как и «Несокрушимую мысль» Сергея Кирпо о далёком 3001-м... Даже не знаю, как оценить рассказ Фирюзы Янчиной «И бог забывается» (очередную версию Контакта). Без сомнений, удачен детектив Андрея Галадея «Вне нашей юрисдикции» о приключениях не того «мистера Холмса». Замечательно дебютировал Павел Ремнев с рассказом «Джинн» (хотя от мелких «придинок» тот не свободен: ну что это такое «неорганический организм»?) Тут и «тайны», тут и психологические изыски: мир и любовь – замечательно, но не насильно же?

Интерес вызывают многие из опубликованных рассказов Владимира Голубева, и «Посланник» – совсем не исключение. Рассказ о «бесчеловечном» эксперименте – виртуальном полёте к звёздам – написан профессионально. Интересны «фантазии» Натальи Адаменковой, её рассказ «Асфальтовый эстет» прочёл с удовольствием. «Непосильный труд облагораживает непосильно», а! Отличный получился рассказ у Павла Мешкова: «Путь в Шамбалу» оказывается «технологическим»... Неплох «Клей» Ирины Маракуевой. Нормальный боевичок о «бунте женщин» получился у Александра Далахана в «Инциденте на «Фиалке»».

С нерешительностью пишу об «Одежке для неба» Сергея Эс – вроде бы «шутка»? Опять же не понял, причём космос во вполне приличном рассказе Сергея Онищука «С неба звёздочка упала»:

да, «старательская планета», но вот «Всадник Бледный» на ней – это уже из другой «оперы»... Не дошла до меня «сверхидея» о спасении культурных ценностей, заложенная (по всей видимости) в рассказе Андрея Закревского «То, что имеет начало».

Вполне на «современном» уровне написаны «Транкеры» Вадима Астанина. И в XXII веке «нам нужен враг» как выход из очередного кризиса; так вот, вроде бы «придуманные транкеры» пришли! И заключающий сборник боевик Юрия Хабибулина «Дипломатический инцидент» о кознях звёздного диктатора Грассена – опять же по современным понятиям – вполне на месте. Несомненно, обретут своё место и найдут своих заинтересованных читателей и сборники серии «Звёзды ВнеЗемелья», особенно если качественный состав их будет улучшаться каждый год! А что это так, демонстрирует как содержание второго в целом, так и рост мастерства авторов, чьи рассказы опубликованы в обеих книгах.

Бритикова К.Ф., Смирнов Л.Э., Библиография отечественной фантастики, изданной на русском языке в Российской Империи и Советском Союзе с 1759 по 1991 год), т.:1 Художественная фантастика (А-Г) – СПб., 2006

Противоречивые чувства охватывает человека, всю сознательную жизнь занимающегося библиографией фантастики, после основательного знакомства с этим томом. Странные ощущения вызывает этот труд... Перед просмотром – уважение и восхищение людьми, замахнувшимися на... ТАКОЕ! Но сразу же и вопрос: почему 1759-1991 годы? “Имперская эпоха” – говорится в предисловии... Но за эти 233 года не одна эпоха “случилась”, а пролетело десяток! Составители обещают “попытку собрать и систематизировать обширные материалы”, материалов – на пять томов, собирательство налицо, но вот систематизация?..

Уже при чтении предисловия возникает вопрос за вопросом. Фантастическая поэзия в списки не включена, потому что “слишком обширна в силу расплывчатости ее определения”. И правильно! Но даже фантастическая проза, судя по материалам первого тома, “расплывчата” не менее. Что такое фантастика? На этот сакраментальный вопрос у нас каждый отвечает как хочет и может! Я сам понятие “фантастика” трактую чрезвычайно широко, но вот так увидеть всю эту “чрезвычайность” в одном издании – оторопь берет! Биленкин и Блаватская, Варшавский и Вагинов, Гоголь и Гуревич, либретто опереток, сказки для дошкольников, юморески из “Крокодила”, “фантаст” Ф.В. Гладков!..

Существуют два основных вида литературной библиографии: научно-вспомогательная и рекомендательная, а уже в их пределах варьируются типы указателей (общие, персональные, тематические). Предлагаемая – вроде бы научно-вспомогательно-тематическая... Но “тема” как-то странно определена, Леониду Андрееву отведено 25 страниц, а Александру Беляеву – 17... (Горькому-16, Гоголю-31). Цитата из предисловия: “Соединение... классической литературоведческой и специфической НФ библиографий обеспечило мощный положительный эффект”. Не увидел положительности... “Критика творчества писателей-реалистов... приведена сугубо выборочно”.

Как бы не так!.. Стоило ли заполнять страницы рецензиями на нефантастические драмы Леонида Андреева? Нынешнему “любителю” фантастики не только это ни к чему, ему и книга в целом – “до лампы”! Специалист-библиограф (по долгу службы) найдет похожее (и лучшее) в персональной библиографии...

По мере знакомства с текстом гремучая смесь удивлений/претензий накалялась... Да, в списках есть то, что мне было неизвестно. Но уже на одной (17-й) странице не упомянуты: А.Абашева, В.Абанькин, С.Абакумов, Ю.Абаза... Чего нет – о том не будем, нельзя объять необъятное. О том, что включено – надо же сказать!

Из-за того, что указывается (в основном) только инициал, а не полное имя автора, происходит постоянная путаница. (Не говоря уж о том, что даже Сергеев Абрамовых – двое!) Вот В.Алексеевых, как и В.Афанасьевых – четверо, а В.Васильевых – как минимум пятеро! Для меня самое досадное – смешаны двое В.Губиных: Виктор(псевдоним В.И.Бугрова) и Валерий... Ну разве так можно?!

В “научной” библиографии большое значение придается авторскому (или редакторскому) определению “жанра”. Ужасно, когда в библиографии за названием следует “фантастический рассказ”, если при публикации этого и в помине не было! Нет обозначения, так и не надо его придумывать!

Встречается путаница с книгами, изданными в бывших союзных республиках на национальных языках, в библиографии они указаны, как изданные на русском. Если в публикации не указано, что произведение переводное, это еще ничего не значит. Так и попали в списки мексиканец Анайя (обозванный Алайя), поляк Вольский, чех Врховецкий (обозванный Воховецким), англичанин Армстронг, норвежец Асбьерсен (вот уж “русская” фамилия!).

Опечатки – это вообще “поэма экстаза”! Ясно, что в таком море сложных в наборе текстов опечатки неизбежны... Но есть такие! Как в предисловии – “критикические”... Цикл И.Адамацкого

“Притчуды” превратился в “Причуды”, Задереев превратился в Андреева (№539), “край” в “рай” (№1955), Гур в Бур (№2290), Бутмин в Бутмана(№2322), Гаммельн в Гаммелон(№3361)... Только в позиции 1681: не “фант.рассказ”, а “комикс”, не “Приключение”, а “Приключения”, не “Мысль”, а “Малыш”, не 20с., а 16с.

Ошибка на опечатке и в позиции 1818...

Постоянно встречается в списках такое: одно произведение фигурирует с разным авторством (сравните 551 и 597, 612 и 755, 560 и 813, 1759 и 1770, 1185 и 1468, 2448 и 2453, 2568 и 2597, 2694 и 2707, 3044 и 3050, 3221 и 3254, 3267 и 3262, 3818 и 4098...)

Список “мелочных придинок” можно продолжить, но нужно ли? Из не совсем мелочных – нераскрытые псевдонимы. Ведь №753 (Л.Афанасьев) и №1721 (Л.Богоявленский) – одно и то же, а В.Глухов(№3353) – псевдоним А.Колпакова...

Составители использовали все доступные им источники, не ставя себе целью проверить их истинность “in facto”. Но составление списков по чьим-то неясным “наводкам” – дело неблагодарное! Вот только один показательный пример: в оглавлении журнала “Наука и жизнь” (№12 за 1985 год) сказка доктора мед.наук Р.Арутюняна (№690) есть, а в самом журнале сказки нет!

“За бортом” остались газетные публикации, составители учитывали “художественную фантастику” лишь из “Лит.газеты”, “Лит.России”, “Книжного обозрения”... А “Неделя”, “Комсомолка”, “Пионерская правда”, в свое время немало сделавшие для “продвижения фантастики в массы”? Но это так... Non omnia possumus omnes. А может – не надо и стараться?!

Вот и подошел я к главному... Сомнения в том, так ли все надо было делать, преследовали постоянно при работе с томом. А как надо? Эх, если бы... “Губы Н.И. да приставить к носу И.К., да взять сколько-нибудь развязности, какая у Б.Б., да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности И.П.”... (Это из “Женитьбы” фантаста Гоголя). К сожалению, каждый НФ-библиограф сам по себе “открывает Америку”... Нет бы устроить “коллективное открытие”! Такая у меня мечта – объединение усилий! Как всякая утопия, она вряд ли осуществима... Доказательством тому – и неудача проекта Пищенко двадцатилетней давности, и бедственная судьба даже такой скромной попытки “коллективного творчества”, как справочник “Фантасты и сказочники России” под редакцией И.Г.Халымбаджи... Но пусть мечта живет, пока “единоличные” усилия приводят к появлению “материалов к библиографии”... Может, когда-нибудь кто-нибудь все это сведет,

тщательно проверит (на общепризнанной теоретической платформе) – вот тогда и появится библиография “всей фантастики”.
Нынешнюю попытку оформления и систематизации удачной назвать нельзя, вклад же составителей и издателя в дело собирания материалов неоценим!

Мозаика

О книгах, людях, идеях

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Человеком он был необыкновенным! Поразил при первой встрече – в морозном ветреном феврале 1987 года в короткой дубленке без шарфа и перчаток совершенно не мерз! Привычен был Север Феликсович Гансовский к тяготам и лишениям, не обращал внимания на подобные “мелочи”...

И фантастика его была “не совсем обычной...Не традиционной...” – так написали в рецензии на книгу Гансовского “Шесть гениев” (1965) братья Стругацкие, неспроста назвавшие ее “Наука человечности”. Ведь Север Феликсович, несмотря на все перипетии непростой судьбы, сохранил человеколюбие и постоянно напоминал: “Человечность! Помните о человечности!”

Писатель с “богатой биографией” С.А. Снегов (Козерюк/Штейн), сам хвативший немало лиха, написал после его смерти: “В XX столетии в нашей стране мало кто из старшего поколения может похвастаться безмятежной биографией. Но того конгломерата бед и лишений, какие выпали на долю Севера Гансовского, судьба удостоивает только особо отмеченных!”

“Времена не выбирают, в них живут и умирают”... Родился будущий писатель 2(15) декабря 1918 года в Киеве, во времена Украинской Директории Симона Петлюры. Отца (наполовину поляка) не помнил, тот умер в двадцатом, мать происходила из зажиточной латышской крестьянской семьи. После смерти мужа

она с детьми перебралась в Петроград к родным, работала вагоновожатой, бухгалтером, вышла замуж вторично. Во времена репрессий была выслана, затем как “классово чуждый элемент” арестована, в 1938-м расстреляна в тюрьме...

С грехом пополам Гансовский окончил семь классов школы, после высылки матери уехал в Мурманск к знакомым, был юнгой, матросом, грузчиком, электромонтером. Вернулся с “рабочим стажем” в Ленинград в 1937-м, два года учился в электротехническом техникуме, даже был отличником. Но душа не лежала к этой специальности, учебу забросил, вновь работал грузчиком и монтером, учился в вечерней школе для взрослых, в 1940 году поступил на филфак ЛГУ.

Когда началась война, вступил в народное ополчение, был отправлен на фронт – на национальность (поляк) тут внимания не обращали. Воевал под Ораниенбаумом в морской пехоте, был ранен, после госпиталя воевал на Невской Дубровке. Чтоб остаться в составе морской бригады, пришлось ему в краснофлотской книжке переписать национальность “с поляка на русского”. После тяжелого ранения блокадную зиму Гансовский провел в госпитале, в марте 1942 года его вывезли в Тюмень, там зимой и демобилизовали по инвалидности... Закончилась война для молодого инвалида, начались последующие испытания. Неистощимая жизненная сила кидала Гансовского по Сибири, Узбекистану, Казахстану; он учился в институте восточных языков, работал почтальоном, учителем, был секретарем конторы конного завода, болел тифом, голодал... Жил два года в Одессе – “захотелось к морю!”, но заскучав по Ленинграду, в 1947-м решил вернуться в университет. Соседи на старой квартире вручили Северу две его собственные “похоронки”!

Почти в тридцать Гансовский снова стал студентом (подрабатывая на жизнь грузчиком). С 1949 года публиковал в газетах статьи и рассказы. Это был самый крутой поворот в его жизни – Гансовский становится писателем. С мечтой о творческом самовыражении аспирант отказывается от академической карьеры, оставляет незащищенную готовую диссертацию “Исторические романы Говарда Фаста”, бросает чиновничью должность и погружается в литературную работу.

Начало ее было довольно успешным – сборник рассказов в одобренной свыше манере “соцреализма” “В рядах борцов” (1951) был через год переиздан, даже переведен на польский. Но события февраля 1953 года в очередной раз изменили жизнь Гансовского. Для выяснения “истинной национальности” писателя вызвали в милицию, там майор-фронтовик задал правомерный вопрос: “Север Феликсович Гансовский... Какой же ты рус-

ский?” На что тот ответил: “Не африканец же...” Об этой беседе замечательно написал в очерке “Памяти Гансовского” С.А.Снегов, увидевший социально-психологические предпосылки поворота писателя к фантастике в том, что это “самый интернациональный, самый свободный от националистических предрассудков художественный жанр мировой литературы”. Сам же Север Феликсович говорил, что был “вынужден” обратиться к “нереалистическому” жанру, потому что в реалистической прозе не мог выразить все то, что хотел. Рожденное жизнью восхищение духовными силами человека направило творческий путь писателя в конце пятидесятых к фантастике. Хотя именно тогда он добился впечатляющих успехов в драматургии: в 1959 году на Всесоюзном конкурсе ему присудили сразу две премии за одноактные пьесы.

В 1960 году был опубликован первый НФ-рассказ Гансовского. Уже в ранних произведениях, во многом традиционных – о встречах простых людей с необычными явлениями, главным были не “чудеса”, а реакция на них “человека обыкновенного”. Удачные были годы: премией Международного конкурса был отмечен рассказ “Не единственные сущие”(1962), удивил “фантастической идеей” “Хозяин бухты”(1962) – о необычном организме из отдельных клеток, способных объединяться при угрозе в единого “монстра”. Одна из лучших новелл писателя “Голос”(1963), рассказывающая о судьбе гениального певца, получившего талант при помощи скальпеля хирурга, через пять лет получила телевоплощение, запомнившееся блестящим исполнением главной (и единственной) роли Владимиром Этушем. Идея “Новой сигнальной”(1963) – обретение человеком новых качеств – и через 45 лет привлекает фантастов. А “День гнева”(1964) заслуженно называют одним из лучших НФ-рассказов шестидесятых, его анализу уделили немало места в своей рецензии Стругацкие. “Что делает человека человеком?.. Человека отличает умение любить, испытывать душевную боль за поправную справедливость, быть добрым, питать ненависть и гнев к угнетателям. Человека отличает любовь к людям...” Все это так, но насколько труднее стало “любить людей” через сорок с лишним лет...

В шестидесятые Гансовскому удается многое: по совету А.Н.Стругацкого он начинает иллюстрировать собственные рассказы; это при том, что из-за давнего ранения ему и карандаш в руке держать было трудно! С авторскими рисунками вышли сборники “Идет человек” и “Инстинкт?” (Чуть позже сборник “Стальная змея” иллюстрировала его дочь). Припомнив филологическое прошлое, Гансовский анализирует американскую “сай-

енс фикшн”; его размышления о моральных критериях в кибернетике публикуются в еженедельнике “Литературная Россия” рядом со статьей С.Лема “Мифы науки”, выходит за десятилетие три сборника его произведений.

Только одна книга писателя за всю его тридцатилетнюю творческую жизнь в НФ отмечена вниманием рецензентов, но ведь эта рецензия – обстоятельно/ умная – братьев Стругацких! Как с ними не согласиться, когда они называют автора сборника “Шесть гениев” “глубоко чувствующим человеком”! Цитирую: “Для Гансовского НФ есть литература о нравственности и ответственности человека науки... Воинствующим гуманистом должен стать каждый простой человек, если он хочет спасти себя, семью, человечество от бесчеловечности”...Но, такие дела, литература и жизнь – совсем разные сферы, и уже можно делать выводы: не стал, не спасли... Ну так рассказы от этого не стали хуже! И пусть совершенно “неактуально” для нынешних времен “Пробужденье” (1969) – о том, какую яркую жизнь человек губит, погрязнув в быте (нет бы раскрыть спрятанные в каждом творческие силы!), рассказ – опубликованный тогда под рубрикой “Сказка” в журнале “Химия и жизнь” – сейчас еще злободневнее!..

Не совсем обычен для писателя (да и для всей советской фантастики шестидесятых) рассказ “Демон истории”(1968), показывающий, что в истории (реальной/альтернативной) всегда найдется место “Отцу”, фюреру, любимому вождю – возвращенному “тупостью, эгоизмом и злобой мещанства”... Не зря же в отечественной “Энциклопедии фантастики” рассказ назван “пионерским для отечественной литературы”, как и рисующий прогрессорскую деятельность инопланетян на Земле рассказ “Дом с золотыми окошками”(1966).

Семидесятые годы также были довольно плодотворными для писателя. О подлинном преображении заурядного мошенника – от общения с гением, под влиянием искусства – рассказывалось в одной из лучших повестей Гансовского “Винсент Ван Гог”(1970). По ее мотивам в ГДР был поставлен фильм “Визит к Ван Гогу”, в СССР демонстрировавшийся в 1987 году. И это был не первый фильм по произведениям Гансовского; годом ранее киностудией имени Горького был выпущен фильм “День гнева” – тогда трактуемый как “политическая фантастика”, а через 20 лет представляемый “фильмом ужасов”... А тридцать лет назад на “Союзмультфильме” сделан был анимационный “Полигон” по одноименному рассказу писателя об испытаниях оружия, использующего “волны страха”.

В середине семидесятых Гансовский совместил интерес к фантастике и драматургии, создав рассказ-пьесу “Млечный

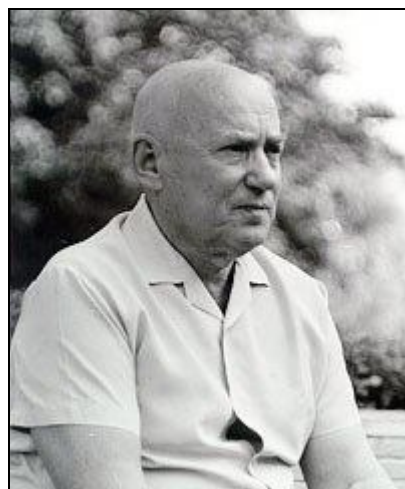
Путь” (1974), через пять лет вошедшую в сборник лучших советских радиопьес. Вроде бы фантастична и комедия “Электрическое вдохновение”(1974), в которой некий изобретатель собирается управлять актерским вдохновением. “Чудо” происходит – до того заурядная актриса “заиграла”! Но чудо-то это человеческое: просто режиссер впервые поговорил с ней по душам перед спектаклем, провода же к фантастическому аппарату оказались не подключенными!..

С семидесятых годов Гансовский отдает творческие предпочтения повести, публикуя “Часть этого мира”(1973) и “Башню”(1981) – пока еще не собранные части повести “Побег”. Ее полный вариант вошел в сборник повестей “Инстинкт?”(1988), удостоенный в 1989 году главной тогда советской НФ-премии “Аэлита”. Заглавная повесть, показывающая, к чему мог бы привести “застой”, была тогда еще очень актуальна! Кто ж мог знать, что “колоссу” осталось жизни всего три года... Путешественник по Вселенной (переключек с классиком в повести не счесть) сталкивается на планете Иаката с цивилизацией города-муравейника, управляемого слепыми инстинктами и заложенной в генах системой поведения. Размышления писателя о различии “разума” и “инстинкта” – о том, что отличает человека от животного – не так уж и оригинальны, но несколько замечаний задевают и через двадцать лет. Вот журналистка Вьюра говорит: “Но ведь разум – это так страшно...” Не зря иакаты после неудачной попытки восстания выходят на “запрограммированные митинги” с плакатами “Долой разум, да здравствует инстинкт!”

Получить почетный приз в Свердловске Север Феликсович не смог – в марте 1989 года, лихо гоня на байке (это в семьдесят лет!), он сломал ногу. Собравшимся на праздник фантастики о непростой жизни писателя с “уважи-тельной нежностью” рассказал Сергей Другаль, а приз согласился передать Кир Булычев. Это был последний светлый момент в жизни Гансовского...

После инфаркта в начале 1990-го он скончался 6 сентября того же года... Еще до его смерти вышел – тиражом миллион экземпляров! – сборник рассказов “Стальная змея”, вряд ли Север Феликсович успел этому порадоваться...Затем наступили “другие времена”...

Но – “*Vitae brevis est cursus, gloriae sempiternus*”, рассказы и повести Гансовского из истории отечественной фантастики не выкинешь! И подтверждением тому два толстых сборника серии “Классика отечественной фантастики”: “День гнева”(2002) и “Чужая планета”(2003). Призыв Гансовского “Помните о человечности!” звучит и в XXI веке – внемлющий да услышит.

ОЧЕРК О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

В конце восьмидесятых годов прошлого столетия извечная «золушка» советской литературы – научная фантастика – стала примерять более праздничные платья. В середине апреля 1988 года в Николаеве (тогда Украинской ССР) состоялись Первые Всесоюзные Ефремовские чтения – конференция, посвящённая проблемам фантастики. Организация конференции по тем временам была поразительной со всех точек зрения, не зря же Леонид Куриц (один из основных организаторов) через пару лет стал функционером европейского масштаба – генеральным секретарём Еврокона.

При всём множестве впечатлений от этих Чтений, одним из самых ярких до сих пор остаётся почти часовая беседа с Анатолием Фёдоровичем Бритиковым и Сергеем Александровичем Снеговым в одном из николаевских кафе после пленарных заседаний. Говорили не только о фантастике, но более всего – как раз об использовании имени классика Ефремова совсем для разнонаправленных деяний... Событием-катарсисом для меня придётся признать то, что заплатил за несколько двойных кофе, несмотря на мои протесты/возмущения, не кто иной, как 77-летний патриарх советской НФ, родоначальник отечественной космической оперы С.А.Снегов.

Невысокий, плотный, наголо обритый, с крупными чертами лица – сурового, можно и так сказать, если бы не улыбка, часто освещающая его. Речь мягкая, интеллигентная, чувствуется образованность (не образованщина) – поразительная, во многих областях знаний. Негромкий глуховатый голос, слегка картавящий.

В немодном костюме, воротник рубашки поверх лацканов, очень сдержан в жестах. Внимательно слушающий, негромко говорящий писатель обладал несомненным даром общения; тем, что называют сейчас уже расхожим словом «харизма». Да, были люди в наше время!..

На чём основывалось многолетнее почтительное отношение к Снегову со стороны читателей? В равной степени на уважении к мужеству, проявленному писателем во время своей нелёгкой жизни, и восхищении смелостью и фантазией его знаменитой трилогии. Почти 45 лет назад в популярнейшей тогда серии Лениздата «В мире фантастики и приключений» вышел сборник «Эллинский секрет». Среди авторов – Ефремов, Гор, Стругацкие, Брэдбери, Хайнлайн. И мало кому из любителей фантастики знакомый Сергей Снегов с романом «Люди как боги» – название-то какво! «Я сознательно взял название уэллсовского романа. Приём полемический... Спор шёл не художественный, а философский. Я уверен, что в человеке заложено нечто высшее...» – писал гораздо позднее автор.

«Я не люблю летать на драконах... А неповоротливых пегасов попросту не терплю...»- вот такое можно прочесть уже в первых строках романа. Как писали в предисловии составители сборника Е.Брандис и В.Дмитревский: «Роман буквально ошеломляет масштабностью замысла и грандиозностью изображённых в нём событий...Вселенную бороздят Звёздные Плуги – гигантские космические корабли, превращающие Пространство в вещество и достигающие огромных скоростей. Обнаружены многочисленные цивилизации с неповторимыми своеобразными формами разумной жизни...» Почему «космическая опера» Снегова, несмотря на всевозможные придирки, всё же увидела свет в Советском Союзе? Да потому, что не только недоумки тогда «правили бал», ведь роман этот (с «философско-мировозренческим ключом») изображает столкновение двух вполне аргументированных точек зрения: никакого благородства за счёт интересов человека *versus* человек всему разумному и доброму во Вселенной друг и помощник (прогрессор).

Летит Время, юбилей за юбилеем... Этот – всё же особенный, вековой. Будущий «харизматический» писатель родился 23 июля 1910 года (по старому стилю) в Одессе как Сергей Александрович Козерюк, советский паспорт получил как Сергей Иосифович Штейн, а европейскую известность получил как Сергей Снегов. Всё дело в том, что мать Сергея – крестьянка, ставшая продавщицей газет, сначала была замужем за слесарем Козерюком (полугреком-полунемцем, большевиком, ставшим в двадцатые годы чекистом), а затем за журналистом-евреем Штейном, не-

мало сделавшим для воспитания пасынка. Это он заставил пациента, исключенного из второго класса гимназии, учиться дальше, с его подачи Сергей ещё в юности решил добиваться успехов сразу в философии, физике, беллетристике.

Учась на физфаке института, он самостоятельно стал изучать философию, писал стихи. В двадцать лет написал трактат «Проблемы диалектики», после изучения которого специалистами-философами последовал даже для тех лет необычный приказ наркомпроса Украины: назначить студента-физика преподавателем диамата в должности доцента кафедры философии! Два года Штейн «доцентировал» в различных вузах, одновременно заканчивая физфак. Но времена наступали другие, вот и в его лекциях обнаружены были уклоны от «истинного марксизма», оргвыводы последовали – запретить преподавать марксизм-ленинизм, исключить из комсомола.

Образование закончить всё же удалось, специальность инженера-физика Штейн получил в 1932 году в Одесском химико-физико-математическом институте (ОХФМИ). В следующем году он переезжает в Ленинград, работает на заводе «Пирометр» инженером-исследователем, не оставляя творческих устремлений. В Ленинграде после убийства Кирова становится беспокойно... В июне 1936-го приходит черёд Сергея Штейна, он арестован вместе с двумя поделщиками (детьми видных родителей) по «типовым» обвинениям в антисоветской пропаганде и подготовке терактов... Почти год в «знаменитых» Лубянке, Бутырке, Лефортове; выбить признаний в главном так и не удаётся. Всё равно – 10 лет... Год в Вологде, полтора – в Соловках, с 1939 года – в Норильском ИТЛ. Как писали в «застойные» времена: «принимал участие в строительстве прославленного Норильского металлургического комбината». Через полвека писатель Снегов всё же опубликует свои «Норильские рассказы», теперь можно узнать – как оно там было на самом деле, какова «фантастика реальной жизни»...

Даже там Штейн старался изучать (по возможности) достижения науки! Заинтересовался физикой дейтерия (тяжёлой воды), занимался расчётами (в уме)! Когда начали строить дейтериевый завод, его назначили начлабом. Штейн всерьёз занимается ядерной физикой, можно сказать – «принимает участие в создании советской атомной бомбы».

В качестве поощрения Штейна досрочно освобождают из лагеря, с июля 1945 года он работает (уже как ссыльный) в создающейся «атомке», но вмешательство «бдительных чекистов» и на этот раз разрушает планы, заставляя резко порвать с наукой – чтоб не получить новый срок как «американскому шпиону»...

Просто инженером горно-металлургического комбината Штейн работала до 1957 года. После смерти Сталина с него сняли ссылку, летом 1955 года реабилитировали, но в науку он всё равно не вернулся. С начала пятидесятых сосредоточил все творческие усилия на литературе, одной из снежных зим родился и псевдоним.

Первый рассказ Снегова увидел свет, когда автору было 45 лет – поздно для дебюта. Но если автору есть что сказать! В 1956-м вышла первая книга «24 часа», в 1957-м «Новый мир» опубликовал роман «В полярной ночи» – после этого Снегов занимается только литературным трудом. В 1959 году его принимают в СП СССР, одна за другой выходят книги, изображающие хорошо знакомые писателю картины: жизнь и труд в условиях Крайнего Севера, в экстремальных условиях ГУЛАГа. Правду писатель говорить не мог, но он и не врал, молчал в критических случаях...

В 1958 году Штейн/Снегов со второй женой (младше его на 17 лет) и двумя маленькими детьми переезжает в Калининград, где проживёт до самой смерти. В одном из калининградских сборников в 1964 году увидела свет его первая НФ-публикация – памфлет «Тридцать два обличья профессора Крена».

Принято было считать, что в фантастику писатель ушёл не от хорошей жизни. После пары разгромных статей в «Литературной газете» Снегов попал в «чёрные списки», его перестали печатать... Не желая лгать, он и обратился к более нейтральному «жанру». Подчёркивалось, что достаточно случайный приход в НФ принёс замечательные результаты – переводы на десяток языков. Почти как в «казусе Хайнлайна!» Сам писатель отмечал, что питая любовь к фантастике с детства, обратился он к НФ как виду творчества, менее всего подвластного цензурным запретам. Но оказалось, всё не совсем так. «Мысль написать фантастику томила меня ещё до начала литературной работы. Она превратилась в потребность, когда я начал знакомиться с зарубежной послевоенной НФ... Мне захотелось испытать себя в НФ. Я решил написать такое будущее, в котором мне самому хотелось бы жить.» Так писал Снегов в письме Г.М.Прашкевичу в 1988 году, строки эти Геннадий Мартович приводит в своей книге «Красный сфинкс» (2007).

Путь к публикации первой книги романа «Люди как боги» был непростым, она была отвергнута и Калининградским, и тремя московскими издательствами. «Против неё писали резкие рецензии Кирилл Андреев, Аркадий Стругацкий... Я решил про себя, что бросаю НФ, здесь мне не светит...» Лишь случайно руко-

пись от критика Штейнмана попала к Дмитревскому, а уж тот настоял, чтобы она была опубликована в «Эллинском секрете».

Читателями роман был принят «на ура»! Они в письмах просили продолжения! Нуждающийся в деньгах (кто в них не нуждается?) Снегов написал «В звёздных теснинах» (сборник «Вторжение в Персей», 1968). Читатели требовали продолжения – последовало «Кольцо обратного времени» (в одноимённом сборнике 1977 года). «Чтобы не просили четвёртой части, в третьей поубивал многих героев...» В 1971 году в Калининграде первые две части вышли отдельным книжным изданием, первое книжное издание всей трилогии состоялось в Лениздате в 1982-м. Книги/части получили следующие названия: Галактическая разведка, Вторжение в Персей, Кольцо обратного времени. Не заметить этот фундаментальный (720 страниц) и оригинальный сплав новой утопии, приключенческой космофеерии, художественно-философского трактата уже было нельзя, Снегову в 1984 году была вручена единственная тогда советская НФ-премия «Аэлита».

Хотя синтез «коммунистической утопии» и «звёздных войн» галактических армад (а первый фильм Лукаса вышел лишь в 1977-м) нельзя назвать удавшимся в полной мере – картины будущего, социология и психология героев уступают динамике батальных сцен, тогда по масштабности не имеющих себе равных в советской НФ – тем не менее, трилогия по праву считается не только главным творением Снегова-фантаста, но и одним из самых значительных утопических произведений советской фантастики шестидесятых-семидесятых годов. А как не назвать символичным то, что идея эквивалентности пространства и вещества, легшая в основу фантдопущения о сверхсветовом передвижении «Звёздных Плугов», зародилась у Штейна в вологодской тюрьме...

Трилогия дважды издавалась в восьмидесятые, пять раз переиздавалась в девяностые годы прошлого века, трижды – в новом тысячелетии. После несомненного успеха романа Снегов сконцентрировал большую часть творческих усилий на фантастике, в 1977-1989 годах вышло пять сборников его НФ рассказов и повестей. Но они совсем не так впечатляющи, как «Люди...» Также в конце восьмидесятых Снегов немало сделал как один из руководителей «Малеевских» семинаров молодых фантастов в Дубултах. В 1991-м писатель закончил работу над вторым своим объёмным и серьёзным романом, но «Диктатор, или Чёрт не нашего бога» вышел только после смерти Снегова. Как и роман «Хрононавигаторы» (1996).

Для самого писателя фантастика не была главным вектором интересов, и трудно даже назвать его, этот «вектор», ведь человеком он был очень разносторонним. После повести о Курчатове «Прометей раскованный» (1972) другой академик – Я.Б. Зельдович, предложил Снегову написать книгу о советских ядерщиках. Академик Г.Н. Флёров добивается для писателя спецразрешения на беседы с физиками-ядерщиками, Снегов беседует со ста двадцатью! В 1979 году выходит «историческая повесть о современниках» «Творцы» – о творцах советской А-бомбы Флёрове, Зельдовиче, Харитоне. К семидесятилетию писателя награждают «знаком Почёта». Снегов пишет вторую часть «Творцов», но...цензура не дремлет.

В девяностые с цензурой проще... Выходит книга Снегова о блатной «фене» «Язык, который ненавидит» (1991), в 1996-м выходят воспоминания «В середине века (В тюрьме и зоне)» – уже после смерти писателя, ушедшего из жизни в феврале 1994-го... Все последние годы жизни он писал реалистическую «Книгу бытия» – обширное повествование о собственной жизни, увидевшее свет через тринадцать лет после его кончины. Оставил Снегов также философский трактат в ямбах «Натура натуранс», писал и «просто стихи» – в 2001 году сборничек «Явь и видения» вышел в серии «Альтернативный Пегас».

Лагерное прошлое не омрачило его любви к жизни... Замечательные слова произнёс на склоне её писатель и человек Снегов: «Я уже давно никого не боюсь...Мне нечего стыдиться...»

КАПЕРАНГ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Русский писатель должен жить долго – это известное ныне высказывание приписывают и знаменитому драматургу Островскому, и чуть менее знаменитому Корнею Чуковскому. Тогда ведь и до признания доживёшь! К писателям-фантастам это относится в ещё большей степени. Получая через четверть века свою вторую «фантастическую» премию – «Большой Роскон» за вклад в развитие жанра – восьмидесятидвухлетний писатель Зиновий Юрьев пошутил: «Моя основная заслуга в том, что я дожил до этих лет». Действительно, дожить до восьмидесяти в нашем отечестве – достижение. Остаться молодым душой и творчески активным, не разочаровавшимся в жизни и людях – почти подвиг!

Патриарху отечественной фантастики Евгению Львовичу Войскунскому – девяносто! Более шестидесяти лет он активно работает в литературе, как реалистической, так и фантастической. И в прошлом году всё-таки удостоен (некогда единственной) фантастической премии «Аэлита», хотя одно из лучших своих НФ-произведений написал (в соавторстве) ещё полвека назад. Ведь без всяких сомнений роман Евгения Войскунского и Исаия Лукодьянова «Экипаж “Меконга”» (1962) оставил в моём поколении след на многие годы.

Сегодняшние тинейджеры с их «Гарри Поттером» тогдашних восторгов не поймут, да и сам я уже по-другому смотрю на те романские «приключения». Но время тогда было странное, романтическое: мечтали о построении коммунизма, но зачитывались только что вышедшим штильмарковским «Наследником из Калькутты». И ничего странного не было в том, что в это удивительное время немолодые уж кузены – тридцатипятилетний ка-

питан-лейтенант в отставке Войскунский, уже опубликовавший книгу повестей о военных моряках, и его двоюродный брат, «колоссально начитанный» технарь Лукодьянов (старше на девять лет), решили написать приключенческий роман. «Экипаж» ведь начинается с фразы: «Приятно начать приключенческий роман с кораблекрушения...» Но сказалась любовь к фантастике и романам Жюль Верна, присущая им с детства, и в романе появились такие темы и образы, как «проницаемость» материи; нож, сделанный из «проницаемого вещества» в загадочной стране, куда ещё при Петре I была отправлена экспедиция. Авторы также расцветили роман пёстрым бакинским бытом, ведь в этом городе они жили и работали, плавали на яхте по любимому Каспию.

По их словам, «писали роман весело, с увлечением». Через два года отправили рукопись в Детгиз и стали ждать ответа. Повезло им, что попал машинописный фолиант редактору Аркадию Стругацкому, сразу поддержавшему новорождённый писательский дуэт. Соавторам пришлось немало поработать, пока летом 1962 года в серии «Библиотека приключений и научной фантастики» тиражом 115.000 экземпляров вышла их книга. Ещё до выхода внутренний рецензент издательства Юрий Рюриков писал: «Читается книга с интересом, у которого два основных возбuditеля: фантастическая научная проблема, никогда не поднимавшаяся в фантастике, притягивающая читателя своей новизной и необычностью, и сюжет тайн и борьбы. Смелостью и интересностью проблемы, живостью повествования книга примыкает к новому направлению нашей фантастики». И самый влиятельный в те годы литературовед в области научной фантастики Кирилл Андреев положительно оценил рукопись: «Увлечение, с каким авторы писали книгу, невольно передается ее читателям». Подтверждали этот эффект и рецензии, появившиеся после выхода книги. Михаил Емцев и Еремей Парнов, написав: «Читатель забывает о недоверии. Читатель ни разу не усомнился», причисляли роман к «лучшим образцам научной фантастики последних лет».

Образы молодых ученых из НИИТранснефти вряд ли сопоставимы с «вечными героями» известных приключенческих книг. Но успеху романа в немалой мере способствовали живые запоминающиеся образы, «интересные стыковки» с «Тремя мушкетерами», а не только обширная эрудиция авторов. Впечатляющий дебют кузенов — стилизованный под «жюльверновскую фантастику» роман, соединяющий историческую, морскую, приключенческую и детективную, сатирическую и юмористическую прозу с научно-фантастическим романом изобретений и откры-

тий», сразу вывел их в первые ряды советской научной фантастики 60-х годов. Так написал Владимир Борисов через тридцать с лишним лет в отечественной «Энциклопедии фантастики».

Тем не менее второе издание романа в 1967 году вышло тиражом лишь в 75.000 экземпляров, хотя разошёлся бы тогда и десятикратно больший! Справедливо отмечал известный литературовед Всеволод Ревич в своей книге «Перекресток утопий: Судьбы фантастики на фоне судеб страны» (1998): «Несмотря на всю свою переходность, «Экипаж “Меконга”» был одной из тех книг, которые создавали знаменитую фантастику 60-х. А то, что в ней не было больших философских обобщений, то не будем забывать, что книга была рассчитана на подростковую аудиторию и в этом качестве может считаться одной из родоначальниц новой фантастики для детей».

Известный литературовед уже другого поколения Владимир Гопман наверняка прочел «Экипаж» подростком, иначе вряд ли бы у него нашлось столько лестных слов о книге в предисловии к изданию 1992 года: «Чтение «Экипажа» доставляет удовольствие — как беседа с остроумным, много повидавшим и благожелательным собеседником». Отмечая, что книга была переведена на шесть языков, Гопман подчёркивает, что в 1975 году литературоведческий журнал «Фаундейшн» в рецензии на английский перевод назвал роман одним из самых интересных событий в советской научной фантастике.

«Советской» фантастики больше нет, а «Экипаж “Меконга”» есть. Тиражи не те: 35000 в трёх изданиях за последние двадцать лет, но в строю «Экипаж»! И ничему плохому юных читателей не научит, только как вот заинтересовать, будут ли юные в наше время этот роман читать?

На ежегодных «Чтениях памяти Аркадия Стругацкого» летом 2003 года удалось лично выразить благодарность Евгению Львовичу за замечательную «книгу о новейших фантастических открытиях и старинных происшествиях, о тайнах вещества и о многих приключениях на суше и на море». Невысокий и сухощавый, но прямо держащийся незнакомый «старик» тогда сразу привлек внимание, тем более что организаторы чтений относились к нему с особым уважением. При официальном представлении выяснилось: это «предпоследний из могикан», один из знаменитой когорты советских фантастов «ефремовского призыва»! Жаль, что наша встреча не случилась гораздо ранее в Иванове, куда Войскунский приезжал на открытие Музея друга военных лет Бориса Пророкова, ставшего известным советским художником.

А в феврале 2004 года на конвенте в Подмоскowie писатель получил за вклад в развитие жанра давно заслуженный приз Оргкомитета «Большой Роскон». Это была его первая, но не последняя «фантастическая» награда, всё-таки «нашедшая героя» – ведь до этого признания достижений в НФ была прожита нелёгкая, но и счастливая жизнь.

Российский писатель Евгений Львович Войскунский родился 9 апреля 1922 года в Баку. Его отец, участник Первой мировой, при возвращении с русско-турецкого фронта в 1918 году решил остаться в этом азербайджанском городе и поселился в доме, где с конца девятнадцатого века жила переселившаяся из Минска семья его будущей жены. Был он фармацевтом, затем – закончив филфак, преподавал латынь в мединституте. После окончания средней школы в родном городе Евгений, рисовавший с детства и в десятом классе решивший стать архитектором, в 1939 году поступает на факультет истории и теории искусств Академии художеств в Ленинграде, через год собирается перейти на архитектурный. Но в том же 1939-м выходит Закон о всеобщей воинской обязанности, никаких отсрочек не предусматривающий, так что через несколько месяцев после совершеннолетия Евгений получает повестку. О многолетней службе совсем не мечтая, в октябре 1940 года он попадает в Отдельный восстановительный ж/д батальон на бывший финский полуостров Ханко (он же Гангут). Участвует в строительстве ветки для транспортёров, несущих пушки главного калибра, работает в библиотеке и художником в клубе. Командиры были всякие, так что неспроста в одном из романов писателя приведена известная всем служившим поговорка: «На флоте так: стой там – иди сюда». Хотя собственно на флот Войскунский попадает только после начала Великой Отечественной...

«Люди выбитого войной поколения не выбирали себе судеб. Те, кому посчастливилось, выжили – формула нашей судьбы» – напишет писатель в полюбившемся многим читателям романе «Кронштадт» (1984). «Недосып, много тяжёлой работы. Очень много шума. И гибель... Было голодно, сил не хватало для жизни», но всё равно надо было жить: «Всему надо радоваться, братцы».

Со школьных лет «одержимый литературным зудом» Войскунский с осени 1941 года – в штате редакции газеты «Красный Гангут», участвует и в обороне, и в десантах. После Ханко – в редакции кронштадского «Огневого щита», в 1944 году опять попадает в Финляндию. Когда та выходит из войны, его командируют на военную базу полуострова Порркала-Удд. Военному журналисту Войскунскому присваивают звание старшины I статьи, на-

граждают медалями, орденом Красной Звезды (второй такой же он получает после войны). Вскоре после неё ему присваивают звание младшего лейтенанта, он служит в Пиллау (Балтийске) – как журналист флотской печати. Затем – политработник Балтийской дивизии подводных лодок в Лиепае. С 1947 года учится на заочном отделении Литературного института имени Горького, заканчивает его в 1952-м. В 1956 году на флоте начинаются большие сокращения, Войскунский в звании капитан-лейтенанта (капитана III ранга ему присваивают позже) выходит в отставку и уезжает в родной Баку.

В том же году в Воениздате выходит его небольшая книжка повестей «Первый поход», в следующем году пьеса Войскунского «Бессмертные» получает премию на Всероссийском конкурсе, в 1959-м его принимают в Союз писателей – «мейнстримовская» жизнь вполне налаживалась. Но шестидесятые становятся годами фантастики, вдохновленные удачным дебютом, соавторы продолжают активную работу в этом жанре до середины семидесятых, публикуют повесть «Чёрный столб» (1963), сборник рассказов «На перекрестках времени» (1964), роман «Очень далекий Тартесс» (1968). Повесть «Формула невозможного» даже была экранизирована советским ТВ. Но если «Плеск звездных морей» (1970), описывающий попытки планетарной инженерии и рисующий панораму коммунистической утопии, был принят вполне благожелательно, то вот роман «Ур, сын Шама» (1975) ретивые функционеры Госкомиздата обвинили в...сионизме, назвав уже изданную книгу «вражеской пропагандой»! Наступали другие времена...

Последняя совместная книга Войскунского и Лукодянова вышла в 1980 году, это был добротный фантастический роман «образца начала шестидесятых» «Незаконная планета». В создании ещё одного варианта желаемого будущего соавторы преуспели – в него начинаешь верить, в таком будущем хочется жить! К сожалению, Исай Борисович после этого по нездоровью совсем отошёл от литературы.

Войскунский ещё с 1962 года вёл немалую организационную и «воспитательную» работу в области фантастики, сначала как руководитель Комиссии по НФ-литературе СП Азербайджана, а после переезда в Москву (Солнцево) в 1971 году – как один из руководителей Семинара молодых фантастов и «Малеевских» семинаров, член Совета по НФ и приключенческой литературе СП СССР. С этой деятельностью связан очень характерный эпизод. В 1983-м он написал благожелательную рецензию на предполагаемый к изданию сборник рассказов Евгения и Любви Лукиных из его «малеевского» семинара. Но разгромную рецензию

на ту же рукопись написал для Роскомиздата Казанцев, нападая не столько на авторов, сколько на рецензента и других «врагов советской фантастики»! Так вот, на одном из заседаний Совета Войскунский при всех и высказал Казанцеву, что он о нём думал! Писатель также был несколько лет членом редколлегии и пару раз составителем «Сборников НФ» издательства «Знание», выступал как рецензент и автор предисловий.

Болезнь и смерть в 1984-м Лукодянова подчеркнули, что при всей любви к фантастике сочинение её для Войскунского было делом не главным. Судьбы людей своего поколения привлекали его куда больше, чем судьбы людей «коммунистического завтра». Что и подтвердили романы «Кронштадт» (1984), отмеченный премией им. К. Симонова, «Мир тесен» (1990), «Девичьи сны» (2000). «Душа у меня не на месте... Меня тревожили воспоминания о войне, я понял, что должен выразить своё поколение» – писал Войскунский. «Душевно» он писал, с героями его военных романов сживаешься, вот «Кронштадт» хотел лишь просмотреть, а прочёл, не отрываясь...

Но даже в этих романах не обошлось без упоминаний о фантастике. Их герои в детстве читают захватанные номера «Вокруг света» и «Всемирного следопыта». Кое-кто становится «усердным читателем НФ», ведь «фантастика не просто развлекает, заставляет думать. Побуждает к мышлению». «Фантастика всегда была моим любимым чтением» – это уже из недавнего интервью с писателем.

Да и писать фантастику он не бросил: в 1995 году опубликовал повесть «Химера» — о сохранении молодости в течение всей жизни человека, основанную на совместном рассказе «Прощание на берегу» (1964), но единолично постаравшись придать проблеме «философскую глубину». В 2000 году в журнале «Если» вышла его повесть «Командировка», в 2008 году в сборнике «Порох в пороховницах» – повесть «Девиянт», переизданная через три года в сборнике НФ-возрожденцев «Бозон Хиггса».

Но, пожалуй, интереснее оказались его воспоминания. Началось с «Научной фантастики в Баку» в третьем выпуске ежегодника «Фантастика 2002» – о том «свежем и интересном» времени, когда люди разных национальностей вышучивали, а не резали друг друга. Затем последовали публикации в журнале «Если»: «Рефлекс поиска» (2007) – о Сергее Снегове, «Новые пути бытия» (2008) – о Георгии Гуревиче, «Остров в океане» (2008) – о семинарах в Малеевке. Хорошо написано – так, что эссе «Остров в океане» даже отметили престижной «АБС-премией».

Все эти очерки стали фрагментами одной из «главных» книг Войскунского – 900-страничного мемуарного романа «Полвека любви» (2009), над которым писатель работал шесть лет. Называется книга так неспроста, ведь ему повезло в любви. Ещё на школьном выпускном он объяснился с Лидой Листенгартен и, несмотря на все препятствия, осенью 1944 года они поженились. Жили в согласии, в 1947-м родился сын, ставший впоследствии известным учёным, пионером российской киберпсихологии. Пусть по словам самого же писателя «женщины не очень-то доступны мужскому пониманию. Иногда мне кажется, что они – пришельцы из других миров», но он и жена понимали друг друга все сорок четыре года совместной жизни. Пожалуй, не совсем прав отставной моряк и в другом, некогда написав: «Из нас не получилось путных стариков». Уважаемый писатель, сохранивший ясность ума и неплохую физическую форму, пишет очередной роман – «всё путём»! По флотскому званию он «кап-три», но по нынешнему положению и несомненным заслугам – литературный каперанг! Да, жить не просто, когда здоровье уже не то и (по Войскунскому) «само течение времени ускорило»... «Мне редко повезло. Я не истлел на холодном грунте Финского залива, не сгорел в огне... Я остался жив – для чего?..» Ещё ни одному философу толком не удалось объяснить сути жизни, каждый решает сам. Войскунский пишет роман, дай бог ему сил написать ещё не один и прожить не менее лет, чем прожил когда-то писатель А.Р. Палей!

“С ИСКРЕННИМ УВАЖЕНИЕМ”

На прошедшем под Москвой ЕвРосКоне-2008 замечательный редактор времен взлета советской НФ Бела Григорьевна Ключева была награждена Специальной медалью Оргкомитета. В XXI веке это уже четвертая награда 87-летней “живой легенды отечественной фантастики” – в России для полного признания надо жить долго! Непосредственного ее начальника, заведующего редакцией фантастики издательства “Молодая гвардия” Сергея Георгиевича Жемайтиса (1908-1987) можно наградить только виртуально (отметить его заслуги хотя бы этим очерком).

Советская НФ с 1957 года пошла “на взлет” – факт общепризнанный. Как и то, что немало для этого было сделано НФ-редакцией “МГ”, организованной в самом начале 1958 года. Сборники “Дорога в сто парсеков”(1959), “Альфа Эридана”(1960), “Золотой лотос”(1961), ежегодники “Фантастика”, выходящие с 1962-го (а в 1965 и 1966 годах – по три сборника в год), шесть книг Стругацких 1960-1968 годов – да какие (“Стажеры”, “Дале-

кая Радуга”, “Хищные вещи века/Попытка к бегству”, “Трудно быть богом/Понедельник начинается в субботу”), первые книжечки “Библиотеки советской фантастики” (И.Ефремов, В.Григорьев, Д.Биленкин, Войскунский и Лукодянов, Зубков и Муслин, Анчаров, Подольный, Гансовский), замечательная “Библиотека современной фантастики” в 27-и томах (1965-1975) (Абэ, Азимов, Брэдбери, Воннегут, Гаррисон, Кларк, Лем, Стругацкие, Савченко). По этим книгам можно проследить не только историю советской НФ, но и достижения советского книгоиздания тех лет. Один только “перевертыш” Стругацких “Стажеры/Второе нашествие марсиан”(1968) “поколебал” стандартное восприятие мира у многих советских книголюбов!

А ведь всего этого могло и не быть, окажись в “начальственном кресле” не пятидесятилетний Жемайтис – что и подтвердили события начала семидесятых, когда зав. редакцией сменился... С уважением и любовью пишет о начальнике в своих воспоминаниях Белла Григорьевна: “Человек с очень добрым, улыбчивым, круглым лицом; большими, светлыми веселыми глазами... Очень доброжелательный и деликатный, он создавал атмосферу свободы и легкости в редакции”. Состояло в штате всего пять человек, располагались они в одной (затем в двух) комнатах на пятом этаже здания издательства “Молодая гвардия”: заведующий, три редактора, да младший редактор. А сколько сделали! Во многом благодаря “терпимому, спокойному и порядочному начальнику, каким был Сергей Георгиевич”.

Но до этого спокойного и успешного десятилетия надо было пройти через пятьдесят лет жизни совсем не легкой... Родился Сергей Георгиевич

Жемайтис 10(23) сентября 1908 года в городе Николаевске (с 1926 года – Николаевск-на-Амуре) в семье литовского переселенца. Подробностей его жизни известно совсем немного... Отец был лесником в поселке на Амгуни, на Дальнем Востоке прошли и первые тридцать три года жизни Сергея – в Амурской области, Приморском крае, Приамурье. После школы был учеником тракториста, затем работал трактористом в колхозе. Отслужив на Тихоокеанском флоте, работал корреспондентом дальневосточных газет. Высшего образования не получил, но учился на Литературных курсах.

Участник ВОВ, в 1941 году добровольцем ушел на фронт, закончил войну в звании капитана. В 1943 году вступил в КПСС, награжден двумя орденами и несколькими медалями.

После войны жил в столице, с 1950 года публиковал рассказы, в 1951 году вышла его первая книга. Считался сначала писателем “детским”, и

действительно написал двенадцать повестей для юношества, например – “Ребята с Голубиной пади”(1953), через четверть века экранизированную. Публиковал приключенческие и военные повести, в 1966 году (уже будучи автором десятка книг) стал членом СП СССР. Критики того времени отмечали, что “произведения Жемайтиса отличаются тонким пониманием моря и романтической приподнятостью”.

Почему именно Жемайтис был назначен заведующим редакцией НФ и приключений – не совсем ясно, ведь первая его “НФ-повесть” вышла в свет лишь в 1959-м. “Подземное путешествие Алеши Перца” (в книжном издании – “Алеша Перец в стране гомункулусов”) – повесть совершенно несерьезная и очень “детская”... Но “nobles oblige” – фантастики Жемайтис не оставил, в тринадцатом выпуске альманаха “Мир приключений”(1967) появилась его фантастическая повесть “Дети океана” – часть (позднее переработанная) более обширной повести “Вечный ветер”, вышедшей в 1970 году в другой знаменитой советской книжной серии – “Библиотека приключений и НФ” издательства “Детская литература”.

Герои книги, адресованной “среднему и старшему возрасту” – студенты, работающие во время практики на биостанции “БС-1009”, настоящем плавающем острове в Индийском океане. Они “доют” китов, разговаривают с дельфинами, встречаются с Великим Кальмаром... Короче: “раскрывают тайны Океана и осваивают его несметные богатства”! Есть в книге примечательная строка: “Важно найти общий язык” – так говорили древние. Вот этого-то между читателем и книгой и не происходит, психологический облик людей будущего обрисован в ней почти так же вскользь, как и облик дельфинов и роботов...

Профессор И.А.Ефремов писал в послесловии: “В повести “Вечный ветер” Сергей Георгиевич Жемайтис впервые выступает как писатель НФ-направления... Повесть – сплав морской тематики с НФ картиной будущего..., показывает радостный труд исследователей и добытчиков моря на общую пользу коммунистического общества”. Заканчивает Ефремов следующими словами: “Несомненный успех автора... Хороший подарок юным читателям”. Рекомендации мэтра не пропали даром, повесть была переведена на болгарский (Варна, 1973), английский (М.:Мир,1975) языки. На чешский переведена другая “морская” фантастическая повесть Жемайтиса “Большая Лагуна” (1977) – своеобразное продолжение книги “Вечный ветер”, действие в которой происходит в водах Большого Барьерного Рифа в будущем, когда “на всем земном шаре восторжествовали идеи коммунизма и человечество взялось за переустройство своей пла-

неты”. Глава из нее (“Поле хлореллы”) годом ранее появилась в литературно-художественном морском сборнике “Океан”(1976) под рубрикой “Помечтаем о завтрашнем дне”. Все же жаль, что современные картины “завтрашнего дня” совсем не так спокойны и добры...

А между “морскими” в свет вышла повесть “Багряная планета”(1973) – о проблемах космических полетов, бережного отношения к окружающей среде, об экспедиции на Марс и гибели некогда могущественной цивилизации... Известный научный журналист Владимир Губарев писал в предисловии: “Это повесть о нас, о земных проблемах, которые чрезвычайно волнуют человека XX века”. Не грешил против истины Губарев, но вот только все проблемы поднимались в книге с привлечением полного набора “марсианских штампов”.

Как писатель-фантаст Жемайтис вершин не достиг, оставшись лишь крепким “середняком”... Но даже “Пурпурная планета” была в 1977-м переведена на литовский язык. (Кстати, в аннотации чешского издания книги Жемайтиса “Velka laguna”(1979) он был назван “литовским писателем”...) Гораздо интереснее читать его “морские” книги “Поединок на атолле”(1968), “Клипер “Орион”(1973) (также экранизованную). “Поединок на атолле”, выпущенный издательством “Московский рабочий” “для детей среднего и старшего возраста” психологически убедителен, и читать его взрослому читателю можно без всяких скидок, несмотря на то, что героем книги является пионер Фома Фомин. Тот гостил у бабушки в Белоруссии, когда началась война... Попал в немецкое “рабство”, сбежал, оказался на тихоокеанском побережье. Его морские странствия автор описывает очень подробно и достоверно. “Несчастья и злоключения закалили меня”, так говорит сам Фома, его “поединок” с жестоким капитаном-нацистом заканчивается полной победой юнги! Возвращается на родину Фомин закаленным моряком.

Успехи Жемайтиса в “маринистике” не раз отмечались и при его жизни, но вот вклад Сергея Георгиевича в развитие советской НФ шестидесятых годов не оценен по достоинству до сих пор. Несмотря на то, что и БНС в “Комментариях к пройденному”, и В.Д. Михайлов в мемуаре “Хождение сквозь эры” отмечали: заботами Жемайтиса и Клюевой “расцвела отечественная фантастика Второго поколения”; в “Молодой гвардии” в шестидесятые “существовала великолепная редакция Жемайтиса с Клюевой и Михайловой”... В отечественной “Энциклопедии фантастики: Кто есть кто” (1995) написано гораздо скромнее: “Особо следует отметить редакторскую деятельность Жемайтиса: именно при нем (и ред. Б.Клюевой) в “МГ” 1960-х вышли книги

ведущих советских авторов...” Не устает говорить о его заслугах Бела Григорьевна Ключева! И ведь действительно – Жемайтис не только дал ей “carte blanche” для творческой/свободной работы, но и защищал от нападок “системы”! Белла Григорьевна пишет в воспоминаниях: “Само собой установилось, что заниматься фантастикой в редакции в основном буду я”... Но! Книги Немцова, Овалова, Студитского “выходили под редакцией Жемайтиса – Сергей Георгиевич спасал нас от позора...” Выходили под его редакцией и вполне достойные, интересные книги – “Волшебный бумеранг” (1968) Миколы Руденко, “Четверть гения”(1970) Романа Подольного, собрание сочинений и “Час Быка” И.А.Ефремова.

Необходимо отметить и то, что Жемайтис стал в 1962 году одним из организаторов “официального” Семинара (Литобъединения) фантастов при издательстве “Молодая гвардия” (на самом-то деле писатели стали

собираться гораздо ранее). Какие люди приходили тогда в редакцию! Днепров, Гансовский, Гуревич, Громова, Беркова, Колпаков, Парнов и Емцев, Мирер, Полещук, Ревич, А.Стругацкий...

В шестидесятые все было замечательно! Подрастал сын Сергей, родившийся в 1952 году, молодая (на тринадцать лет моложе) жена – Наталья Борисовна Панина старалась поддерживать семейный уют... Изменения к нелучшему начались в конце десятилетия. Из воспоминаний Ключевой: “Как долго нас терпели! В начале [на самом-то деле – в середине] 1973 года директор издательства Ганичев предложил Жемайтису уйти на пенсию. Сергей Георгиевич воевать не стал, хотя совсем не собирался расставаться с работой. Увы, скоро у него случился инфаркт...”

Вроде бы не забыт был сразу писатель: в 1981 году в Воениздате вышел его роман “Жестокий шторм”, в 1983-м в “его” серии “Библиотека советской фантастики” вышла повесть “Плавающий остров” – второе издание “Вечного ветра” (редактор Т.Журавлева), в 1987-м в Одессе в серии “Морская библиотека” переиздали роман “Клипер Орион”. Но почему-то ни в справочнике “Писатели Москвы” (1987), ни даже в “Энциклопедии фантастики. Кто есть кто”(Минск, 1995) не было указано, что Жемайтис Сергей Георгиевич в 1987 году скончался...

С тех пор лишь однажды текст Жемайтиса появился в печати – в третьей книге “Неизвестных Стругацких”(2006) опубликовано письмо от 7 мая 1973 года с рекомендациями авторам по поводу “многострадального” сборника Стругацких “Незначенные встречи”... Заканчивалось оно просто:

“С искренним уважением – С. Жемайтис”!

СИБИРСКИЙ ФАНТАСТ И НАСТАВНИК

«Широка страна моя родная...» Слова из песни не выкинешь, Россия по-прежнему территориально самая великая страна в мире. Насколько она велика, подавляющее большинство жителей даже не задумывается – в полной уверенности, что «настоящая жизнь» сосредоточена в столице (ну ещё в Питере). А уж москвичи на замечания о том, что жизнь идёт не только в Москве, лишь улыбаются... И питерцы им не указ. У фантастов и фэнов великой страны были попытки создать альтернативные «центры влияния», но только уральский Свердловск восьмидесятых годов прошлого века «затмил» тогда обе столицы. Фестивали «Аэлита» во времена, когда редакцией фантастики «Уральского следопыта» заведовал Бугров – явление выдающееся и исключительное!

Проведение фантастических конвентов за Уральским хребтом не принесло впечатляющих устойчивых результатов, хотя попытки предпринимались не раз. Например, в конце ноября 1994 года в Новосибирске состоялся Фестиваль фантастики с примечательным названием «Белое пятно». Оно, конечно, намекало, что Сибирь – ещё не обжитая фантастами территория, но назван так конвент был не поэтому. Председатель Оргкомитета Геннадий Прашкевич тогда специально подчёркивал: есть и у сибиряков достойное имя – Михаил Михеев, «именно по его роману «Тайна белого пятна» и назван фестиваль». А тремя годами ра-

нее в Москве вышла не совсем обычная книжка – сборник фантастики «Амальтея», на титульном листе которого было написано: «80-летию Михаила Михеева посвящается». Книга в своём роде редкая, своеобразный парад лучших произведений «мастерской Михеева». Отмечая несомненные заслуги сибирского наставника, Прашкевич писал: «Михеев – фигура, может и не столь крупная. Но не будучи таким уж заметным писателем на российском фоне – в его время работало очень много крупных литераторов – он был совершенно замечательным учителем для большого числа пишущих людей». А вот в Сибири было трудно найти читателя, который не знал бы его книг: в раннем детстве малыши знакомились со стихотворной сказкой «Лесная мастерская», повзрослев – запоем читали его приключенческие и фантастические книжки.

«Был в Новосибирске такой всенародно любимый старик Михал Петрович Михеев...» – пишет уже в наше время некогда сибирячка, а ныне столичный житель и президент Фонда «Нацбест» Татьяна Набатникова. Так то в Новосибирске. Ни одной книги в Москве, всего полдюжины столичных публикаций – разве можно претендовать с таким «багажом» на известность? А вот не потерялось на советских просторах творчество Михеева! И как тут не вспомнить в роли пропагандиста хорошей фантастики журнал «Уральский следопыт». К примеру, в декабрьском номере за 1968 год увидел свет рассказ Михеева «В Тихом Парке» с оригинальными рисунками Ю.Григорьева – запомнившийся на всю оставшуюся жизнь...

Как бы «далёкое будущее»: парк из запрограммированной саморастущей пластмассы, за которым присматривают два человекоподобных робота, РТ-120 и ЭФА-3... «Посетителей вполне устраивали искусственные растения», но вот «искусственная» жизнь – ни в коем случае. Проблемы у «настоящих живых людей», случайно синтезированных из хаоса белковых молекул, всё те же: «Ты меня любишь?» Наверное, потому что и меня тогда тревожили всяческие «чувства», так запомнился этот рассказ... Заканчивающийся «почти как у Диккенса»... «Часто автор использует метод “доказательства от противного”» – писал Михеев позже, хотя продолжил так: он «верит, что на Земле всегда будут цвести живые цветы...»

Но до этой публикации автору ещё надо было прожить две трети жизни... Биография у Михеева – как раз для писателя канувшей в Лету Страны Советов. Родился Михаил Петрович первого сентября 1911 года в старинном сибирском городке Бийске, что в преддверии Горного Алтая. Хотя родители его получили лишь начальное образование, читать мальчика научили рано. В

пять лет Миша прочёл «Остров сокровищ» Стивенсона, вот откуда любовь «на всю жизнь» к приключенческой литературе! Через несколько лет были прочитаны все доступные книги Джека Лондона, Фенимора Купера, Конан Дойля, и с тринадцати лет Михаил начал «придумывать приключения» сам. «Моё детство прошло под кокосовыми пальмами, среди айсбергов Антарктики, в грохоте океанского прибоя и рычании доисторических чудовищ, среди звона шпаг и грохота мушкетных выстрелов» – так образно обрисовал писатель то время в автобиографических заметках.

Но с середины двадцатых годов в стране началась и другая жизнь – «техника проникала всюду». И Михаил «строил макеты паровых двигателей, летающие модели аэропланов, конструировал неуклюжие кристаллические приёмники... Началось увлечение техникой». Вот истоки другого направления творчества писателя – фантастики, часто связанной с «умными» машинами. И фантастика эта проникнута чуть ли не влюблённостью к созданиям человеческих рук! Так что детские увлечения во многом предопределили последующие литературные пристрастия.

С четырнадцати лет Михаил стал учиться в Бийской профессионально-технической школе, после её окончания в 1930-м получил специальность инструктора-механика автотракторного дела. «По тем временам это звание соответствовало чуть ли не профессорскому» – с юмором вспоминал он через тридцать лет. Пришло увлечение электротехникой, Михаил стал работать электромонтёром, затем бригадиром по ремонту автомобильного электрооборудования. На заводе, где он работал, ремонтировались машины, курсирующие по знаменитому Чуйскому тракту, тут и были написаны Михеевым слова песенки про шофёра Кольку Снегирёва «Есть по Чуйскому тракту...» Песня «пошла в народ», стала поистине народной, знаменитой. Но всерьёз поэзией Михеев и не подумал заняться, он любил электротехнику! До пятидесяти лет работал техником-электриком, даже учился во Всесоюзном заочном энергоинституте.

Но всё же увлечения юности не проходят бесследно! Имея хорошую работу, получая дипломы и премии за конструкции электросчётных

аппаратов, Михеев в сорок лет «вдруг вспомнил» об увлечении поэзией и написал сказочку для детей «Лесная мастерская». Успех первой же публикации определил дальнейшую судьбу: были заброшены схемы и чертежи, «родился» писатель Михеев! Опубликовав несколько книг для детей «среднего и старшего возраста», Михеев становится одним из зачинателей детской литературы в Сибири. А в середине пятидесятых обращается к «остросюжетному жанру». Тут потребовалось умение строить

сюжет – стремительный, но логичный, и в то же время удивляющий неожиданными поворотами. Тему для повести «Вирус В-13» (1955) подсказала обстановка тех лет, когда «холодная война» была в разгаре. В газетах постоянно публиковали сообщения о «происках апологетов загнивающего капитализма, пытающихся отсрочить свою неминуемую гибель», велась шумная кампания «борьбы за мир»! «Пружиной действия» стал поединок вокруг изобретений фашистского профессора Морге и советского учёного Русакова. В детективный сюжет как бы «вкраплены» были эпизоды фантастические: всемогущий препарат профессора Русакова, удивительная мастика артиста Бланка, позволяющая «менять лицо». Автор с первой же попытки справился с поставленными самим же собой задачами – разветвлённый сюжет развивается стремительно, персонажи обрисованы достаточно полно, не выглядят совсем уж «картонными» (хотя разделение на «своих» и «чужих» бескомпромиссно). Повесть много лет пользовалась читательским успехом, выдержала шесть изданий. Но автору по душе была другая – «Тайна белого пятна» (1959), основанная не на газетном и книжном материале, а на сибирских реалиях, хорошо ему известных. Тут мотивировка событий вызвала у читателей полное доверие, а психологические характеристики героев были выразительны и глубоки.

За сорок лет творческой деятельности Михеев пробовал писать в нескольких «литературных жанрах»: стихотворная сказка для детей, школьная повесть, приключенческая книга, путевой очерк. В 1963 году был принят в СП СССР и стал заниматься только литературой. В это время – на волне взлёта советской НФ – увлёкся фантастикой всерьёз. В 1965 году в «Уральском следопыте» появляется его первый фантастический рассказ «Пустая комната», в следующем году выходит первая книжка фантастики «Которая ждёт». Затем увидели свет тоненькая и в обложке «Далёкая от Солнца» (1969), гораздо толще и в переплёте «Милые роботы» (1972), и уж совсем солидный сборник (избранное!) «Вирус”В”-13» (1986).

Фантастика позволила писателю полнее раскрыть себя, потому и стала на десяток лет основным направлением творчества, открывая читателям своеобразный, гармоничный и добрый мир. Правда, в отечественной «Энциклопедии фантастики» (1995) написано, что писал Михеев «добротные, часто остроумные, но, в основном, традиционные и не поднимающиеся над средним уровнем НФ рассказы и повести»... Как же высок по сравнению с нынешним был тогда «средний» уровень!

В душах героев рассказов Михеева бушуют страсти (и не всегда благие), вовне сталкиваются противоречивые мнения – могут ли быть гармоничными такие рассказы? А вот всё равно добрым предстаёт мир перед нами на страницах этой фантастики. Даже если человечество на краю гибели (как в рассказе «Сделано людьми»), жизнь побеждает: умные и заботливые роботы проводят через все опасности Пространства корабль с уцелевшими к другой, поистине прекрасной планете... Торжество добра придаёт рассказам Михеева тот оттенок, который и даёт основание говорить о полном конфликтов мире возможного будущего как гармоничном в своей основе.

«Фантастика для автора – это, прежде всего, размышление о будущем» – так мотивировал Михеев свою точку зрения. Но размышлял писатель «о будущем» чтоб найти ответы на вопросы дня сегодняшнего! Поэтому его рассказы часто полемичны, как весь цикл «Милые роботы» – своего рода похвальное слово технике во времена, когда на «технику» стали поглядывать уже с опаской...

Различными средствами пытался писатель достичь иллюзии достоверности. Психологической убедительностью характеров (но в «романтической системе координат»), умелым применением точно найденной художественной детали, одновременным взглядом на проблему как романтика и сатирика. Центральная проблема фантастики Михеева шестидесятых-семидесятых годов – человечество и наука, человек и техника. Вот в этой области писатель и добился наиболее полного социально-философского осмысления действительности.

Особняком стоит написанная семидесятилетним писателем – но поистине с молодым задором – повесть «Год тысяча шестьсот...», вышедшая в новосибирской серии фантастики в 1985 году. И дело не в том, что повествует она об эпизодах жизни юных спортсменов: фехтовальщицы Ники из Иркутска и боксёра Клима из Москвы (выпускника истфака), попадающих с Универсиады на Кубе стечением обстоятельств в XVII век. А в том, что Михеев, сохранивший на всю жизнь «уважение к приключенческой литературе», и в таком возрасте сумел взглянуть на события свежим взглядом юности. В небольшую книжку («как в кино») уместились масса приключений со стрельбой и фехтованием, яхтокрушение, пираты и каперы, «тайны мадридского двора» (с внебрачным сыном короля), освобождение негров-рабов и «чудесное» возвращение домой! Эпиграфом к книге послужили слова Марка Твена «Вы, конечно, слышали о переселении душ?» Не-

спроста, ведь по Михееву «мир обладает памятью, всё происшедшее оставляет следы...» И в его книге в прошлое – с помощью некоего устройства – путешествует только «воображение» героев, но всё равно – преодолеть опасности помогает всё те же товарищество и взаимовыручка! Другое дело, что по возвращении «нужно помалкивать» – а то и в психушку угодишь... Иногда в повести чувствуется оттенок пародии на «романы приключений», но это придаёт всему описанному дополнительную грань восприятия – заразительную улыбку!

Это сейчас «попаданцы» в другое время – обычное явление. Но в советской фантастике к теме путешествий во времени относились настороженно... «Голубой человек» (1966) Лазаря Лагина, «Петля гистерезиса» (1968) Ильи Варшавского, «Зеркало для героя» (1983) Святослава Рыбаса – пожалуй, и всё... Михеев в этом ряду занял достойное место!

Впрочем, в восьмидесятые Михеев большее внимание уделял «советскому детективу», его повести тех лет также вызвали пристальное внимание читающих. Детективная трилогия 1976-1988 годов, поднимающая актуальные проблемы тех лет, получила одобрение как читателей, так и критиков.

В фантастике же годы 1977-1993 стали для Михеева очень важными в области «воспитания» молодых фантастов. Именно он организовал и пятнадцать лет руководил Литобъединением «Амальтея» при Новосибирском отделении СП СССР, чем способствовал созданию «школы сибирской фантастики». Подобные определения носят иногда сомнительный оттенок, но всё-таки, как иначе это определить? Более двадцати публикующихся авторов, из которых треть стали профессиональными писателями (хотя бы на время, а время-то вскоре изменилось кардинально...). «Амальтеевцы его помнят» – это уже высказывание из двухтысячных. Александр Бачило, Игорь Ткаченко, Василий Карпов, Евгений Носов, Виталий Пищенко, Владимир Титов, Александр Шалин – некоторые из этих имён и сегодня на слуху.

Десятки книг различных жанров, вышедших общим тиражом более двух миллионов экземпляров, переведённых на десяток языков, читаемых и поныне – немалое достижение для писателя, чей жизненный путь закончился в мае 1993 года. Даже в провинциальной библиотеке можно прочесть пять его фантастических и четыре приключенческо-детективных книги. Для писателя читательское признание немаловажно, и эту награду Михаил Михеев получил.

Чтобы придать «человеческое» измерение тексту, хочется закончить его фрагментами из очерка сына писателя, написанного к семидесятипятилетию отца, тогда так и не опубликованного,

увидевшего свет совсем недавно в Сети. «Михаил Михеев не стал знаменитым писателем. Но среди писателей нашего города он находится в ряду тех, кого читают едва ли не больше всего. Не было человека, даже не особо читающего, кто бы в те годы не читал книг отца. Он был истинно народно популярен, отцовские книги были на виду, на них мы все росли... Отец всегда попадал в точку. Написал единственную членораздельную песню в молодости, она стала народной, написал «Тайну белого пятна» – она стала визитной карточкой поколения... Ограничился славой одного города, но воспитал в Сибири целое поколение на бескорыстных принципах...

Он наивен. Размаха ему не хватало всегда. Он не читал Сартра, Канта, Ницше, Фрейда... Любимый писатель его и тот всего-навсего Александр Дюма. Ну ещё Джек Лондон и Александр Грин...

Отец всегда одевался в чёрте во что! И обстановки никакой у него никогда не было. И не стыдно... Маленькие радости: на рыбалку съездить, костёр развести, «Москвич» свой починить, тридцать лет уже существовавший драндулет... Честолюбия он не имел. В доме всё было сделано своими руками, и полки книжные, и шкафы... Это донкихотство его, вид всегда затрапезный и пиджак потрёпанный, а он в своей наивной романтической позе всё пытается истину восстановить...

Михеев – писатель для действительно простых людей, мастеровитых, умных, талантливых, до сих пор наивно верящих в добро, сказку, фантазию и мечту...»

«СЕМИГРАННЫЙ» ТАЛАНТ

Конец зимы давнего 1991 года, Сосновый Бор под Ленинградом, первый «Интерпресскон» – как молоды все были! Кто не был молод, тот был ещё бодр. Борис Стругацкий провёл пресс-конференцию, другие «мэтры» давали интервью. Внимания ленинградского ТВ удостоился и Александр Щербаков – автор всего двух книг, но уже лауреат премии Еврокона. Среди советских таковых было немного, не считая «антисоветского» лауреата – философа Александра Зиновьева, Щербаков стал третьим, после Парнова и Стругацких. Немолодой, с проседью в длинных волосах, но совершенно неформальный (в джинсе и джемпере), весело улыбающийся, не приемля «старческого катастрофизма», он совсем просто сказал о проблемах творчества: «Мы ждём от писателя ума, а от писателя надо ждать чувства!»

Чувства в его книгах были, хотя получил он техническое образование и четверть века работал инженером. А ещё были напряжённый сюжет, характеры вполне обрисованные, достаточно научные предположения. Лауреатов на Евроконах выбирают не очень-то демократическим путём, но сборник НФ-повестей Щербакова «Сдвиг» (1982) отмечен премией за лучшую книгу года вполне заслуженно.

Именно с «чувств» начинается написанная в середине семидесятых заглавная повесть: пенсионер неназванного островного государства Спрингглторп после гибели сына и смерти жены чувствует свою полную ненужность... Вдруг – не просто стихийное бедствие, а грандиозная катастрофа: землетрясение и нашествие океана. Весь остров приходит в движение, смещается в никуда со скоростью до семидесяти метров в час...

Для советской НФ тех времён «катастрофизм» был ещё совсем неизбитой темой. На русском ещё не вышел всемирно известный роман Сакё Комацу «Гибель Дракона», реалистично-обстоятельно живописующий гибель Японии в результате геологических катаклизмов. С этой книгой поневоле возникает сравнение, и советский автор мало в чём уступает автору мирового бестселлера. Последствия бедствия изображает достоверно: «Все налаженные системы словно растворились...» Психологически точно показывает, что если в эти чёрные времена есть за кем идти – люди пойдут.

Силой обстоятельств мобилизованный Спрингглторп становится администратором, вице-президентом, президентом страны. А старается он всего лишь дать людям «порядок вещей, веру в свои силы».

«Сдвиг» целого острова оказывается делом рукотворным, ещё за полвека до этого инженер Дафти предупреждал, что АЭС с закачкой отработанных вод в глубокие скважины опасна! И вот теперь нужно эвакуировать четыре миллиона человек – очень трудная задача. Помогает весь мир, в том числе Россия. Щербатов «реалистично» это изображает, и сочувствовать беде читателю вполне реально.

«Капитану тонущего корабля» Спрингглторпу приходится несладко – мародёры грабят, «наполеончики» устраивают заговор, но ему...везёт, как подмечает один из соратников. Учёные предлагают решить проблему сдвига «перфорацией земной коры»: взорвать две сотни термобомб (вольфрамовых шаров с урановой начинкой), чтобы спровоцированные ими вулканы остановили движение острова. И ведь удаётся – «остров больше не тонет»! Со временем жители вернуться, жизнь наладится. Такой жизнеутверждающий катастрофизм...

А вот в написанной в начале восьмидесятых повести «Суд» с самого начала несомненно нечто детективно-криминальное. В Африке бесследно исчезает геофизическая экспедиция, но заведённое дело зависает незавершённым на семь лет, пока не появляются «новые обстоятельства». Сын руководителя пропавшей экспедиции отправляется туда же, и неспроста... Некий ассессор (лицо, облечённое судебной властью) возобновляет

расследование. Ему помогает журналист О'Ши, «прикрываемый» могущественной (но не названной) организацией.

Тайны – одна за другой: биохимическая подземная лаборатория, таинственные человеческие превращения, мемодромы, акустический концентратор... Действие ускоряется, сюжет закручивается. Но вот достовернее не становится, что вполне естественно для приключенческой литературы. Выжившие, но замурованные в подземелье обстоятельствами люди, не находят ничего лучшего, чем устроить судебное разбирательство, чему формально ничто не препятствует, ведь представители власти налицо.

В ходе разбирательства доктор Ван Ваттан разъясняет суть своего открытия: человек – это память, причём поля памяти (мемодромы) разнесены по всему организму. Ему удалось научиться управлять этими «мемодромами», практически перезаписывать человеческую память. Большая наука, но она потребовала жертв! Чему удивляться, существует специальное агентство, занимающееся торговлей людьми «для опытов». Размышления Щербакова о современной науке и её деятелях серьёзны и глубоки. Совсем непросто жить в нашем мире, и «договор с дьяволом» учёным заключить куда легче, чем простым обывателям.

В технике «перезаписи» автор ничего интересного не «изобрёл», всё те же «ряды безликих железных шкафов» ЭВМ на пять гигабит... А вот заканчивается повесть не совсем ожидаемо, кто ж победил (наши/не наши) – решать придётся читателю.

Первая книга Щербакова вышла как раз к его пятидесятилетию, но «сочинять» он начал задолго до этого, ещё в дошкольном возрасте. А родился Александр Александрович 28 июня 1932 года в Ростове-на-Дону в семье тридцатилетнего рабочего выдвиженца (как тогда говорили), ставшего секретарём райкома ВКП(б) Таганрога. В 1936 году отец был по сфабрикованному делу незаконно арестован, а в следующем году – расстрелян, как члена семьи «изменника Родины» арестовали и мать (она вернулась из заключения в конце войны). Пятилетнего Сашу усыновила тётка, актриса одесского театра РККА. В Одессе Саша начал учиться, в начале войны его эвакуировали (в Туркмению, затем в Узбекистан). Учился он отлично, одесскую школу закончил с золотой медалью, блестяще осваивая гуманитарные предметы. Но в университет его всё равно бы не приняли как сына «врага народа», семья решила, что надо ему стать инженером, в 1950 году Александр приезжает в Ленинград и поступает в ЛЭТИ. Закончив и электротехнический институт с отличием, он начинает трудиться «простым советским инженером», затем

переходит во ВНИИ ТВЧ имени академика Вологодина, откуда уходит почти через четверть века с должности завлаба, став соавтором нескольких изобретений. НИИ «оттепельных» лет были благоприятными для увлечений «заведениями», именно там Щербаков, уже зная неплохо английский, начал изучать польский и чешский языки. Причём совсем не для того, чтобы читать поляков и чехов, просто на этих языках можно было прочесть то, что на русском стало издаваться гораздо позднее. Продолжал писать стихи, как поэт попытался в 1959-м поступить на заочное отделение Литинститута, но и тут получил отказ всё по той же причине...

С 1960 года участвовал в работе семинара переводчицы Татьяны Гнедич.

В 1962 году увидели свет его переводы нескольких стихотворений известного негритянского поэта Ленгстона Хьюза. В последующие тридцать лет Щербаков перевёл стихи Киплинга, Эдгара По, Алишера Навои, Яниса Райниса, Мусы Джалиля, прозу Диккенса, Готорна, Ликока, Войцеха Жукровского. Американский исследователь творчества Льюиса Кэрролла Фан Паркер признавал щербаковские переводы двух знаменитых сказок, опубликованные в 1977 году (а выполненные гораздо раньше), одними из лучших – наряду с вольным пересказом Владимира Набокова.

С детства Саша любил фантастику, не только читал Жюль Верна и Уэллса, но сам в двенадцать лет написал «продолжение» «Аэлиты». Ещё в молодости познакомился с младшим Стругацким, а в 1966-м его пьеса «Второй подвиг Геракла» (она же «Геракл и лернейская гидра») получила одобрение Стругацкого-старшего. Всерьёз обратился к НФ Щербаков в начале семидесятых, и совсем не для того, чтоб развлечь читателей.

Первый же написанный НФ-рассказ увидел свет в сборнике «Талисман» (1973). «Беглый подопечный практиканта Лойна» на фоне произведений Стругацких, Шефнера, Варшавского, Гора (которых впоследствии Щербаков называл учителями), выглядел не лучшим образом, но ведь это была лишь «проба пера». В 1974 году на Семинаре Бориса Стругацкого Щербаков прочёл свою повесть «Змий», получив полное одобрение мэтра, сказавшего тогда: «Мы впервые обсуждаем совершенное произведение». Характерной особенностью НФ Щербакова уже тогда были точные психологические характеристики героев вкупе с приметам зарождающейся эпохи НТР. После публикации в 1976-м он получает известность, неспроста же эту социально-фантастическую повесть Борис Стругацкий считал одним из

наиболее интересных произведений советской фантастики конца семидесятых годов.

В будущем западные учёные создают «биокристаллическое соединение с активной структурой» П-120 (пэйперол), внешне выглядящее как плотная голубоватая бумага, – предназначенное для замены бумаги обычной. Заинтересованы прежде всего военные и политики, ведь эта «сказочная змеиная кожа» может дать возможности безграничного подглядывания – всё, написанное на П-120, можно «считать» на расстоянии! Она и внушить пишущим на ней может нужное властью и имущим. Вся привычная жизнь, перипетии которой Щербаков точно изображает, может нарушиться... Опасное изобретение служит импульсом к пробуждению совести героя, чтобы не дать «змию» развернуться, сенатор Тинноузер готов сделать всё для запрещения исследований в этой области. Готов «снова начать многотрудный путь к истине, гармонии и совершенству самих себя».

Рассказы Щербакова публикуются в журналах и сборниках, в 1978 году печатают повесть «Сдвиг». Получив не только моральную поддержку мэтров советской НФ, но и выход в печать, Щербаков решает оставить свою научно-практическую деятельность и с 1979 года становится «профессиональным» литератором (к чему душа стремилась с детства). В 1981 году его принимают в СП СССР, по тем временам это было немалым достижением. В 1982-м выходит первая НФ-книга, в следующем году отмеченная Евроконовской премией. Со стороны могло показаться, что всё получается само собой, легко и просто. Дни и ночи напролёт, отданные любимому делу – о них знали только друзья.

Вторая книга выходит уже в несколько иные времена, перестроечные и кооперативные. СП (то есть совместное предприятие) «Интербук» издаёт сборник повестей и рассказов «Змий» (1990) – три повести, цикл юмористических «Рассказов из жизни А.П.Балаева», написанных «с присущей Щербакову элегантностью» (как написали составители одного из НФ-сборников). Хорошая книга, только чуть запоздавшая, к примеру – приключения Степана Лавочкина из времён «Эры Освобождённого Труда» в нашем настоящем (повесть «Кандидат-лейтенант») скоро напроць затмят реальные похождения «пацанов» и «бригад» нашего времени...

С конца восьмидесятых Щербаков стал переводить зарубежную фантастику, и тут также добился успеха. Читатели «Уральского следопыта» в конце 1990-го с восторгом встретили переведённую им повесть Конан Дойла «Владыка Тёмной Стороны», представляющую на самом деле окончание «Маракотовой бездны», на русском до

этого не публиковавшееся по идеологическим мотивам. Классический автор предстал с неожиданной для советских читателей стороны. Порадовал читателей и новый перевод заключительной книги знаменитой «лунной трилогии» классика польской НФ Ежи Жулавского «Победоносец» (1993). Но больше Ал.Ал. Щербакова интересовала современная «сайнс фикшн», и перевод «Гимнов Гипериона» (отрывка из знаменитого романа Дэна Симмонса) был замечателен. За перевод романа Ф.Х. Фармера «Грех межзвёздный» (1992) Щербаков получил Беляевскую премию, а за перевод романа Хайнлайна «Луна жёстко стелет» (1993) стал лауреатом сразу двух премий – Беляевской и «Странника». Уже после смерти он был назван лучшим переводчиком на ЕвроКоне-96.

С восьмидесятых Щербаков периодически выступал с критическими разборами на занятиях Литстудии А.Балабухи и А. Бритикова, публиковал рецензии, предисловия, послесловия, комментарии (в том числе под псевдонимом Н.Ф.Александреев). На седьмом десятке как автор предстал ещё одной гранью, его историческое эссе «Аз и Он», опубликованное в журнале «Звезда» (1993), было отмечено премией этого издания. К сожалению, работа осталась не завершённой...

При пожаре в знаменитом Доме писателей на Шпалерной «Сан Саныч» бросился его тушить, наглотался дыма, пришлось его самого выносить из огня. При лечении обнаружили лейкемию, «сгорел» писатель менее чем за год, скончавшись 9 октября 1994 года...

Осталось немаленькое творческое наследие, публикация его маловероятна, но даже увидевшего свет вполне достаточно, чтобы сделать вывод: Ал. Ал. Щербаков – настоящее литературное явление! А если бы смерть не помешала развернуться в полной мере!.. Был бы сейчас «Сан Саныч» патриархом «НФ-возрожденцев» – так считает один из них, Антон Первушин. Ведь писал Щербаков НФ в основном твёрдую (американских эталонов), даже элементы киберпанковской стилистики использовал – независимо от киберпанков.

«Не верьте, не верьте, что автор со сдвигом.
Он просто приверженец всяческим книгам...»

ПОДВИЖНИК И ПЕРВОПРОХОДЕЦ

В середине прошлого века в Советском Союзе много писали о так называемом «методе Герасимова», за который его создатель – антрополог и скульптор М.М. Герасимов получил в 1950 году Сталинскую премию. Сначала скульптурные портреты выдающихся людей прошлого (Тамерлана, Ивана Грозного, адмирала Ушакова и прочих), восстанавливаемые по черепу, называли «фантазиями», затем причислили к науке – когда достоверность метода проверили криминалисты. Небольшую книжку об этом опубликовал в 1953 году молодой популяризатор науки Борис Ляпунов, назвав её «Из глубины веков». Прошло-то с той поры немногим более полувека, но похоже, облик писателя XX века Бориса Валериановича Ляпунова – даже для интересующихся его творчеством – оказался скрыт завесой лет чуть ли не более, чем облик Тамерлана. Вот что написал совсем недавно блоггер Albert Magnus: «Закончил статью про полузабытого советского писателя-фантаста Бориса Ляпунова, известного лишь

узкому кругу почитателей советской фантастики, да и то в основном как историк и библиограф. Умер он рано, не переиздают его более тридцати пяти лет, так что удивляться не приходится. В результате и факты его биографии найти проблематично, и даже фото не нашлось».

Фотографии Ляпунова есть даже в Интернете, не говоря уж о старых журналах, но вот с некоторыми «фактами биографии» сейчас действительно проблемы... Так что очерк жизни и творчества некогда очень популярного автора множества книг поневоле будет схож с «реконструкцией», сочетанием «научного документа и произведения искусства». Немало помогут в этом воспоминания мастера советской научно-художественной литературы В.А. Сытина, посвятившего более молодому коллеге главу в своей книге рассказов о писателях «Что там, за поворотом?»

Родился Борис Валерианович Ляпунов тридцатого июля 1921 года в семье преподавателя школы II ступени, родился в Вятке, а вот школу окончил в Кирове – город был переименован сразу после убийства этого политдеятеля в 1934 году. На непростые времена выпали юность и молодость Ляпунова... Ещё в детстве Борис увлёкся тем, что определяло впоследствии всю его жизнь. Первое влечение – научная фантастика: «Жюль Верн ввёл меня в удивительный мир НФ». Сразу же последовало увлечение романтикой космических полётов – Борис мечтал стать «межпланетным путешественником», за пару лет он прочёл всю литературу по астронавтике (ещё даже термина «космонавтика» не было), что имелась в областной библиотеке имени Герцена. Прочёл и «Исследование мировых пространств реактивными приборами» К.Э.Циолковского, а потом написал письмо в Калугу. В книге Ляпунова «Открытие мира» (1954), посвященной «памяти основателя звездоплавания», есть такие строки: «Когда я был школьником, почтальон принёс мне бандероль с обратным адресом: Калуга, ул. Жореса, 3. Это был ответ на моё письмо...» Основатель практической космонавтики прислал тринадцатилетнему пацану пачку своих книг и брошюр с пожеланием идти дальше по пути изучения науки и техники.

Ляпунов старался выполнить наказ, завязал переписку с известным учёным и историком космонавтики Н.А. Рыниным, следил за новостями науки и техники, ещё в 1936 году опубликовал заметку «Буду стратонавтом»; но ни «модным» тогда стратонавтом, а тем более астронавтом не стал, в 1939-м поступил на механико-математический факультет МГУ. Учился он долго, чем-то университет не устроил (хотелось быть ближе к ракетам?), Ляпунов перевёлся в МАИ, который закончил в 1948 году. Там он с середины сороковых участвовал в работе Отделения подготовки

и осуществления ракетных и космических полётов Aviационного НТО студентов, опубликовал в 1948-м, ещё будучи дипломником, две книжки: «От ракеты до реактивного самолёта» и «Ракета». Детскому выбору почти не изменил, стал не исследователем космоса, так писателем «космической» темы. Работу энтузиаста ракетной техники отметили благожелательными рецензиями под одинаковым названием «Две книги студента» члены СП СССР В.А. Сытин и В.Д. Захарченко. И это было только начало популяризаторской деятельности!

После защиты диплома Ляпунов был направлен в НИИ-4 Академии артиллерийских наук, но проработал там менее года. Занимался исследовательской работой, получил несколько свидетельств на изобретения, но дальнейший жизненный путь молодого специалиста всё же определился проявившимися ещё в юности склонностями к литературному труду. Он начинает работу в отделе науки газеты «Известия», но и тут работает лишь несколько лет, уйдя с должности заместителя редактора по отделу науки и техники на «вольные хлеба», став профессиональным писателем-популяризатором, всю жизнь связавшим с пропагандой научных и технических знаний. При этом до середины пятидесятых обязательно подчёркивая, что автором журнальных публикаций выступает «инженер Б.Ляпунов». Диапазон тем, затрагиваемых инженером и писателем, постоянно расширяется: загадки земной коры, проблемы биологии, будущее химии, освоение океана! Почти все его книги имели характерную черту – рассказ не ограничивался описанием достигнутого, мысль писателя уносилась в будущее! Ляпунов был одним из новаторов, пытавшихся не только создать, но и теоретически обосновать новую разновидность очеркистики – научно-фантастический очерк. При этом часто прибегая к своеобразному «конструированию моделей мира», в которых идеи учёных стояли в одном ряду со смелыми выдумками фантастов.

Вспоминает Виктор Сытин: «Вскоре после войны мне пришло письмо от неизвестного, очевидно молодого ещё, человека. В нём сообщалось, что он решил стать популяризатором науки, что принял он такое решение, прочитав мои очерки о Циолковском, и считает меня своим “крестным отцом” на литературном поприще... Года через два автор письма явился ко мне собственной персоной. Это был высокий блондин лет тридцати пяти, пухловатый, явно стеснявшийся и поэтому тщательно подбиривший слова».

Книгу Ляпунова об истории ракетной техники «Ракета» Сытин прочитал, назвал её «добротной», после чего и начались их дружественные отношения. «Борис показывал мне письма чита-

телей с благодарностями автору за помощь в выборе жизненного пути. Ближе познакомившись с Ляпуновым, – в середине пятидесятых он был принят в Союз писателей и вошёл в актив секции научно-художественной литературы, – я узнал, что на самом деле “крестным отцом” его как писателя, более того – учителем, был Михаил Ильин.» Тот даже написал предисловие к сборнику очерков Ляпунова о перспективах межпланетных путешествий «Открытие мира» (1954), в котором отметил его поэтичность: «Книга написана горячо, со страстью, с верой в осуществление мечты». Неспроста и Ляпунов написал об основоположнике советской научно-художественной литературы М.Ильине (И.Я.Маршаке) в 1955 году очередную свою книгу.

Из воспоминаний Сытина: «Вошёл Борис Ляпунов, теперь уже просто Боря. – Принёс вам новую, только что вышла. – И протянул небольшую в светло-коричневой обложке книжку – “М.Ильин”. – Собрание ваших сочинений у меня растёт не по дням, а по часам! По-хорошему завидую.» Сытин отмечает, что Ляпунов «пополнел... Мягких очертаний лицо его стало даже немного одутловатым, и тени под глазами появились. Но сами глаза были весёлые...- Немного поболел, а сейчас всё в порядке. – И заговорил о том, что его интересовало всегда – о ракетах, реактивной технике. – Знаете, мне пока не пришлось увидеть ни одной ракеты!»

Эту особенность творчества Ляпунова Сытин отметил после прочтения его книги «По следам Жюль Верна» (1960): «Писатель рассказывал читателю о многом и интересно, но всегда об им самим не виденном!.. Великий писатель (Жюль Верн) тоже создавал свои произведения, творчески переваривая главным образом печатную информацию...» Написанная живо и занимательно, книжка Сытину понравилась: «В этой книге было множество полуфантастического и фантастического, но так или иначе научно-технически обоснованного...» Не нравилось Сытину другое, желание Ляпунова и далее работать «на ниве фантастики»: «Читая эту книгу, я никак не мог отделаться от ощущения, что уход в научно-фантастическую литературу не принесёт Боре успеха... Не видны герои, а обстановка показана весьма схематично. Может быть, высказать свои сомнения в целесообразности ухода в фантастику-беллетристику?» Но так и не сказал прямо один писатель другому: «Не пиши романов!», при том, что роман писать Ляпунов начинал...

Выступал он и как киносценарист – по сценарию, написанному в соавторстве с В.И. Соловьёвым, был поставлен НФ-фильм «Дорога к звёздам» (1958), тогда имевший немалый успех. По

сценариям Ляпунова поставлены также научно-популярные фильмы «Газовая турбина», «Планета Океан» и другие.

В шестидесятые Борис Валерианович бывал в Союзе писателей уже довольно редко, на собраниях секции очерка и научно-художественной литературы не выступал. «Какая-то невероятная стеснительность мешала ему. На секции обычно он садился в сторонке, внимательно слушал обсуждение, редко задавал вопросы». Не давало покоя здоровье: «Вид Ляпунова мне не понравился. Он ещё больше пополнил, ещё более одутловатым стало его лицо, и тени под глазами стали желтоватыми. Но – самое главное – глаза молодого ещё (всего за сорок) человека как-то потускнели...» Это одно наблюдение Сытина, вот другое: «Ляпунов сидел в кресле куль кулем, безвольно опустив руки на колени...» Тем не менее работал тот по-прежнему много, в конце шестидесятых «заразился» модной темой НЛО и палеоконтактов, но проявить себя и на этом поприще уже не сумел... «Увы, прожил чуть дольше пятидесяти. Но за четверть века своей литературной деятельности сделал много и многое – хорошо. Писатель Борис Ляпунов был подвижником» – так заканчивает свои воспоминания Сытин, проживший гораздо дольше, но написавший вполтину меньше...

Советский писатель-фантаст! Такое определение из Википедии наверняка польстило бы Борису Валериановичу, ведь НФ – его самая первая любовь. Одной из первых публикаций стал отрывок из НФ-очерка «Институт межпланетных сообщений» (1944), очерки и НФ-репортажи Ляпунов публиковал на протяжении четверти века, выпустил две неплохие книги НФ-очерков. Немалым тиражом вышла книжка «Мечте навстречу» (1957) о возможных (по представлениям того времени) этапах освоения космоса; разделы её назывались так: «Земля-Луна-Земля», «Стройка в пустоте», «Мы – на Марсе», «Ближайшие к Солнцу»... О «необыкновенных путешествиях», похожих на жюльверновские, но совершённых во второй половине XX века – книжка «По следам Жюль Верна» (1960). Был у Ляпунова и замысел книги «По следам Герберта Уэллса»... Но талант его всё-таки был иного свойства – идеи, теории, замыслы, проекты, библиографические списки; но не живые герои и реалистично-фантастические обстоятельства!

Ляпунов был не только любителем и знатоком НФ, он был её «летописцем», его обзоры и указатели на протяжении многих лет публиковались как в специальных, так и в массовых изданиях. Критик и библиограф XXI века Евгений Харитонов совершенно справедливо называет его «одним из основоположников библиографии фантастики». Ведь ещё в 1945 году тот составил

аннотированный указатель «Научная фантастика», включающий более семисот описаний произведений русской и зарубежной литературы с конца XIX века по 1945 год. Хотя ни этот, ни дополненный варианты библиографии так и не были изданы, для всех исследователей фантастики шестидесятых годов – ведь рукопись хранилась в Доме детской книги – она стала «ценнейшим пособием» (что и отметила Елизавета Званцева в своём очерке «Наука мечтать», 1969). В 1970 году библиография, составленная Ляпуновым, стала немаловажным дополнением к монографии А.Ф. Бритикова «Русский советский научно-фантастический роман», где она представлялась как «первая попытка собрать и систематизировать обширные материалы». Совершенно неоспоримая заслуга первопроходца!

Благодаря кипучей деятельности Ляпунова в конце пятидесятых годов XX века было возвращено из пятнадцатилетнего забвения имя А.Р. Беляева, именно он стал составителем первых двухтомника (1956) и трёхтомника (1957) сочинений классика советской НФ, а для восьмитомного собрания сочинений 1964 года подготовил указатель его произведений. О Беляеве Ляпунов написал немало – предисловия к книгам, статьи в прессе, критико-биографический очерк «Александр Беляев» (1967). Небольшая книга стала первой монографией о первом советском писателе, посвятившем жизнь фантастике. Ляпунов сумел убедительно отвести несправедливые обвинения, ещё тяготевшие тогда над книгами Беляева, проанализировал основные линии его творчества в свете достижений литературы и науки шестидесятых годов, показал писателя не только как романиста, рассказчика, очеркиста, сценариста, но и как «борца за советскую фантастику»; человека, всем творчеством утверждавшего веру в победу разума.

Главным итогом критико-библиографической деятельности Ляпунова стала уникальная (и не только для того времени) книга «В мире мечты» (1970) с подзаголовком «Обзор НФ-литературы». В том-то и дело, что это был не только обзор, в верхней части большинства страниц под рубриками «Писатели о фантастике» и «Критики о фантастике» были напечатаны мнения сорока четырёх советских писателей и шести ведущих НФ-критиков. Среди них не только А.Толстой, В.Обручев, А.Беляев, Г.Адамов, В.Владко, но и Ф.Гладков, В.Катаев, Я.Купала, М.Ильин...А затем почти все регулярно публикующиеся советские фантасты очень разных пристрастий: Казанцев и Стругацкие, Ефремов и Шефнер, Немцов и Варшавский... Интересно было читать тогда, ещё интереснее сейчас! Были там и обширные обзоры русской, советской, зарубежной фантастики, на два-

дцати страницах разместилась библиография НФ 1958-1968 годов, да ещё иллюстрации-заставки художника Э.Филимонова! Книжка получилась замечательной, неудивительно, что при тираже в двадцать тысяч экземпляров она тут же стала очередной «библиографической редкостью» и на неё появилось в печати почти десяток рецензий. Известный литературовед Евгений Брандис в предисловии к ней написал: «Всё возрастающий интерес к НФ делает необходимым издание критико-библиографических работ, которые помогают ориентироваться в многочисленных произведениях». Книга Ляпунова перевыполнила скромную задачу, ведь как большинство его книг она написана не только с умом, но и со страстью! «Объединяя лучшее из созданного нашими фантастами в отдельные жанрово-тематические группы, он добивается благотворного эффекта: при всей неизбежной фрагментарности, связанной с небольшим объёмом обзора, фантастика предстаёт перед читателем книги как живая, полнокровная отрасль нашей художественной литературы» – это из рецензии ещё одного страстного любителя НФ В.И. Бугрова.

Пятидесятилетний юбилей писателя отметили тогда как научно-популярные, так и критико-библиографический журнал «В мире книг». В «Технике-молодёжи» заведомом НФ Юрий Медведев, человек более молодого поколения, признавался, что прочёл в детстве «Открытие мира» с захлёбом. Он писал: «Поколение тех, кто освоил целину неба и земли, кто перегородил сибирские реки плотинами, кто возвёл города за Полярным кругом, воспитано не без влияния книг Бориса Ляпунова... Талантом учёного и поэта, страстью, энергией, художественным чутьём – он наделён в полной мере. Его лучшие книги, лучшие фильмы по-прежнему всё ещё впереди...»

Но, к сожалению, вскоре Борис Валерианович ушёл из жизни – он умер в Москве 27 мая 1972 года... В некрологе, опубликованном в «Технике-молодёжи» под заглавием «Памяти первопроходца» подчёркивалось, что тот «умер в расцвете своего яркого дарования популяризатора науки, писателя, футуролога», и что «ещё в юности решил посвятить свою жизнь возвеличению идеи первопроходчества». В журнале «В мире книг» отмечали, что «человек редкого трудолюбия и разносторонней образованности никогда не шёл лёгкими путями, его книги несли не только романтическую мечту о чудесных свершениях, но и широкие знания... Б.В. Ляпунов был деятельным членом редколлегии и его активным автором... Его книги, как и память о нём, будут жить долго».

Память жила ещё лет двадцать... В 1975 году вышла вторым изданием книга «В мире фантастики: Обзор НФ и фантастической литературы», подготовлена она была И.А.Ляпуновой. Композиция изменилась – были убраны высказывания об НФ, за счёт этого пополнилась библиография. В предисловии Евгений Брандис отдал должную дань памяти автору: «За четверть века удивительно плодотворной деятельности он написал тридцать четыре книги, множество статей и очерков... Всех, кому посчастливилось знать этого человека, поражала его феноменальная работоспособность, его ревностное служение делу, которому он отдавал себя без остатка. Круг литературно-научных интересов Б.В.Ляпунова был исключительно широк, но главная тема, определившая его писательское призвание – освоение космического пространства с помощью реактивной техники – владела им с юных лет...»

В 1981 году в журнале «Советская библиография» в небольшой статье к шестидесятилетию со дня рождения отметили достижения Ляпунова в области библиографии: «Указатели Б.В. Ляпунова были и остаются ценными библиографическими пособиями по фантастике». Через десять лет известный тогда библиограф Александр Осипов в «заметках по поводу двух юбилеев» под заглавием «Зачинатели», опубликованных в НФ-журнале «Четвёртое измерение», справедливо отмечал: «В последние годы повсеместно убеждаешься, к сожалению, как легко вычёркиваются из нашей памяти имена людей, ушедших от нас совсем недавно. Вычёркиваются исключительно по причине нашей внутренней усталости и безразличия к судьбам культуры и литературы...» А затем напоминал о Ляпунове, внёсшем заметный вклад в отечественное фантастоведение, как человеку, у которого любовь к фантастике «была профессиональным пристрастием на всю жизнь».

ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЙ ПОСТМОДЕРНИСТ

Весной прошлого года в Москве переиздали, пусть и небольшим тиражом, книгу, полвека назад «нашумевшую» если не на весь Союз, так уж на его столицу точно. Уже немолодой автор, ярко дебютировав в начале недолгого «золотого века» советской НФ, сразу стал широко известен как среди юных любителей фантастики – ведь сокращённый вариант романа (с рисунками Л.Смехова) печатался в сентябре-декабре 1959 года в «Пионерской правде», выходявшей тогда миллионными тиражами; так и в писательской среде. На его единственный опубликованный НФ-роман, вышедший немалым и по тем временам тиражом в 215000 экземпляров, проиллюстрированный (даже цветными вкладками) известным художником Николаем Гришиным, появилось не менее полудюжины рецензий (впоследствии рецензенты откликнулись даже на его рассказы и повести, появившиеся в

журналах). Произведения писателя перевели на полтора десятка языков – чем не европейская известность... В аннотациях писали: «Научной фантастике автора присущи острые драматические сюжеты, динамичность действия. Его герои – преимущественно советские космонавты, штурмующие просторы Вселенной... Совершающие на гравитонной ракете полёт к центру Галактики, знакомящиеся с жителями других миров, обладающих высокой цивилизацией... Широкий загляд в будущее, стремление рассказать о людях будущего – привлекательные черты творчества автора, дебют его удачен. Книга читается с неослабевающим интересом, она очень актуальна сейчас, когда человечество стоит на пороге полётов в космос».

Только вот «известность» автора «Гриады» Александра Лаврентьевича Колпакова, девяностолетие со дня рождения которого приходится на этот месяц, стала «скандальной» – так и написано в отечественной «Энциклопедии фантастики»! Авансом заявив, что роман, несомненно выделяющийся буйным полётом фантазии – чуть ли не новое слово в советской НФ, издатели и доброжелатели после его выхода жестоко поплатились за своё хорошее отношение – ведь ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным! Критика последовала со всех фронтов! В коротенькой заметке «Одухотворённое лицо метagalaktианина» в майском номере «Литгазеты» за 1960 год кандидат педнаук И. Назимов, покритиковав стиль романа: «Биопсихология, эллиптический параболоид, электронно-мезонная форма движения... Лучезарные глаза, устремлённые в пространство, выдавали гигантскую работу мысли», высказывал пожелание: «О друг мой, не говори красиво... и непонятно...» Затем в февральском номере «Комсомолки» за 1961 год публикуют впечатления о книге восьмиклассника Юры Романова – под заглавием «Тема космическая, а проступок – ученический». «Сколько в ней надуманных эпизодов, сколько нелепостей, а то и самой обыкновенной чепухи, прикрытой “научными” рассуждениями, которые кажутся сомнительными...» Мало того, не по годам сообразительный школьник находит в книге сцены и строки, «удивительно совпадающие» с романом «Когда Спящий проснётся» Уэллса! «У нас в школе это называется списыванием... Как же быть со «списывателем» – задаёт он закономерный вопрос...

В майском номере «Учительской газеты» известный тогда критик Александр Лейтес в статье «Фантастика и реальность» подводит итог: «Малохудожественным и противоречащим основам научного мышления представляется нам роман “Гриада”, разошедшийся большим тиражом...»

В журналах с «выговорами» также не стеснялись. Мэтр послевоенной советской НФ Виктор Сытин писал в статье «Отражение мечты» (1961): «Интерес к проблеме завоевания космоса вызвал ряд поспешных и примитивных, конъюнктурных и спекулятивных произведений. О бесконечных приключениях космонавтов, залетевших непонятно как “к центру галактики” – “Гриада” Колпакова. В случае с его “творчеством” мы имеем дело не только с уголовной и беспардонной халтурой, но и с “воинствующей аполитичностью”...» Не менее суров был и будущий классик советской НФ Анатолий Днепров, в своей статье «НФ для исследования будущего» («Молодой коммунист», 1961-№8) он возмущался тем, что «ни одно выдвинутое положение автор не доказывает»! А что говорить о «замораживании» любимой на полтора миллиона лет!.. «Роман – типичный образец произведений, где титр “НФ” используется не по назначению».

Попробуем разобраться – насколько обоснованы претензии советских критиков полувековой давности с точки зрения современного состояния российской фантастики, не исключая, конечно, «Гриаду» из контекста истории советской НФ. Половина претензий, надо признать, справедливы... Многовато в начале «научно-популярных» объяснений и наивных мечтаний. Автор не следует приведённому в его же тексте высказыванию Тургенева: «Избегай говорить напыщенно». Приключения героев на Гриаде выдумываются иногда только «ради приключений». Но вот «НФ»-часть (что бы ни писал Днепров) даже сейчас выглядит впечатляюще (и с чего бы это фантаст должен доказывать свои предположения?) В 2260 году межзвёздник Андреев и «второй Эйнштейн» академик Самойлов готовятся к полёту на гравитонной ракете на 30000 световых лет. При старте «малютки» (всего-то 300 метров) «Урании» с лунного космодрома происходит «заметное смещение Луны с орбиты»! «Пожирающий пространство» звездолёт достигает скорости света и ...оказывается в межгалактическом пространстве – 307000 парсеков одним махом! Масштабы! Романтика дальних миров... Да и описания Гриады и грианоидов не так уж плохи, хотя мастером стилистики Колпакова не назовёшь, конечно. Тамшний «Золотой век» не так уж хорош, лицемерен и лжив, действует «мощная идеологическая машина» (не камешек ли это в огород?..) В противостоянии землянам помогают трёхметровые гиганты из другой Метагалактики, читающие мысли, для которых и 83 миллиарда парсеков – не предел. Боевые действия с применением «лучистой энергии» заканчиваются победой «наших», а затем – с применением «чудесного генератора Син» – в «электронно-мезонной форме дви-

жения» двое землян и метagalacticанин Уо через два часа оказываются на окраине Солнечной системы. Через миллион лет Андреев встречается со своей любимой Лидой, выпущенной из Пантеона Бессмертия... Новая физическая теория освещает запутанные вопросы земной физики – «во имя счастья и прогресса трудового человечества!» Ну кто скажет, что у автора нет фантазии?

Что касается «плагиата», то вряд ли Колпаков осознанно пошёл на этот «криминальный» шаг. Нынешний патриарх Б.Н. Стругацкий вспоминает: «Я присутствовал на заседании, где беднягу Колпакова долбали за эту книгу... Будучи разоблачён, он мямлил какую-то чушь». Ну получилось так – автор, опьянённый полётом своей необузданной фантазии, для ускорения работы над книгой не постеснялся «прихватизировать» кое-что вечное... А на обвинения в собирании воедино «штампов авантюрной фантастики» современный «списователь» вообще может заявить – я постмодернист, что в одной из трактовок этого многозначного термина подразумевает «эстетический эклектизм»...

Кем же был этот «возмутитель спокойствия» советской научной фантастики начала шестидесятых? Родился будущий офицер, журналист и фантаст 15 февраля 1922 года в Нижнем Поволжье, в селе Мачеха Царицынской губернии, впоследствии – Киквидзенского района Сталинградской области. О родителях сведения самые фантастические: отец служил на границе «то ли с Турцией, то ли с Пакистаном», затем занимал руководящие должности, в 1937 году был репрессирован. Мать – юная наложница из гарема какого-то восточного владыки, умершая очень рано. Сашу и сестру воспитывала мачеха, в детстве они жили в казачьей станице на Дону. После окончания средней школы Александр недолго работал литсотрудником в районной газете. В 1940 году был призван в РККА, участник ВОВ, служил в арtpолку, участвовал в боях, был отмечен наградами. В 1944-м был отозван с фронта на командирские курсы, уже офицером прослужил в армии ещё одиннадцать лет. Учился в Военно-химической академии имени Ворошилова, но вот получил ли высшее образование и специальность инженера-химика – вопрос? Ведь военная «карьера» Колпакова закончилась на капитанской должности... Уволенный из армии, с 1956 года до середины семидесятых работал в московских НИИ (инженером, научным сотрудником, завлабораторией). Получил ряд авторских свидетельств на изобретения по части химтехнологии.

Некую тягу к литературе испытывал с детства, не зря же был «литсотрудником». После войны начал писать, с 1955 года пуб-

ликовал научно-популярные статьи в газетах и журналах, выпустил две брошюры в популярной тогда серии «Новое в жизни, науке и технике»: «Щедрая кремнийорганика» (1962, в соавторстве) и «Металлы в органических молекулах» (1964). Также публиковал рецензии и литературно-критические материалы.

Первой НФ-публикацией стал отрывок из «Гриады», увидевший свет в критико-библиографическом журнале «Что читать» (1959-№6) под заглавием «Собратья по разуму» (с очень даже положительными рекомендациями). В октябрьском номере журнала «Знание-сила» за тот же год увидел свет (с некоторыми сокращениями) рассказ «Один», полностью опубликованный как повесть «Альфа Эридана» в одноимённом сборнике издательства «Молодая гвардия» (1960). Тогда Колпаков ещё был «на взлёте», не зря же составитель Анатолий Варшавский и знаменитый ныне редактор Бела Ключева назвали сборник (вышедший тиражом 195000 экземпляров) по его повести. Кстати, Иван Руссов из этой повести упоминается и в «Гриаде» – как участник первой межзвёздной экспедиции. В самом начале шестидесятых Колпаков – в когорте самых перспективных советских фантастов, вместе с А. Стругацким, А.Днепровым, С.Гансовским и другими он участвует в работе литобъединения при издательстве «Молодая гвардия», его рецензию на «Стажёров» хвалит сам АНС... В 1960-1964 годах публикуют восемь его повестей и рассказов, только вот с каждым годом воспринимаются они литературной общественностью всё настороженней, и неспроста, Колпаков повторяется... Вот рассказ «Голубая цефеида» (1960) в «Юности»: 4348 год от Начала ЭВБ (Эры Октября), Великая родина человечества Земля становится Всемирным Братством Свободных Тружеников, где каждый ищущий обретает радость, дружбу, понимание. Но не без трудностей: заразившись неизвестной болезнью, космонавты остаются на орбите, чтоб в анабиозе дожидаться помощи... Опять же в примечаниях – объяснения фантастических терминов. Но писатель повторялся с «вариациями» – в известном «Регистре НФ-идей» Генриха Альтова (подкласс «Космические происшествия») имя Колпакова встречается не менее десятка раз.

Шаг в сторону – публикация в «Юном технике» повести «Цена миллисекунды» (1961) опять же вызывает недовольство критиков. А.Ручкин в «Горестных заметах» журнала «Звезда» под заглавием «Крошка Мери в космосе» (1962) негодовал: «Капиталисты, доллары, виски – откуда это у советского писателя?..» В январе 1965 года Аркадий Стругацкий пишет редакторский отзыв (внутреннюю рецензию) на рассказ Колпакова «Континуум два зэт», в котором, отмечая «буйную фантазию автора» (надо об-

ладать незаурядным воображением, чтобы построить такой мир – из сфероидов, лучей, субстанций и всего прочего), всё же заключает – «рассказ не годится для опубликования... Банальности, тривиальности, опять мотивы жертвенности, опять смерть и споры, кому остаться жить...» – вот тут и кончаются неплохие отношения между ними, в апреле АНС называет АЛК уже «подонком и глупцом»...

В 1964-м Колпакову удаётся издать в серии «Короткие повести и рассказы» издательства «Советская Россия» тоненькую книжечку «Море Мечты», включавшую заглавный рассказ, в котором автор попытался уйти от собственных стереотипов. Это космическая фантастика «ближнего прицела» – о полёте «Востока-10» к Луне и вынужденной посадке на обратной её стороне... Но и тут без «жертвенности» не обошлось...

В шестидесятые годы основным источником гонораров для Колпакова становится ежегодник «На суше и на море», в нём публикуется шесть его рассказов, в том числе и забракованный Стругацким «Континуум два зет» (1966). Рассказ, конечно, из конца пятидесятых, Колпаков так и остался в том времени космического пафоса и жертвенности. А вот встреча со сверхвысокой цивилизацией в странном мире пространственной ловушки описана совсем неплохо. Далеко нам ещё до постижения неэвклидовой гармонии Вселенной...

В эти годы в полной мере проявляются склонности писателя к мистификациям, он печатается под несколькими псевдонимами, изменяя названия рассказов, да не по одному разу. В 1971 году выходит последняя книга Колпакова, большинство произведений сборника «Нетленный луч» составили как раз рассказы из географического ежегодника. А с «новым» рассказом «О чём молчат камни» всё тот же казус случился... Бдительный читатель Г.Кругляков усмотрел в нём заимствования из книги Владимира Кузьмищева «Тайна жрецов майя»... После этого даже в дружественной «Советской России» книг Колпакова не выпускали.

Да и в ежегоднике издательства «Мысль» публиковали скудно – пять рассказов за двадцать лет. Пришлось печататься в таких журналах, как «Дальний Восток» и «Ашхабад». В июне 1976 года Колпаков и мэтр советской НФ Казанцев написали письмо в «Правду» о том, что «сионисты» и «интеллектуалы» не дают печататься русским и партийным авторам! Мало помогло, Колпакову пришлось заняться даже так называемыми «переводами» с туркменского, ведь после 1986-го его собственную фантастику не публиковали... Где-то сейчас рукопись романа «Восьмая спираль»? Кстати, зря фэны Колпакова надеются на что-то сногс-

шибательное, это всего лишь переработанный вариант «Гриады».

И закончилась жизнь Александра Лаврентьевича не совсем обычно, в сентябре 1995 года он выехал из Ашхабада (от сестры), но в Москву не приехал...

Писателя совсем уж не забыли. Републикацию рассказа «Один» в журнале «Знание-сила.Фантастика» (2006) критик Евгений Харитонов снабдил вступлением «Создатель красных космопер», в котором, отмечая недостатки творчества Колпакова, называл «Гриаду» коммерчески успешным проектом и одним из самых первых в отечественной литературе произведений в жанре боевой космической фантастики. «Очень увлекательным и захватывающим чтивом для школьников» тот же роман назвали в фэнзине «Шалтай-Болтай» при перепечатке повести «Цена миллисекунды» (2008) – в редакционном предисловии «Романтик, расстрелянный критикой».

Фантазёром и романтиком запомнился писатель и сыну Алексею Александровичу (р.1962), стараниями которого и появилось переиздание «Гриады». Так уж получилось, что с конца семидесятых они жили отдельно, встречаясь только изредка. Но аперриодический треск пишмашинки и дым коромыслом от непрерывного курения он запомнил надолго. Отец приохотил его к чтению, хотя свои книги читать не заставлял, «Гриаду» Алексей прочёл гораздо позднее. Весёлым человеком отец не был, что не удивительно при невесёлой-то его жизни, а был он «сосредоточенным» – сочинительство было его увлечением и призванием. Он «сочинял» (при последующих встречах) даже биографии – и свою, и своих родителей. В восьмидесятые у него появилась новая семья и ещё двое сыновей – вот такой был Колпаков «замечательный», не совсем обычный! И хорошо всё-таки, что память о нём стараниями почитателей и родственников живёт и поныне.

**ВЕК ПАТРИАРХА,
или
ЖИВИТЕЛЬНАЯ ЭНЕРГИЯ ТВОРЧЕСТВА**

Немного жаль нынешних молодых любителей фантастики, избалованных (развращенных) разнообразием предложений современного книжного рынка. Они не смогут ощутить и толики тех восторгов, что вызвали давным-давно, более сорока лет назад, два томика англо-американской фантастики, вышедшие в знаменитой некогда серии “ЗФ” издательства “Мир”. И сегодня приятно взять в руки и полистать сборник “Экспедиция на Землю” (1965), превосходно оформленный художником Евгением Бачуриным. Какие имена! Лейнстер, Азимов, Кларк, Старджон, Гаррисон, Брэдбери, Андерсон, Шекли, Каттнер, Саймак!

Но и в таком скоплении “звезд” не затерялся рассказ “Взгляд в прошлое” совсем неизвестного тогда советским читателям Джека Уильямсона. Бывший космический пират, ставший диктатором Астрархии, создает в Солнечной системе что-то вроде тоталитарной Империи... Попросту купив – “20000 орлов в год” – талантливому ученому Билла Уэбстера, изобретателя “ахронного интегратора и автовизора”, Астрарх хочет обратить оружие против не-покорной Земли... Как писали в предисловии к антологии известные исследователи фантастики Е. Брандис и В. Дмитриевский: “В центре повествования – грандиозные сражения флоти-

лий звездолетов... Рассказ психологически усложнен переживаниями ренегата Уэбстера и модными в современной фантастике “экспериментами”, воздействующими на ход времени”. Рассказ заканчивается следующей сентенцией: “Будущее определяет прошлое так же, как прошлое определяет будущее!.. Как бы мы ни перемещали факторы, окончательный результат всегда остается тем же”. Ренегат Веронар – все равно землянин Уэбстер: “Освобождение Земли запечатлено во времени – навеки”...

Рассказ Уильямсона выделялся на блистательном фоне какой-то “несовременностью”, что неудивительно, ведь он – самый давний из помещенных в сборнике (на английском был опубликован в 1940 году в знаменитом журнале “Astounding SF”). Стиль тридцатилетнего автора не назовешь “блестящим”, но что “стиль” есть – несомненно! В моем представлении рассказ Уильямсона так и остался квинтэссенцией довоенной американской “сайнс фикшн” из “Эстаундинг” Джона Кэмпбелла!

Следующий рассказ Уильямсона на русском появился лишь через десять лет, еще через тринадцать – повесть “Приливы не ждут” (Undersea City, 1958), написанная в соавторстве с Фредом Полом. А вот девяностые стали в России для писателя (ну он-то, конечно, об это не знал) самыми успешными, за десятилетие было издано более десятка его книг.

В апреле 2008 года для почитателей вошедшего в историю мировой фантастики цикла Джека Уильямсона “Космический Легион” была знаменательная дата, столетний юбилей автора. В Штатах его имя очень часто упоминается вслед за “самым американским фантастом” Р.Э. Хайнлайном, чей юбилей отмечался и в России. Уильямсон известен у нас гораздо менее Хайнлайна, даже прожив почти на двадцать лет более; соответственно и “датских” статей, ему посвященных, не было (хотя заслужил он их почти столько же). К сожалению, в России совсем неизвестна немаловажная ипостась Уильямсона как авторитетнейшего критика и историка НФ. Именно поэтому, признавая совокупные заслуги, Ассоциация Американских Фантастов (SFWA) отметила Уильямсона премией “Grand Master” сразу вслед за Хайнлайном – в 1975 году.

Родился будущий “Великий Мастер” 29 апреля 1908 года на отцовском ранчо около городка Бисби в штате Аризона. Родители его были людьми образованными, но окончивший Техасский университет отец после женитьбы на учительнице решил заняться фермерством. С детства Джон Стюарт (таково имя, полученное при рождении) помогал по хозяйству. Учился также дома, в школу пошел сразу в седьмой класс. Хотя с малых лет был фантазером, первый НФ-рассказ прочел лишь в 18 лет. Это его

и “сгубило” – ничего иного, кроме сочинения “сайнс фикшн” Уильямсон не хотел! Чтобы заниматься творчеством, пришлось бросить обучение в педагогическом колледже штата Техас... Считают, что уже с 1928 года Уильямсон – профессиональный писатель, так что на его счету 77 лет “творческого стажа”!

Начал писать Уильямсон под впечатлением прочитанных повестей А.Меррита, неудивительно, что первой публикацией стал рассказ “Металлический человек”, появившийся в “Amazing Stories” в декабре 1928 года – откровенное подражание Мерриту. В 1929 году в другом журнале Гернсбека “Science Wonder Stories” появилась повесть Уильямсона “Инопланетный разум”. В со- авторстве с М. Брейером были созданы повесть “Девушка с Марса”(1929) и роман “Рождение новой республики”(1931). Несколько рассказов и повестей начального периода творчества писателя переведено на русский и включено в сборник “Легион Времени” (2004), среди них – “Металлический человек” (1928), “Лунная эра”(1932), “Станция мертвой звезды”(1933), “Беспосадочный перелет до Марса”(1939)...

В апреле-сентябре 1934 года в журнале “Astounding SF” был опубликован роман Уильямсона “Космический Легион”, там же позднее появились “Кометчики” (1936) и “Один против Легиона”(1939). Эта серия принесла писателю известность и успех, а позднее – славу одного из основателей (наряду с “Доком” Смитом и Э.Гамильтоном) “космической оперы”.

Серия о “грандиозных космических битвах, потрясающих Вселенную” (так написал Вл.Гаков в “Энциклопедии фантастики”) в 1993 году трижды (в Новосибирске, Москве, Смоленске) издана на русском языке в разных переводах, это были переводы уже переработанных в пятидесятые вариантов. Раскроем пятисотстраничный том “Легион пространства”, вышедший в серии “Шедевры фантастики” в переводе В.П.Лепилина. Начинается повествование в марте 1945 года с разговора о “теории серии вселенных”. Джон Дельмар приобретает способность предвидеть будущее “на ближайшие несколько тысячелетий” и начинает писать “историю будущего”...

Книга первая повествует о приключениях выпускника Академии Легиона Джона Стара (Ульмара) в 30-м столетии, “когда предатель человечества заключил союз с медузианами-негуманоидами”... Загадочная АККА должна помочь, и действительно, в конце романа “маленький прибор” (совершенно нелепый на вид) аннигилирует медузиан!

– Но как?.. – Это моя тайна, – заявляет восхитительная Аладори, избраница и хранительница...

Во второй книге “великий Джон Стар”, владелец Фобоса, назначает будущим хранителем АККА своего сына. Боб Стар узнает секрет психической силы, для которой АККА – лишь рычаг... “Сила” же – изменение кривизны пространства – ох как нужна! Ведь к системе приближается эллипсоид двенадцати миллионов миль в длину с “кометчиками”, заявившимися “ради еды”... “Полное искоренение человечества” предотвращает – с помощью страшного оружия, представляющего всего лишь “кубик из какого-то черного материала со стороной не более двух дюймов” – конечно же, Боб Стар! Присутствуют во второй книге и психологические “изыски” – описание взаимоотношений Боба Стара и Стивена Орко, синтетического монстра из лаборатории Эльдо Арруни, открывшего секрет синтежизни и наладившего производство “андроидов”. Именно Уильямсон впервые применил этот термин в далеком 1936 году.

В третьей книге доктор Элероид изобретает некое сверхоружие – “геофрактор”, искривляющий гравитационные линии в радиусе нескольких световых лет, Легион должен оружие опробовать... Капитан Чан Деррон получает приказ, бросивший его в “пучину тайн, ужаса и отчаяния”.

Обвиненный в убийстве изобретателя, приговоренный к пожизненному заключению, он бежит из тюрьмы, чтобы доказать свою невиновность... Пройдя через невообразимые приключения, Чан с помощью женщины-андроида Леруа (оказавшейся на самом деле дочерью Элероида Стеллой) и “великого Жилия Хабибулы” (оказавшегося его дедом) разоблачает почти “всемогущего” Василиска (оказавшегося последним принцем сокрушенной Империи)...

Включена в том и четвертая книга тетралогии “Край света”, написанная гораздо позже и считающаяся более слабой, чем первые, поразившие тогдашних читателей масштабностью замысла и достаточной нестандартностью героев. В ней уже фигурируют транзисторы и компьютеры, гравитационные флайеры и лазерные бакены, сверхновые и квазары... Если честно, с современной точки зрения последняя история о приключениях Жилия Хабибулы и очередной “Хранительницы Мира” – нисколько не хуже. И не лучше...

Совершенно не помню, признаться, своих впечатлений от чтения “Космического Легиона” пятнадцатилетней давности. Это-то и беда всего поджанра “Space Opera” – через месяц-другой все благополучно забывается... С другой стороны, и сейчас тетралогия можно перечитывать, местами – даже с удовольствием! Если помнить, что со времени ее сочинения прошло немало лет...

В апрельском номере “Эстаундинг” за 1938 год начал печататься “Легион времени”, продолжением его стал роман “После конца света”(1939). Популярная в Штатах дилогия о войнах во времени/параллельных мирах была издана на русском лишь в 2000 году в серии “Классика фантастического боевика”. До войны Уильямсон опубликовал еще один значительный роман – “Мрачнее, чем вам кажется” (в журнале “Unknown” за 1940 год), считающийся одним из лучших произведений об оборотнях как генетических мутантах.

Из экспедиции возвращается доктор Мондрайк, сделавший важное открытие, раскрывший “тайного врага человечества”. Среди встречающих – газетчик Вилли Бэрби и “безупречно красивая” Эйприл Белл, вроде бы тоже из газеты. Мондрайк умирает, не успев ничего рассказать... А Эйприл, убившая его с помощью “лже-магии”, признается: “Я – ведьма!” Она умеет “оборачиваться”, заставляет то же самое сделать и Бэрби. Возобновляется давняя война двух рас! Ведь некогда древняя псевдогуманоидная раса Номо Lycanthropos использовала людей просто “как пищу”! У оборотней был развит некий “энергетический комплекс”, позволявший управлять связью “между сознанием и материей в области вероятности”... “Оборачиваясь”, они переходили в “свободное состояние”, отделяя сознание от материального носителя... Гораздо более многочисленные Номо Sapiens когда-то все же победили, истребив почти всех “ликантропов”... Но “созданные особым способом” Эйприл и Вилли (“Сын Ночи”, новый предводитель оборотней) после тысячелетнего перерыва призваны вновь развязать войну! Для них все кончается хэппи эндом, для людей – все “мрачнее, чем вам кажется”...

На время войны фантасту Уильямсону пришлось стать сержантом метеослужбы ВВС, но его деятельность в секретной Исследовательской Лаборатории морской авиации в Филадельфии без “фантастики” не обошлась. В компании с Хайнлайном, Де Кампом, Кларком и Азимовым он не только разрабатывал аппаратуру слепой посадки и гермокостюмы для летчиков, но и участвовал в подготовке “Филадельфийского эксперимента”, прославленного впоследствии в бестселлерах и блокбастерах! Действительность, правда, была гораздо суровее, по воспоминаниям Азимова они занимались всего лишь “втиранием очков военному начальству”...

После войны Уильямсон занимается журналистикой, становится редактором газеты в Порталесе (штат Нью-Мексико). Почти в пятьдесят лет заочно заканчивает Восточный университет штата Нью-Мексико, преподает английскую литературу, в 1964 году защищает диссертацию по теме “Преподавание НФ в американ-

ской высшей школе”. Преподавал он до выхода на пенсию в 1977 году, был профессором Восточного университета.

Наиболее значительным произведением послевоенного периода творчества Уильямсона американская критика считает роман об “эволюции безупречных механических слуг, превзошедших своих создателей” (так написал Вл.Гаков в “Энциклопедии фантастики”) – “Гуманоиды” (1949). Русский перевод (неудачный) романа и его продолжения – “Прикосновение гуманоидов”(1980) вышел в 2002 году в серии “Классика мировой фантастики” издательства “АСТ”.

На военную обсерваторию Стармонт пытается пройти девятилетняя Джейн, ей нужно передать послание доктору Форестеру, открывателю некоего “родомагнетизма”. Действие происходит на планете, где Солнце – лишь одна из звездочек на небе, спустя сотни веков “со времен Эйнштейна и Хиросимы”. В описываемом мире – лишь начало местной атомной эры, отличающейся от земной противостоянием уже “Мировой республики” и тоталитарных “Трипланетных сил”.

Непостижимым образом девочка оказывается в “секретном помещении” и передает записку от “философа” Марка Уайта. Проходит встреча Форестера, Уайта и математика Айронсмита, на которой выясняется: сколько-то лет назад гениальный ученый Мэнсфилд с помощью “родомагнетики” создал андроидов нового поколения – “гуманоидов”, призванных не позволять людям вести войны! Машины “захватили большую часть человеческой Вселенной”! Айронсмит заявляет: “Если они способны предотвратить войну, я лишь обрадуюсь их появлению”, Уайт же ведет войну против “врагов человечества”...Он делает ставку на еще не развитые способности человеческого мозга (как то – ясновидение, телепортация и т.п.)

Появляются “гуманоиды”: “орды гуманоидов, прибывших предложить свои услуги человечеству” (вот такой вот перевод!) “На груди сверкало клеймо: Служить и подчиняться, охранять людей от опасности”... С помощью наркотика “эйфориды” они “стирают боль ненужных воспоминаний и ощущение страха”... Уайт и компания продолжают борьбу, они хотят изменить “Основную Директиву” гуманоидов, девиз борцов – Человек должен быть свободен!

Форестер делает очередное открытие (уравнение равнозначности), “просто представив”, создает целый мирок, ведь “психофизическая энергия имеет созидательную природу”... Создатель гуманоидов Мэнсфилд помогает понять ему сокровенную суть замысла: запрещая заниматься физикой, гуманоиды понуждали к занятиям “психофизикой”, развивавшей способности человека,

считавшиеся фантастическими! Все кончается замечательно: люди почти бессмертны, колонизируются миры за миллионы световых лет! Этим заканчивается роман “Гуманоиды”, “Прикосновение гуманоидов” – о жизни и приключениях совсем других героев. Мэнсфилд, Форестер, Уайт, Айронсмит лишь упоминаются...

Уничтожение “машинами” человеческой инициативы в области “опасных” науки и техники оборачивается благом: люди, развившие “экстрасенсорные” способности, остаются хозяевами положения и в мире без войн. Но кто их толкнул к эволюционному скачку – их собственные “механические чада”!

К лучшим романам Уильямсона относят и дилогию о “точном времени”, опубликованную под псевдонимом Уилл Стюарт в сороковые годы. На русском романы “Сити шок; Корабль сити” вышли в одном томе в Киеве в 1993 году. Действие разворачивается после открытия антиматерии, что позволяет заняться “планетарной инженерией”. “Терраформирование” (terraforming) – этот термин также впервые применил Уильямсон!

С середины пятидесятих Уильямсон много писал в соавторстве с Фредериком Полом. Опубликованная в 1954-1958 годах их первая совместная трилогия посвящена освоению океана, на русском языке “Подводные тайны” вышли в серии “Приключенческая фантастика” издательства “Армада” в 1997 году. (И это действительно “приключенческая” книга...) На суперобложке русского перевода трилогии соавторов “Рифы Космоса” (1964-1969), вышедшей в 1992 году в Санкт-Петербурге в известной тогда серии “КЛФ” обозначено: “Космическая опера”, но это сделано только для привлечения читательского внимания. То совсем другая “опера”! О мирах, в которых правит “Планирующая Машина”... В первой книге трилогии прослеживается судьба “опа” (“опасника”) Стива Райленда – “человека в железном ошейнике с обезглавливающим зарядом”... “Знай в совершенстве свои функции, только свои” – вот принцип этого не очень-то приятного (антиутопического) мира.

Во второй книге (“Дитя звезд”) – кадета Технокорпуса Бойса Ганна пытаются привлечь к выявлению “врагов Плана”... В “Блуждающей Звезде” (книге третьей) Энди Квамодиан из “девятой галактики” пытается предотвратить “кризис межпланетного масштаба”... Считающаяся “классической” и конструктивно усложненная трилогия читается с меньшим интересом, чем более ранние романы Уильямсона, и виноват – без сомнения – неназванный по имени переводчик. Ценится трилогия за нестандарт-

ные для того времени решения популярных НФ-тем криминологии, религии и внеземной жизни...

Перевалив за “полтинник”, Уильямсон обращается к критике и “пропаганде” НФ. После защиты диссертации становится одним из первых “академических” исследователей НФ, по мере возможностей вводит ее в систему университетского образования, выпускает книги “НФ приходит в колледж” (1971), “НФ в колледже”(1971), “Обучая НФ”(1972). Первую свою НФ-премию он за это и получает – в 1973 году Ассоциация Исследователей НФ вручает ему премию “Пилигрим”. В том же году монографическим изданием выходит диссертация Уильямсона “Уэллс: критик прогресса”. Первого своего “Хьюго” 77-летний прозаик и критик получает также по номинации “критика и публицистика” – за автобиографическую книгу “Дитя удивления:Моя жизнь в НФ”.(К сожалению, вряд ли эти книги будут переведены на русский...)

Энергия Уильямсона вызывает удивление и даже зависть! В семидесятилетнем возрасте у писателя начался новый подъем творческой активности, пик которого пришелся на рубеж тысячелетий. Лауреат нескольких премий “за заслуги” – Всемирной Премии Фэнтези(1994), Премии имени Брэма Стокера (1998), Специальной премии фэндомов “Большое Сердце”(2000) – Уильямсон на лаврах совсем не почил! Его повесть “Последняя Земля”(2000) заслуженно получает обе главные НФ-премии: “Хьюго” и “Небьюлу”, расширенный вариант – роман “Возрождение Земли” отмечается Мемориальной Премией Джона У. Кэмпбелла (2002).

Русский перевод романа в серии “Координаты чудес” в 2003-м выпустило издательство “АСТ”. Земной ученый Дефорт создает на Луне колонию со станцией клонирования, он опасается уничтожения жизни на Земле метеоритами/астероидами. И катаклизм происходит... Клоны Дефорта и его коллег приступают к возрождению жизни на Земле... Как писал известный критик Глеб Елисеев в своей рецензии: “Фантаст искусно стягивает в одно целое ряд тем, каждая из которых могла бы развернуться в отдельный роман. Это и клонирование, и угроза глобальной катастрофы, и сосуществование с иным разумом, и переход человечества на новую эволюционную ступень... Его книга проникнута негромко звучащей, но твердой и искренней верой в человека...Он уверен: “Человечество – это звучит вечно” ”.

Сам писатель был бодр и в 95 лет, шестого марта 2003 года он читает (в двадцать седьмой раз) ежегодную лекцию в Восточном Университете Нью-Мексико, в 2005 году выходит в свет его роман “Врата Стоунхеджа”. Но энергия творчества не продляет жизнь бесконечно, на 99-м году, десятого ноября 2006 года в

своем доме в Порталесе Уильямсон скончался... О смерти патриарха сообщили НФ-журналы всего мира, в том числе отечественные "Реальность фантастики" и "Если"... Среди заслуг отмечалось, что именно Джек Уильямсон придумал "фантастические" термины: андроид, терраформирование, генная инженерия, космопорт, псионика, нейтрониум... Некоторые из них применяются сейчас уже как "научные"!

ФАНТИМПРИТИНГ: 1963-2007.

“Никто не управляет нашими поступками свыше, кроме нас самих”.
Из романа Евгения Филенко.

Чудеса надо делать собственными руками! Мало кто вспомнит сегодня, откуда это изречение, что и не важно. Важен факт: в начале мая 2007 года мэтр Б.Н. Стругацкий взял, да и сотворил два маленьких-маленьких “чуда”! Не знаю, как Сергей Соболев (еще один внезапный лауреат), а я по-настоящему обрадован был присуждением “Бронзовой Улитки” Евгению Филенко! Он мне не сват, не брат, и даже не земляк, но вот его творчество пару десятков лет (как летит время!) мне не безразлично. Так что “беспристрастным обозревателем” его литературных трудов выступить не удастся – книги Филенко мне нравятся! Не мне одному, вот Юрий Флейшман еще в апреле 1995 года во всеуслышание – во всех 400 экземплярах фэнзина “Двести” – заявил: “Голосуйте за роман “Галактический Консул”! Не проголосовали... Премий (о, сколько их ныне!) у Филенко кот наплакал, “Большой Зилант” (вручаемый недооцененным авторам) ему в 2003 году в Казани все же присудили...И вот- “Улитка”! Удивил БНС, обрадовал! Как не повод присмотреться к творчеству писателя пристальнее? Хотя бы к отмеченному премией роману.

Что представит/увидит молодой современный читатель фантастики, прочитав “Бумеранг на один бросок”? Не то, что побитый жизненным опытом читатель с тридцатилетним стажем! Но разве не заслуга писателя, что и тот, и другой найдут в книге, что им будет по душе. У Филенко “все ружья стреляют”! Вот в начале возникают сомнения – пусть и в далеком будущем (XXIII век), но чтобы 14-летний пацан-безотцовщина не интересовался, кто был его отцом? Но “нелюбопытный, ленивомысленный балбес” Северин Морозов руководствуется принципом “чего голову ломать”... Здоровая, устойчивая психика: “Я туго соображаю, во всем виновато мое темное эхайнское происхождение”. Да-да, никакой он не Морозов, а янрир Нгаара Тирэнн Тилланторн из древнего аристократического рода Черных Эхайнов! А у эхайнов – три эмоциональных “слоя”: нейтральный и показной, слой отчуждения и самоконтроля, и только в глубине – слой подлинных эмоций!

Пересказывать роман смысла не имеет; сказать, что это лишь первая книга дилогии о подростке, выросшем в мире все того же “Галактического Консула” как земной мальчишка, не подозревая, кто он в действительности – необходимо. Усыновленный при трагических обстоятельствах командором Звездного Патруля Еленой Климовой (когда-то знакомой Кратова) двухлетний мальчик – представитель расы эхайнор, паталогических противников человечества!

“Корней Яшмаа, вид сбоку”, написал Дмитрий Володихин в рецензии. И там же: “В то же время интеллектуальная нагрузка книги вполне самостоятельна по отношению к “Жуку в муравейнике”. “Маугли шиворот-навыворот” – это уже из рецензии Василия Владимировского, еще год назад очень высоко оценившего книгу, называющего Филенко “самым талантливым продолжателем” линии “Полдня”... А что многим сейчас хочется верить в пришествие светлого мира, недавно подтвердили Марина и Сергей Дяченко, сценаристы будущего фильма “Обитаемый остров”. “Треть опрошенных фэнов уверены, что этот мир станет реальностью”...

Филенко в своем романе попытался показать, как это может произойти даже после “болезненного социального расслоения XXI века”. Есть в книге “вставная” история про Бобби Локкена, оркочеловека, придумавшего “энекты” и преобразившего Землю (пусть и методами “грубого экономического шантажа”). “Деньги не нужны вовсе... Там, где действуют Соглашения, нет голодных и нет нищих”! Вот она, УТОПИЯ! После всех капитализмов “ПОЛДЕНЬ” придет!

Но вообще-то роман не об этом... Больше о другом, выраженном универсальным правилом “Консула”: “всякое разумное существо вправе рассчитывать на любовь, любить и быть любимым”. Хотя и встречается у Филенко заезженный штампик “электрического разряда внезапной влюбленности”, но “первые чувства” писатель воссоздает достаточно верно. А уж глава “Учитель Кальдерон о женской сущности” – прелесть! Ну конечно: “женщина всегда умнее, всегда хитрее и всегда сильнее”... Истории полуэхайнки Ольги, “монстрика” и будущего гения математики Антонии – из одного ряда (под разными углами).

Но роман не об этом... И не о гуманоидных цивилизациях абхугов, квэррагов, виавов, тахамауков, згунна, гледрофидов, лутхсонов, лферров и многих прочих. Тем более, не о спорте, хотя некая “фенестра” в жизни Северина играет свою роль. Не без оснований можно назвать роман “философским”... Но – “каждый поступок приводит к последствиям” (это цитата). Лучше не очень задумываться, считать, что “жизнь – игра”, и как виавы всю жизнь бежать от скуки! Я хотел бы стать (пусть в другой жизни) пятисотлетним веселым виавом!

Многое затрагивает Филенко в книге, руководствуясь “принципом Кратова”: “понимать всех – часть моей работы”. И вопрос о “наказании всеобщим непониманием” пана Забродского из Департамента оборонных проектов – ведь в целом землянам “война давно неинтересна”! И тему нашего “мистического сегодня” – “милые беседы с загробным миром” в XXIII веке признаны опасными и запрещены! Хороша глава “Беседы с Гайроном”: чужак, принявший человеческий облик, просвещает человека в теле чужака!

Стиль романа кажется сначала простоватым в наши-то времена, потом об этом уже не думаешь, книга читается с неослабевающим интересом. К языку придаться тоже не просто, хотя иногда можно; что это за “изостренные когти” у “баскервильской” кошки Читралекхи? А очень тщательно проработанная “информация” о культуре эхайнов (происходящих от “других обезьян”) поражает!

И все это щедрое богатство выросло из стародавнего рассказа “Космический десант”, написанного учеником 3-го класса 77-й школы г.Перми Женей Филенко, и опубликованного в сентябрьском номере журнальчика “Юный техник” за 1964 год с замечательными “наивными” рисунками Ю.Павлова. Уникальный случай: отсчет “творческой деятельности” писателя с десятилетнего возраста!

“Окошко интравизора замигало. Нильс Кюара решительным движением выключил его и встал к рупору...” Каково начало?

Продолжение еще круче! Но вот ведь какая штука, уже в первом наивном рассказике Филенко писал о спасении земных детишек “нечеловеком” с планеты Фаро... Примечательно редакционное послесловие: “Одолев азбуку, парнишка сразу взялся за корифеев НФ жанра. Результат – рассказ “Космический десант”. А вот что писал сам юный корреспондент: “...О десантниках я прочитал в повести А. и Б.Стругацких “Возвращение”. Написал рассказы “Закон жизни”, “Планета желтых смерчей”, “Цефеида №33”... В плане работы на 1964 год стоят рассказы о десантниках “Морена”, “Кто же пойдет вперед?” Грандиозны творческие планы десятилетнего человечка! Но самое удивительное не в том, что часть их была выполнена, а в том, что несколько рассказов подростка были опубликованы! Еще школьником Филенко опубликовал три рассказа в пермской газете “Молодая гвардия” и сборниках “Сами о себе”, да еще столько же студентом. По тем временам результат замечательный, так что сомнений, кем он будет, у Филенко не было – только писателем!

Русский писатель-прозаик Евгений Иванович Филенко родился 7 февраля 1954 года в Перми в семье военнослужащего. Окончил экономический факультет Пермского университета (1976) по специальности “экономическая кибернетика”. Работал инженером-программистом в ВЦ Областного управления Промстройбанка СССР, был зав.лабораторией Пермского НИИ управляющих машин и систем. Затем работал в издательстве, газете, агенстве по торговле недвижимостью. В семидесятые годы был неравнодушен к музыке: участник ВИА, руководитель оркестра ДКС, даже певец в кафе... Но это – лишь сопутствующие явления жизни, ведь с девяти лет Женя был очарован НФ вообще, и творчеством АБС в частности!

С 1978 года Филенко – активист Пермского КЛФ “Рифей”, в 1980 году на страничке КЛФ в “Молодой гвардии” появляется его рассказ “Исход”. Перепечатанный в популярном сборнике “Поиск-81” рассказ стал первой заметной публикацией Филенко. “Работник умственного труда” В.Ф.Утюгов встречается с инопланетянином... Вариант контакта, предложенный Филенко, своеобразен, пронизан добрым юмором: “Сто третий ” дарит Утюгову “универсальный грибоискатель”...

Как-то сложилось, что на десяток лет Филенко стал прежде всего “ярким, самобытным представителем юмористической НФ” – именно так написано в нашей отечественной “Энциклопедии фантастики”(Минск,1995). Что ж, такой взгляд 15 лет назад был оправдан, ведь первую книгу участника семинаров молодых фантастов в Малеевке “Сага о Тимофееве”, вышедшую в Пермском книжном издательстве в 1988 году, составил цикл ирониче-

ских и лирических рассказов о неутомимом чудаке-изобретателе, не знающем, “что вечный двигатель в принципе невозможен”, и поэтому в часы досуга ниспровергавшем устоявшиеся научные истины... Примечательно, что сказочная фантастика в новеллах “саги” построена на основе богатого студенческого фольклора. Называть цикл “лучшим произведением” писателя (как в “ЭФ”) даже тогда вряд ли стоило, ведь повесть “Эпицентр” в сборнике “Поиск-87” уже была опубликована – “Галактический Консул” родился!

На борту попутного галатрампа на Сфазис (метрополию Галактического Братства) прибывает некто Кратов – ксенолог третьего класса, бывший драйвер и плоддер. Рост – 1,98; вес – 105, телосложение более чем атлетическое, светлый шатен, лицо широкое, глаза серые... Ему 34-й год (как автору книги)... Эколог представительства Союза планет Солнца при Галактическом Братстве Ручка Винуолите дарует ему шуточный титул “Галактический Консул”. Предстоит нелегкая работа, ведь “содружество цивилизаций мало напоминает слюнявый альянс, воспетый фантастами прошлого”. “Восходящая звезда ксенологии” (и просто хороший человек) проводит полевой контакт на Церусе-1 и сталкивается с загадкой! Четыре разумные расы, несовместимые между собой! Стечением обстоятельств Константин остается без связи, переживает нечто непонятное (как потом выясняется: обострение мыслительных процессов, эффект “многовекторного мышления”), чуть не гибнет у “Огненного Капища”, с парализованными ногами вынужден отлеживаться у аборигенов...

Его коллеги выясняют, что “вспышка интеллекта” на Церусе-1 ограничена: “весьма загадочный ксенологический феномен”. Объясняемый действием “рациогена”: еще сорок лет назад ученый Тун Лу пытался доказать возможность искусственного пробуждения разума в любой материальной субстанции естественного происхождения. На Земле его эксперименты были запрещены, но возможно он продолжил их на Церусе... Есть и другая версия – “происки” некой высокоразвитой цивилизации, не входящей в Братство.

Но все-таки разум “нужно заслужить”, а не получать в подарок! Кратов, чувствуя, “какая ноша по плечу”, бросая вызов ксенологам и всему Галабратству, уничтожает “адскую машину”!..

Уже с первых страниц повести заметна тщательность прорисовки деталей мира, “в котором хочется жить”, проступают намеки на то, что это приключение Кратова не первое и не последнее... Конечно, мэтр Север Гансовский был отчасти прав, написав в рецензии: “Насколько выиграла бы повесть, безусловно

интересная, если бы автор... сумел по-настоящему передать и напряжение мысли героев, и их душевное напряжение, потребное для преодоления страха перед опасностями"... Но вы бы почитали, как расхваливал повесть на предыдущей странице "Уральского следопыта" (№6 за 1988 год) некто Алексей Иванов, тогда вчерашний пермский десятиклассник, а сегодня – "золотовалютный резерв русской литературы"!

В 1988 году у Филенко вышла книжечка в Москве, вступление к сборнику "Звездное эхо" написал Север Гансовский. "Не у каждого есть умение изложить свое знание средствами искусства, то есть образами. Филенко может делать это достаточно убедительно. Язык автора богат ассоциациями, в нем естественно соединяются ирония и задушевность, бытовая речь и научная терминология". Хорошая рекомендация! И сборничек (две повести, три рассказа) неплохой, не более...

Следующего повода поговорить всерьез о творчестве Филенко пришлось ждать семь лет... А что за это время случилось, все знают... Так что первая книга цикла "Галактический Консул" (Пермь, 1994) (тираж – 50000) вышла уже в совсем другой стране... В которой многие считали "МирПолдня" лживой и вредной сказкой... Мир, воссозданный Филенко, "плоть от плоти Полдня АБС, другая версия", также оказался совсем не ко времени...

В прологе романа "Старший Брат" тектон Горный Гребень просит сорокалетнего ценителя восточной поэзии Кратова вспомнить всю свою сознательную жизнь – есть в ней некая "тайна", связанная с судьбой Галактики. Встреча происходит по инициативе тектонов (монокордовых аморфантов), всемогущих – "гасить звезды и зажигать звезды", о контактах с которыми у землян – лишь легенды. Никогда еще Кратов не взбирался выше по ступеням ответственности!

Он вспоминает "учебку" Звездной Разведки (часть 1: Драконоборец), службу вторым навигатором на мини-трампе класса "гипногриф" бортовой индекс "500-500"(Гребень волны), работу драйвером корабля класса "малый марабу" на Псамме (Скучная работа), уход в плоддеры (добровольные изгнанники) и работу блюстителем Галактических маяков, участие в миссии на сгоревшей планете-машине Уэркаф (Гнездо Феникса)...

Немало было пережито... "Радиогаз" (полиспектральный интеллектуализатор) вывезли с Земли с его помощью, пусть и без его ведома, вернулся чудом... Так что неспроста заявляет ему красавица Рашида: "Ты машина!" Как выясняется потом, Кратов действительно был "отмечен"...

Вот он на Псамме в сердцах заявляет: " кем бы я никогда не хотел стать – так это ксенологом". И действительно, встреча с Чу-

жим Разумом – это не шуточки! А решать, что делать, должен Костя! (Примечательный фактик, в части шестой появляется командор Климова – та, что из “Бумеранга...”)

На Уэркаф в сложной ситуации Кратов заранее выбрасывает из фогратора батареи – не стрелять, а думать надо сначала! Там-то невольно и начинается его ксенологическая деятельность. Не хочет он, тяжело ему, но надо делать дело... У Кратова замечательное качество: “сейчас он перечислит все свои недостатки, а потом пойдет и сделает все как надо”. А все потому, что не простой человек Кратов, а “точка соприкосновения двух сил – Галактики и Хаоса”, отмечен он “печатью рока”...

Замечательная книга отклика тогда не получила. Лишь в первом номере фэнзина “Лавка фантастики” (Пермь, 1997) некий И.Легков (по всей видимости псевдоним редактора) в рецензии с замечательным названием “Звездное небо и нравственный закон” предъявил автору книги несколько претензий, кое в чем и оправданных... Например – в предсказуемости “авторских рецептов”.

В последующих книгах цикла – “Эпицентр”(1999) и “Блудные братья” (1999), вышедших в московском издательстве “АСТ”, Филенко, как мог, старался избавиться от “предсказуемости”! И вроде бы это ему удалось, но вот рецензий на книги не последовало... Время такое было...

В 2005 году тетралогия вышла в серии “Звездный лабиринт: Коллекция”. Филенко постоянно дополнял и перерабатывал романы цикла, расширяя их пространство и умножая смыслы, так что теперь она выглядела так: Гребень волны / Гнездо Феникса / Эпицентр/Блудные братья. Рецензий на издание не последовало... И вот это мне непонятно и сейчас... Ведь и менее значительные книги Филенко рецензировались в жанровых изданиях, а тут – молчание...

В 2002 году московское издательство “Вече” выпустило сборник повестей Филенко “Отсвет мрака”, включающий давние “Дарю вам этот мир” и “Эти двое”, и не новый (но не публиковавшийся) роман “Гигаполис”. Глеб Елисеев в журнале “Если” (№ 12) назвал выход книги “долгожданным возвращением одного из самых ярких фантастов 80-х”! Посчитав “Гигаполис” “горьким текстом разочарованного, пропитанного болью по утраченным надеждам”, критик попал в “яблочко”...

В 2004 году вышел еще один сборник произведений писателя – “Шествие динозавров”(СПб.: Азбука-классика). Кроме уже публиковавшихся повестей и рассказов, включает он заглавный роман, писавшийся 13 лет (1989-2002). Во вступительной статье “Нравственная матрица” Василий Владимировский называет роман

“пограничным” между утопией и антиутопией: миры Филенко особого оптимизма не внушают! Так и что? Надо жить, надо работать!.. Дмитрий Володихин в своей рецензии (Если, 2005-№2) называет книгу “настоящей находкой для любителя социально-философской НФ”, написанной “интеллектом для интеллектов”... Ау, интеллигенты!..

Прав Владимирский: “К сожалению, Евгений Филенко пишет слишком мало и публикуется слишком редко, чтобы привлечь пристальное внимание наших фантастиковедов”... И все-таки, это беда не Филенко...

ФАНТАСТ И СУРОВЫЙ РЕАЛИСТ

Встретив этого молодого человека на городской улице, подавляющее большинство ивановцев внимания на него не обратит, ведь в «телеящике» он не светится и местными тусовками интересуется мало. Вот работники областной библиотеки для детей и юношества, как и несколько старшеклассников из 4-й и 33-й школ при встрече, конечно, уважительно поприветствуют его. Благодаря стечению обстоятельств вот уже четыре года живущего в нашем городе автора трёх десятков книг для тинейджеров, лауреата нескольких престижных литературных премий Эдуарда Николаевича Веркина, менее всего озабоченного местной популярностью.

Родился же будущий писатель тридцать пять лет назад далеко от наших краёв, за Полярным кругом, в городе шахтёров Воркуте. Его отец, отработав на шахте положенный срок, местом дальнейшего жительства выбрал Иваново, именно сюда впоследствии переехала и семья молодых Веркиных. В детстве Эдуард много читал – а что ещё делать полярной ночью! Тогда считал фантастику единственной достойной литературой, среди любимых книг была и повесть «Обыкновенная Мёмба» Виталия Мелентьева, в своё время прожившего в нашем городе почти двадцать лет. После окончания школы поступил на истфак Сыктывкарского университета, со следующего года параллельно учился также на юрфаке. Закончив университет, четыре года преподавал историю в ВУЗе. Но влекло Веркина к иному, ведь ещё в последний год студенчества он обратился к сочинительст-

ву/писательству. Писал реалистические рассказы о жизни жителей городка в Костромской области, пробовал писать фантастику. Получалось неплохо, в 2003-м состоялась первая публикация. В том же году Веркин поступил на Высшие литературные курсы при Литинституте в Москве. В столице в 2004-м и вышла его первая книжка для детей, а в следующем – уже полдюжины. Его принимают в Союз писателей России, после получения третьего диплома о высшем образовании он поселяется в Иванове.

Моё знакомство с творчеством писателя произошло после того, как его роман «Место Снов» (2006) в Национальном конкурсе «Заветная мечта» получил премию «За лучшее произведение в жанре фантастики и фэнтези». Не прочесть книгу новоявленного земляка любителю фантастики с многолетним стажем было бы непростительно!

Начинается объёмистый роман просто: «Зимин смотрел в окно. Двор был как двор. Полдень и пустота, скука...» Жизнь двенадцатилетнего школьника, достаточно ленивого и равнодушного, в нашем мире безрадостна, ведь он не знает, чего хочет... «Люди Зимина ничуть не интересовали... Толку в чтении он не видел никакого». Вот разве что игры компьютерные! Так что заполучив запрещённую игру «Место Снов», Зимин тут же запускает её... Современные реалии Веркин рисует достоверно, всюю используя подростковый жаргон, что сначала читателя взрослого несколько раздражает – но книга написана не для него! Вот что говорит об одной известной книге один из персонажей «Места Снов»: «Дети эту книжку и не читают! Её пенсионерки только читают!» Потому что она скучна, Веркин же старается писать «нескучно»!

Оказавшись вместе со сверстником в Игре, Зимин узнаёт, что вернуться назад он сможет только став «другим», перейдя на другой «уровень»! Странное место эта Страна, где сбываются мечты, даже дурацкие.

И мечтать надо уметь! Так что больная фантазия заселяет «Место Снов» совсем нестандартными гоблинами, гномами, эльфами; непоседы и драчуны становятся здесь рыцарями, те, кто любит чудеса – волшебниками, те, кто любит пострелять – идут в рейнджеры... Большинство и не думает о возвращении в реальный мир, ведь он «принадлежит каким-то серьёзным дядькам» и в нём жить противно! «Мне кажется, что дети и взрослые – это разные виды» – так вот заявляет предводитель рейнджеров, одним из которых Зимин на какое-то время становится. Где он только не был, с кем только не встречался! Рабство, плен, освобождение, любовь, предательство – проходя все «круги», Зи-

мин взрослеет... «Думать – это и означает становиться взрослым!»! «Уровень» повышается, научившийся задумываться Зимин возвращается домой...

«Подростковая книга – книга о душевном беспокойстве» – вот кредо писателя, сформулированное им в недавнем интервью. Об отношении к детям он говорит так:

«Детство – самая важная пора в жизни. Никогда человек не чувствует мир так тонко, как в детстве, никогда мир не бывает так огромен и интересен. Есть затертая фраза – «мы родом из детства». Так оно и есть.

К детям отношусь как и ко всем прочим людям. Уважительно. Это не означает, что при необходимости не могу поставить на место, дать по шее или заставить учить наизусть стих к Восьмому марта».

Все опубликованные книги писателя – о детях и для детей, подавляющее большинство из них в той или иной мере фантастичны. От детского восхищения фантастикой мало что осталось, но писатель и сейчас читает её.

«Некоторые вещи Лема, Стругацких, Дика перечитываю достаточно регулярно. Мне кажется, фантастика несет на себе некое «родовое проклятие» – читатель, в том числе и самый юный, увлекаясь сюжетом и погружаясь в выдуманный мир, все-таки прекрасно понимает, что «так оно не бывает». Это создает прозрачную, но алмазно-непроницаемую стену, за которой так приятно укрыться и наблюдать за злоключениями ГГ – все равно не по настоящему. А литература должна все-таки цеплять. Лишь немногим авторам НФ удавалось эту стену пробить, в то же время как весьма средние писатели-реалисты берут эту планку чуть ли не в разминочных подходах».

У самого Веркина сейчас «реалистический период», став обладателем Большой премии «Заветной мечты» в 2008 году за книгу о поисках путей в другую реальность «Кошки ходят поперек», в следующем он получил премию за совсем нефантастический роман о подростках «Мертвец».

«По натуре я этаким суровый реалист, хотя в другие жанры тоже заглядывал регулярно. В настоящее время фантастика меня не очень занимает, хотя есть несколько недописанных вещей, к которым я, возможно, вернусь. Только что вышла книжка «Друг–апрель», победившая в этом году на конкурсе им. С. Михалкова. Как раз тот самый суровый реализм, хотя обложка слегка легкомысленная получилась».

Книги Веркина пользуются успехом не только у жюри литературных премий, каждый год они переиздаются солидными по нынешним временам тиражами. В сентябре 2008 года в качестве

«почётного гостя» писатель принял участие в презентации книжной программы Благотворительного фонда «Заветная мечта» в Ивановской областной библиотеке для детей и юношества, подарил несколько своих книг. «Национальная детская литературная премия “Заветная мечта” выбирает хорошие книги из тысяч рукописей, чтобы нашим детям было над чем подумать» – последние книги Веркина именно таковы. Тогда и зародилась идея литературного кружка старшеклассников под руководством писателя – идея, воплощённая в жизнь.

«Кружок при библиотеке – инициатива творческих работников самой библиотеки. Зачем он? Надеюсь, он как-то нужен самим ребятам. Они талантливы, кое-что уже получается».

Эдуард Николаевич полон творческих планов, готов отдать воплощению их и больше своего времени, но... Надо же воспитывать двоих сыновей, непростое это дело! Старшему уже можно читать «Незнайку на Луне»...

ЖИТЬ С УСКОРЕНИЕМ

В прошлом веке в уже несуществующей стране немалым успехом у читателей пользовались книги знаменитых тогда братьев Стругацких. На этой волне и трёхтомник «Время учеников» (1996-2000), состоящий из «вариаций на темы» тандема, также успех имел несомненный. В своей «привязанности» к мэтрам советской фантастики высказались многие известные российские фантасты, в том числе Сергей Лукьяненко, чья нынешняя слава, пожалуй, поэффектнее.

Составитель серии Андрей Чертков через несколько лет решил проект реанимировать, и три года назад увидел свет сборник «Важнейшее из искусств», включавший произведения как известных писателей, так и новичков. Повесть «Лента Мёбиуса» из этой антологии – и не только по объёму – составила достойную конкуренцию произведениям нынешних мэтров. Ещё в 1970 году в «Юности» была опубликована приключенческая повесть «Отель “У погибшего альпиниста”» Стругацких – ироническая «отходная детективному жанру», тем не менее уверенно выстроенная по канонам классического детектива. Почти через сорок лет молодая писательница убедительно «сыграла на том же поле» ещё раз, уверенно воссоздав атмосферу классического

произведения отечественной фантастики, но перевернув в конце всё «с ног на голову».

Написала повесть жительница нашего города, новоиспечённый (тогда) кандидат филологических наук Дарья Зарубина. Сама она говорит об этом так: «Я сделала то, что хотела сделать – текст, наполненный любовью к первоисточнику, доброй игрой с цитатами и образами Стругацких. Природная склонность к постмодернистской игре отразилась в “Ленте” вполне, не всем читателям нравится такой стиль, и я их понимаю...» Да, времена ныне совсем другие, сборник чаще критиковали, чем хвалили: не то, мол, и не так... А повесть всё же удалась, и это при том, что интерес её автора к фантастике не такой и давний, ведь в детстве она фантастику совсем не читала.

Родилась Дарья Николаевна Котова в ноябре 1982 года в Иванове, отец – инженер, мать – филолог и библиотекарь. Закончила филфак университета и аспирантуру. В 2003-2006 годах работала на радио, в 2007-м защитила кандидатскую диссертацию по теме «Универсалии в романном творчестве Виктора Пелевина». Сейчас – старший преподаватель русского языка как иностранного в ИГМА, работает с российскими и иностранными студентами, ведёт занятия по культуре речи. «Работа нравится: много общения с людьми из других стран, возможности творчески подойти к делу и узнать что-то о других культурах “не покидая кресла”».

Ещё в юности Дарья познакомилась со своим будущим мужем, вот он-то (страстный любитель НФ) и приохотил к чтению фантастики. В 2004-м «сменила фамилию», двое сыновей-сорванцов – Степан (пять с половиной лет) и Артемий (почти четыре года). С детства писала стихи, первую подборку стихотворений опубликовала в тринадцать лет, занималась в нашем известном литобъединении «Основа», участвовала во Всероссийском совещании молодых писателей (2000). Стихи пишет до сих пор:

Славянская, темно-русая,
Сероглазая, ширококостная.
«Девушка, вы – такая русская!»
О, в душе я жадная и раскосая!
О, как тщательно я скрываю,
То, насколько я кочевая.

* * *

Есть такое явление – усталость металла.
Я железная женщина./ Я устала.

Рассказы стала писать после двадцати, уже в первых, неопубликованных «притчах» фантастика проглядывала. В «фэндоме»

(мире фантастики) получила известность после встречи авторов и любителей фантастики в Подмоскowie под названием «Рос-Кон-2011». По итогам мастер-класса «самого» Лукьяненко лучшим был признан её рассказ «Мираклин», который тут же был опубликован в сборнике «Антисталкер»; она же победила в конкурсе молодых писателей «Рассказ за час». Жребием определялась тема, за час каждый из полсотни участников должен был написать вполне законченный рассказ. Дело происходило первого апреля, так что подразумевался юмористический «уклон», поэтому и оценивал результаты спец по «юмористической» фантастике Андрей Белянин. Ему понравился «Ух ты ж, ёжик» Зарубиной. Даша многих там очаровала! Даже вот стипендию от МГО Союза писателей России пообещали... Ждёт, ведь один из её принципов: пока живу – надеюсь. Скоро возможна публикация в одном из наших НФ-журналов. В области фантастики Дарья предполагает «работать как можно дольше и плодотворнее: идей хватает. Вот пойдёт младшее чадо в детский сад, и времени будет чуть больше для реализации титанических планов».

Как только Зарубина всё успевает! Ведь надо и положенные по статусу «филологические» статьи писать, а тут двое растущих пацанов требуют внимания почти неусыпного. Воспитательный процесс у Дарьи налажен, к примеру – телевизора в доме нет! Так что времени хватает и на рыбалку, хотя Дарья считает: «Не могу назвать себя заядлым рыбаком, это скорее дань воспитанию. Мой папа – охотник и рыбак всю жизнь, мама – классический филолог. В доме часто бывали и папины друзья, и мамини подруги. Отсюда некоторая двойственность пристрастий, я с одинаковым удовольствием слушаю беседы о литературе и охотничьи/рыбацкие солёные байки». А один из «секретов» многогранных успехов, несомненно – счастливое замужество: «Многое, что я успеваю и делаю, стало возможным благодаря поддержке мужа – моего главного читателя и критика». При такой-то поддержке молодой автор ещё не раз порадует читателей хорошими рассказами и повестями.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО АКСИОМЫ
(Пять “фантастических идей” из старого рассказа)

Охотников так и застрял..., топчась на тесной свалке автоматических тракторов, угольных комбайнов и подземоходов.
(Из очерка Яна Разливинского)

Советскую научную фантастику конца 40-х – начала 50-х годов ругать легко и приятно -- есть за что! Гораздо труднее (но еще приятнее) обнаружить хоть что-то стоящее внимания и сейчас. Вот, например, этот десятистраничный рассказик Вадима Охотникова шестидесятилетней выдержки ...

Центральный персонаж его – изобретатель – чувствует “призвание стать писателем”, друзья-литераторы отговаривают: “Вы думаете, это легко? Это вам не машины изобретать... В литературной деятельности столько неясностей... ” И точно, “очутившись перед листом чистой бумаги”, изобретатель приуныл, тянуло написать отчет “К вопросу о псевдо- параметрическом резонансе в четырехполюсниках при неустановившемся режиме контуров”...

“О чем, собственно, я буду писать? Вот говорят, что существуют в литературе художественные образы. Что это за образы такие?..” А тут еще

(не забудьте – 1947 год) с пера “сползла капля чернил, и на рукописи образовалась клякса”... Изобретатель решает: “Нужна автоматическая ручка, очень совершенная!” Вот и идея №1: “специальная ручка”.

Цитата: Мне удалось добиться, чтобы ручка содержала в себе такое количество чернил, которого хватило бы по крайней мере для написания “Войны и мира”.

Развитие идеи: С позиций сегодняшнего дня и “фантастики”-то нет никакой, подумаешь... Да только вот советские школьники даже в начале 60-х писали перьевыми ручками, макая их в чернильницы-непроливайки... А вспомните “Ручечника” из фильма “Место встречи изменить нельзя”, сколько стоил тогда хороший “паркер”? (Кстати, сегодня хороший “Parker” или “Waterman” стоят не дешевле). Выпускали одно время шариковые ручки большой емкости, но даже ее бы не хватило на “Войну и мир”... Да и зачем? Другие уж давно технологии и приемы!

Довольный изобретатель “снова уселся за письменный стол”, но дело все равно не пошло: “мысли обогнали перо, запутались и превратились в невероятную кашу”. “Рука не успевает за мыслями...” – отсюда идея №2:

“специальная машина (писательский диктограф)”.

Цитата: ...Очень усовершенствованный звукозаписывающий аппарат. Вот я расхаживаю по комнате и излагаю свои воспоминания вслух. Чувствительный микрофон улавливает мою принужденную речь, а аппарат записывает ее на пленку...

Развитие идеи: даже тогда особой “фантастики” в этом не было, хотя до появления в СССР бытовых магнитофонов оставалось немало лет... Несомненно, самые известные “магнитофонные воспоминания” оставил “наш дорогой Никита Сергеевич”, но гораздо популярнее была “магнитофонная поэзия” Владимира Высоцкого!

Проходит испытание прибора: “Говорил я, как мне казалось, чрезвычайно красиво. Расхаживая по комнате, я ударял себя в грудь кулаком, а в конце своей речи даже слегка прослезился. Мне показалось, что я ...создал гениальное произведение!” О, каково было разочарование “спикера”, увидевшего продиктованное перепечатанным на машинке! “Диктограф” остается только подарить писателю С., известному выступлениями на тему, как надо писать, но самому почти ничего не написавшему...

Воображение изобретателя рисует более совершенную машину – без капризной машинистки! Вот и идея №3: “анализатор речи”.

Цитата: В огромных шкафах были расположены громоздкие звуковые анализаторы. Каждой букве соответствовал свой звуковой фильтр. Стоило произнести перед микрофоном букву [звук! – В.О.], как аппаратура приводила в действие соответствующую клавишу пишущей машинки.

Развитие идеи: все так и осталось фантастикой, сначала из-за сложности анализа, а потом наука и техника пошли другим путем... Анализаторы речи (и совсем не громоздкие) японцы явили миру в конце прошлого века, но не для печатания текста на слух... Может, вскоре появятся компактные трансляторы-переводчики...

Опять “но” – “машина писала совершенно безграмотно”; ведь и люди пишут не так, как выговаривают слова! Даже усовершенствование не помогло, пришлось подарить ее писателю Г., создателю огромного количества произведений, которые почему-то никто не хотел читать...

Полгода изобретатель работает над идеей №4: “мыслеснимателем”.

Цитата: Это подлинное чудо. Здесь соединены новейшие достижения радио-

техники, телемеханики, автоматики и электрофизиологии... В специальном кресле располагается писатель... На голове – металлический колпак, от которого тянутся завитушки проводников. Такие же провода прикреплены к рукам и ногам творящего автора... Удалось расшифровать ничтожные сигналы, сопутствующие нашему мышлению. Трудно было превратить их в систему сильных электрических импульсов... Четырнадцать шкафов, наполненных электронными лампами, прекрасно справляются с этой задачей. Мои мысли легко превращаются в четко напечатанный на машинке текст.

Развитие идеи: Хотя это еще не самая фантастическая из пяти идей, но многократно обыгранный в фантастике “мыслесниматель”, похоже, так в ней и останется! Уж очень много проблем возникает при разработке даже отдаленного подобия. Пусть все они будут решены, но зачем “мыслесниматель” нужен? Контрразведка обходится пентоталом натрия...

А у изобретателя очередная неудача: “Мои воспоминания... Не село бы напряжение в сети... О каких таких воспоминаниях я, собственно, собираюсь написать? Начну так: Взирая на тихое

Черное море... Нехорошо... Как же написать? Жмет этот дурацкий колпак на голове!..”

“Мыслепечатающий аппарат” приходится подарить драматургу Н. ... Восхищенные врачи (“Какие огромные достижения! Весь мир потрясен!”) находят у изобретателя “страшное переутомление” – подкосила здоровье жестокая писательская неудача... А вот изобретения даром не пропали: писатель Г. увеличил свою производительность настолько, что ему самому стало противно, и он неожиданно бросил писать; на сцене появилась замечательная пьеса, задуманная во сне драматургом Н.

Неудавшийся писатель, найдя на прогулке птичье перо, размышляет: Пушкин, Лермонтов, Гоголь писали гусиным пером, и получалось у них неплохо... “Не в механизмах все-таки, видно, здесь дело, а в способностях и в упорном труде. А что, если попробовать этим пером?” – так “и появилось это краткое повествование, написанное и переписанное 36 раз...” Не гусиным, самым обыкновенным пером.

Вот и идея №5: важнее всего для писателя талант и труд! Когда-то она была совсем реалистичной (аксиомой), сейчас же стала самой “фантастичной” из всех! Талант – он только мешает! Труд? Ну да, чем больше текстов набьешь, тем больше получишь! Переписывать 36 раз? Лучше 36 текстов выдать! Сочинителей текстов, авторов, беллетристов в наше время не счесть, а вот писателей совсем мало...

Кем был автор анализируемого рассказа “Автоматы писателя”(1947) Вадим Дмитриевич Охотников – вопрос, конечно, интересный... В Союзе писателей он состоял, удостоился двадцати строк в советской “Краткой литературной энциклопедии”(1968), но вот в российско-белорусской “Энциклопедии фантастики”(1995) “выведен на чистую воду”! “НФ книги О. представляют собой слабо беллетризованную популяризацию собственных инженерно-тех. идей автора” – таков приговор потомков!

Основания для такого заключения есть – если сравнивать книги Охотникова с книгами Стругацких или Ефремова. Но правомерно ли это?

Рассматривая творчество Охотникова в контексте послевоенного времени, резюме “КЛЭ” гораздо ближе к истине: “Науч.фантастика О. своеобразно реалистична, ее технические идеи обычно ненамного опережают действительность.” А что это к тому же и литература, подтверждали рецензии небезызвестных (хотя бы тогда) В.Шкловского и Г.Ленобля в “Новом мире”...

Один из мэтров советской фантастики Г.И.Гуревич не раз приводил в своих воспоминаниях примечательные слова офицера-артиллериста, услышанные на одной из встреч с читателями: “У нас в армии есть артиллерия ближнего боя, есть артиллерия дальнего действия. Мы применяем ту и другую, в зависимости от цели. Они выполняют разные задачи, но обе нужны”. К сожалению, в начале 50-х директивно поощрялась только фантастика “ближнего боя”, и не случайно Гуревич, обожающий все систематизировать, периоду советской НФ 1946-1953 годов дал название по сборнику Охотникова – “На грани возможного”. Несомненно, это был “звездный час” для автора многих запатентованных изобретений в области радиотехники и звукозаписи, попытавшегося стать писателем: “профессиональный изобретатель, он и писал о том, как интересно изобретать”.

“Больной сердцем”, прожил заслуженный деятель науки и техники БССР В.Д.Охотников (1905-1964) немного, был похоронен неподалеку от могилы Александра Грина в Старом Крыму. Что время его ушло, он понял сам... После 1957 года новых произведений Охотникова не появлялось...

**ЖИВ КУРИЛКА!
(Мифаго Врунгель)**

“Мифаго по Холдстоку – сокрытые в недрах подсознания современного европейца образы, воплощенные в персонажах мифов и преданий”. * Из рецензии.

Впервые книжку “Приключения капитана Врунгеля” я прочел в тридцатипятилетнем возрасте. Купил в районном книжном магазинчике, будучи в служебной командировке. Раньше купить не мог! Кто не помнит/не знает “тоталитарных” времен, не поймет... Попытаюсь напомнить/объяснить: книжка только в восьмидесятые годы в СССР была издана тиражом около двух миллионов экземпляров, но купить ее было проблемой! Во-первых, “книжный дефицит”, во-вторых, огромная популярность именно этой книги Андрея Сергеевича Некрасова. Как я был рад, увидев эту довольно невзрачную книжечку в бумажной обложке на книжном прилавке!

Среди прочих причин радости была мысль о возможности наконец-то сравнить “первоисточник” со знаменитым (не побоюсь этого слова) мультсериалом! Наверняка, знаете:

“Мы бандито, гангстерито...
Постоянно пьем чинзанно...
Постоянно сыто, пьяно...”

Ну не может же быть такого в изначальном тексте! Умом я это понимал, книга впервые вышла давным-давно, но – сомневался... Потому что налицо был парадокс – вроде бы я книжку в детстве не читал, а с капитаном Врунгелем был давно знаком! Что является одним из признаков мифа! То есть создания коллективной фантазии, отражающей действительность в виде чувственно-конкретных персонификаций, которые мыслятся вполне реальными!..

Запросите “Яндекс” – и мысли не возникнет в нереальности Врунгеля! В Геленджике открыт парк экстремальных аттракционов “Адмирал Врунгель”, в Челябинске выступает DJ Врунгель... Разрабатываются компьютерные игры “Капитан Врунгель” и “Новые приключения Врунгеля”... Приглашает “Врунгель-бар”... За 59 р. (а хочешь – за 256р.) можно приобрести книги... За 343 р. – мультфильм (“один из шедевров советской анимации”!)

Немало ссылок в Сети и на А.С.Некрасова, “русского детского писателя”: сказки в MP3, аудиокниги... Самая замечательная: на “skazka.com.ru” его книжка фигурирует в разделе “Мифы, фольклор”!

У тех (есть такие?), кто о книге не слыхал, может возникнуть вопрос – о чем вообще речь? Так что, наверное, надо вернуться к истокам...

Капитан дальнего плавания Христофор Бонифатьевич Врунгель родился в Москве, на Таганке, 22 декабря 1934 года в 4 часа утра. За последующие пять лет он сформировался и окреп – вполне достаточно, чтобы пуститься в “кругосветку”, полную опасностей! “Единственный в мире кругосветный поход на двухместной парусной яхте. Сто сорок тысяч миль. Масса заходов, масса приключений...”

Уже при отплытии отремонтированная свежим лесом (и оттого пустившая корни) яхта и ее экипаж удивили толпы любопытных. При этом еще и название потерялось: из славной “Победы” стало “Бедой”! Да это не беда, рассудил Христофор Бонифатьевич! Как и то, что у старшего помощника Лома “редкий нюх на спиртное”, а отлив в норвежских фиордах может преподнести сюрприз, что документы на белок слизнул хамелеон, а новый матрос Фукс разбирается только в игральных картах! Нет безвыходных ситуаций для старого морского волка!

“Капитан Врунгель, кто он?” Всю подноготную выдал в конце семидесятых годов его литературный родитель, написав обстоятельное послесловие к повести.

Давным-давно двадцатипятилетний Андрей Некрасов работал в дальневосточном китобойном тресте, директором которого был Андрей Васильевич Вронский, человек очень интересный. В

свое время, вместе с другом, ставшим впоследствии знаменитым капитаном И.А.Манном, он решил совершить кругосветный поход на двухместной яхте. Поход не состоялся, яхта сгнила на Васильевском острове, а мечты стали забавными небылицами, которые рассказывал Вронский совершенно замечательно!

Например, о том, что нет плохих судов, нет плохих ветров, есть плохие капитаны! Так что стоит встать на корме и одну за другой вышибать пробки из бутылок с сода-виски, и корабль начнет двигаться вперед уже по ракетному принципу!..

Через пару лет Некрасов (уже в Москве) рассказал некоторые из небылиц Вронского известному писателю Борису Житкову, и тот посоветовал написать “повестушку” о привиравшем капитане. Так вот и “родился” Врунгель... Почему именно Врунгель? Не назовешь же героя юмористической повести именем уважаемого человека... Были, правда, исторические прецеденты! Вспомнив барона Мюнхгаузена и знаменитого русского моряка барона Фердинанда Врангеля, Некрасов “окрестил” своего пока еще безымянного героя Врунгелем! Лом – это переведенный на французский с немецкого Манн, добродушный, но недалекий верзил... Матрос Фукс – это матрос китобойной флотилии... Фукс! Маленький, бородатый, жуликоватый...

Кроме смешных рассказов Вронского в книгу в книгу вошли и другие морские небылицы, смешные случаи, свидетелем которых был сам автор. Подробности делали повесть правдивее, что для книжки, “построенной на вранье”, очень важно. “Врать надо убедительно”!

Вчерне законченную рукопись автор предложил журналу “Пионер”. “Врунгеля” решили печатать, но – в виде подписей к большим рисункам... Некрасов согласился сократить повесть. “Приходилось буквально воевать с собой из-за каждого слова”... “Приключения...” вошли в план “Пионера” на 1937 год, пора было заказывать иллюстрации! В принципе согласен был находящийся тогда в зените славы Константин Павлович Ротов, но вот время его было расписано по минутам! Пришлось Некрасову в буфете издательства “Правда” подсесть к нему и – почти против воли художника – рассказать содержание повести. Все-таки тот согласился... Некрасов пишет: “Не зря я так упорно добивался согласия Ротова на эту работу. С тех пор и у нас, и за границей многие художники брались за иллюстрацию этой книги, но лучшими на мой взгляд, по-прежнему остаются первые иллюстрации, созданные К.П.Ротовым”.

Работы зарубежных иллюстраторов я не видел, но с некоторыми отечественными знаком. И полностью согласен с А.С. Разве что цветные иллюстрации В.Боковни глянулись, так ведь

в них опять же половина от Ротова, да четверть от мультфильма. А кроме него книжку иллюстрировали: М.Беломлинский, А.Воронкова и В.Дмитрук, Н.Байрачный, П.Северцев, С.Серов, Г.Юдин, А.Костин, А.Данилин, Г.Самойлов, А.Акатьев, В.Попова, О.Пархаев, Р.Сахалтуев, А.Лукьянов, В.Коркин, М.Глашкин, А.Ильин...

“Врунгель” печатался в “Пионере” сериями, по шесть эпизодов в каждом номере. Публикация вызвала горячие противоречивые отклики!.. Вот В.Литвинов в газете “За коммунистическое просвещение” писал: “Приключения...” могут рассмешить только самого неприятельного читателя”... Несмотря ни на что, вместе с художником Некрасов стал готовить повесть к отдельному изданию, пришлось восстанавливать урезанное, заново шлифовать всю повесть...

Весной 1939 года 25.000 “Приключений...” попали в руки читателей! Все друзья Врунгеля ждали, что скажет критика... В седьмом номере журнала “Детская литература” за 1939 год появилось сразу две статьи. Автор одной из них, Лев Кассиль (“Кругосветное плавание несусветного враня”), предсказывал книге долгую и счастливую жизнь, автор другой, И.Рахтанов (“Трактат о природе вранья или сигнал бедствия”), отрицал право повести на существование, предрекал Врунгелю забвение...

“Некоторым показалось, что именно эта вторая статья правильно предсказала судьбу книги”... Се ля ви: война, разруха, восстановление хозяйства, сталинизм – не до вранья Врунгеля! Книга не переиздавалась...

Но “Врунгель жил в надеждах его друзей”! И надежды сбылись! В 1958 году 200.000 “Приключений...” вышли в свет! Хотя в предисловии было написано, что книга значительно переработана, повесть осталась такой, как прежде, произошло только несколько незначительных замен первоначального текста, да прибавилась еще глава, посвященная морской терминологии (и то – в результате просчета технического редактора).

Пережив невзгоды, “Врунгель” с 1958 года зажил новой счастливой жизнью! В 1961 году “фантастическая повесть” вышла в Омске, в 1965-м было московское переиздание, тираж семидесятых годов – более 500.000 тысяч экземпляров, восьмидесятых – около 2.000.000 экземпляров, девяностых – также около 2.000.000 экземпляров. Да и 100.000 экземпляров книги, изданных уже в XXI веке, кое-что значат. Английские, армянские, болгарские, венгерские, грузинские, индийские, латвийские, литовские, туркменские, узбекские, югославские, японские (и некоторые другие) ребяташки прочитали “Врунгеля” на своих языках. “Добрый старый капитан всем читателям одинаково щедро да-

рил улыбки"... Автор книжки был уверен: "Я не напрасно потратил труд и время на эту книгу"!

Андрей Сергеевич Некрасов, кто он? Родился будущий писатель в Москве 9(22) июня 1907 года в семье врача. Времена вскоре настали "интересные", так что в молодости сменил он немало профессий: был и чернорабочим, был и техником, плавал матросом и кочегаром на рыболовных траулерах, работал в китобойном тресте на Дальнем Востоке. С двадцати лет печатался, и не удивительно, что с морем и флотом связаны темы его основных произведений. С 1932 года жил в Москве, сотрудничал с Борисом Житковым. В 1935 году вышла его первая книга – сборник рассказов "Морские сапоги". Писал А.С. в основном для детей: "Электрическое солнце" (1936), "Повесть о товарище Кирове"(1936, совместно с Б.Житковым, Б.Ивантером, Б.Шатиловым).

Во время Отечественной войны добровольцем ушел на фронт, служил и в пехоте, и в авиации. После войны много работал в области научно-популярной литературы. Среди книг Некрасова – повесть о моряках "Судьба корабля" (1958), книжка "Танины игрушки" (1963), книги об Арктике "Мы были на Диксоне" (1966) и "Операция "Туман"(1972). "Путешественник, писатель, фантазер" – так назывался появившийся к его семидесятипятилетию очерк в журнале "Пионер", старом добром знакомом.

Но все же... А.С. – "автор одной книги"! Юмористическая повесть о фантастических приключениях незадачливого мореплавателя прославила его на века! Можно только позавидовать автору такой замечательной книжки, ведь уходя из "приземленной" жизни 15 февраля 1987 года (не дожив чуть-чуть до восьмидесятилетия), он по праву мог еще раз сказать: "Я не напрасно потратил время на эту книгу"...

В пятом томе "Краткой литературной энциклопедии"(1968) А.С. Некрасову отведено 14 строчек, в "Литературном энциклопедическом словаре"(1987) 6+4... Четыре последних говорят о том, что самая известная книга писателя, современная фантасмагория в духе знаменитого барона Мюнхгаузена, "примыкает к сказке"...

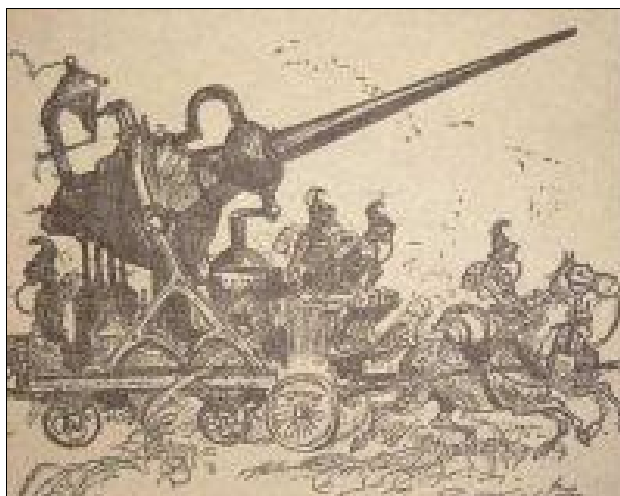
Как ни странно (все-таки Некрасов – "детский" писатель), одно издание "Приключений капитана Врунгеля" есть даже в областной научной библиотеке. Лениздатовское 1982 года – с неплохими цветными иллюстрациями В.Боковни и вступительным словом "Героя" Сергея Михалкова. "Еще в рукописи я прочел повесть... Многое изменилось... А маленькая яхта "Беда" до сих пор не затерялась в огромном океане детской литературы... Тем, кто впервые открывает эту книжку, я немножко завидую"...

Всенародной известности книжке добавил сериал украинца Давида Черкасского, вышедший в 1981 году. “Приключения...” были “осовремененны”, но – слава богу – от этого они хуже не стали! Всплеск читательского интереса в восьмидесятые годы обязан именно этому интересному мультфильму! В 1993 году санктпетербургское издательство “Композитор” даже выпустило “мультсказку для чтения и пения” “Приключения капитана Врунгеля” (стихи Е.Чеповецкого, музыка Г.Фиртича, художник Р.Сахалтуев).

В 1990 году “Приключения...” вошли в интересный и знаменательный сборник “Вдохновенные лжецы, или Самые удивительные и самые правдивые истории, имевшие место на суше и на море, в воздухе и даже в космосе” (Ростовское книжное издательство). В аннотации к нему сказано: “Комическая фантастика – лишь средство сатирического обличения”...

Может быть, к “Приключениям Мюнхгаузена” или “Звездным дневникам Ийона Тихого” это справедливо, но к повести А.С.Некрасова?.. Хотел ли кого-либо обличать Андрей Сергеевич? Может, в этом-то и непреходящая ценность его небольшой книжки!

НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА (Межвоенные «пророчества» как «альтернатива»)

О войнах будущего писали издавна, но Первая мировая – масштабная и кровопролитная – изменила взгляд, «сняла пелену с глаз “невинного” человечества, воспитанного на военной лирике Теннисона и Киплинга».

С конца двадцатых всё яснее становилось, что Версальский мир, сколько бы его не подновляли и не «улучшали» – только передышка между войнами. «Война 1914-1918 годов не была закончена, как о том объявили в Версале. Насильственно сведённая к миру, она неудержимо продолжалась в пограничных спорах и межнациональных распрях» – это из романа Петра Павленко «На Востоке». А вот что сказал товарищ Сталин в отчётном докладе на XVII съезде ВКП(б) в 1934 году: «Дело явным образом идёт к новой войне».

Внимание европейских писателей сосредоточилось на страшной разрушительной силе новых вооружений. Почти никто не сомневался в том, что любое, самое смертоносное оружие будет пущено в ход без оглядки на общечеловеческие нравственные нормы и стандарты международного права. Книги, описывавшие массированные бомбардировки и бедствия, которые выпадают во время войны на долю мирных жителей, уже не удивляли. После Вердена, после газовых атак уже нельзя было твердить вслед за Клаузевицем, что война есть продолжение политики другими средствами. В Европе появилось поколение авторов, побывавших в окопах и изображавших последствия применения новых вооружений не для того, чтобы призвать нацию лучше подготовиться к новой войне, а чтобы внушить чита-

телям ужас и отвращение к войне как таковой; показать, насколько она самоубийственна, недопустима. Вера в поступательное развитие человечества дала брешь, стало ясно, что научно-технический прогресс приносит не только «сладкие» плоды, что его довольно легко обратить против человека.

Выходили и другие книги; как писал критик О.Цехновицер в статье «Империалистический военно-утопический роман» – посвящённой в основном произведениям начала века (журнал «Звезда», 1937-№8) – в тридцатые годы «выделяется военно-фашистская литература Германии и Японии». Небезызвестный генерал Людендорф выпускает книжку «Мировая война грозит», роман Карла Бартца «Война 1960» (1931) разнесён в пух и прах в советской рецензии «Фашистский романист мечтает» (1932), в Японии получает известность книга Накадзиме Ракеси «Великая океанская война», снабжённая предисловиями двух адмиралов и двух генералов! К «фашистской» литературе Цехновицер относит не только книгу генерала Джонсона «Немецкое чудо 193?», но и роман француза Эрве Песлуана «Таинственная угроза» (1931), отмеченный тогда Премией Жюль Верна!

Если за перо брались европейские военные журналисты, то их прогнозы – в основном касавшиеся применения нового оружия, оказывались более сдержанными и изредка – более точными. Британский военно-морской обозреватель Гектор Ч. Байуотер (1884-1940) в книге «Великая Тихоокеанская война: История американо-японской кампании 1931-1933 годов» (1925) показал – вопреки мнению американских военных и политиков (включая Франклина Д. Рузвельта) – что война между Японией и США возможна, описав внезапное нападение японцев на американский флот, захват Гуама и Филиппин. Это сочинение привлекло к себе внимание японцев, и вскоре после его опубликования к Байуотеру явился с визитом японский военно-морской атташе, пожелавший обсудить с автором возможную стратегию войны в Тихом океане. Об этом можно прочесть в довольно популярной на Западе книге И.Ф.Кларка «Пророчества о грядущих сражениях». Книга Байуотера сразу же вызвала интерес и советских журналистов, отрывки из неё были опубликованы в «Комсомольской правде» зимой 1927 года.

Международный резонанс получила книга капитана (лейтенанта?) запаса Фукунага Киосукэ «Записки о будущей японо-американской войне» (1934), снабжённой предисловием командующего объединённым японским флотом. В том же году в русском переводе она вышла в Военгизе и отрецензирована («Правда и ложь капитана запаса»). О переводе книг генерала Сато «Как мы будем воевать» и генерала Араки «Война на

Дальнем Востоке», изображавших нападение Японии на СССР, и речи быть не могло!

В СССР середины тридцатых годов XX века «пропагандистом» зарубежной фантастики специфического – «военно-технического» – направления (рисующей картины возможной будущей войны), неожиданно становятся общелитературные журналы, прежде всего «Знамя», созданный как орган Центрального Совета Лит.Объединения Красной Армии и Флота.

Переводным первенцем подобного «жанра» стал роман «Воздушная война 1936 года. Разрушение Парижа» некоего «майора Гельдерса», без имени переводчика опубликованный в журнале «ЛОКАФ» (будущем «Знамени») в номерах 8-9,11,12 за 1932 год. В русском переводе (в книжном издании того же года переводчик был указан: А.Зеленина) была опущена вся «романтическая» часть, зато к изданию 1934 года были приложены «Полемические варианты» Петра Павленко (главы, как бы не вошедшие в книгу и рисующие иное развитие событий...) Гельдерс, естественно, не учитывал в своём сценарии народные волнения, а по мнению советских теоретиков империалистическая война должна автоматически перерасти в социальную революцию! Вот Павленко и приступил к развитию этой мысли, начиная с книжки пятой журнала «Знамя» за 1933 год: «Воздушная война 1936 года: Полемический вариант».

В редакционном предисловии к сочинению Гельдерса отмечалось, что роман представляет исключительный интерес прежде всего со стороны затронутых военных проблем, «автор говорит о такой новой теме, какой является воздушная война». (Тогда многие увлеклись так называемой «доктриной Дуэ» о «всемогуществе» бомбардировочной авиации). Политические же мотивы романа совершенно ясны – «фашистская идеология его автора обнажена».

«Стояло жаркое лето 1936 года»... Убит британский верховный комиссар в Египте, французские войска высаживаются на египетскую территорию, находящуюся под покровительством Великобритании... «События следовали одно за другим, как удары молота... Так вот как возникает война!» Английские засекреченные гиганты-бомбардировщики серии «Г» 9 июля бомбят Париж, сбрасывая 700 тонн разрывных бомб, более 3000 зажигательных снарядов, 10 тонн горчичного газа. Сцены разрушения французской столицы в романе «немецкого фашиста» напоминают аналогичные – но с помощью огромного флота «цеппелинов» – из романа «германского националиста» начала

XX века Рудольфа Мартина «Мировая война» (1907). Французы бомбят Лондон – «ночь принадлежала бомбовозам...» «Москва призывала со своих мощных радиостанций французский пролетариат к войне против буржуазии». «На второй день войны английский воздушный флот совершил новые бомбовые атаки на Париж, Брюссель, Антверпен, Шарлеруа, Лилль...» Группа французских крейсеров открывает огонь по английским судам... 162 самолёта серии «Г», имея на борту 324 100-килограммовых и 648 50-килограммовых бомб, атакуют французские крейсера! «Под страшной угрозой бомбовых атак французскому правительству оставалось лишь одно – любой ценой заключить мир...» Франция принимает все условия...

В Советском Союзе долгое время считалось, что под псевдонимом «майор Гельдерс» скрывался видный офицер рейхсвера, но кто именно – неизвестно... На самом деле под псевдонимом «скрылся» совсем не офицер, а директор «Люфтганзы» Роберт Кнаусс (1892-1955), это уж попозже оберст Кнаусс будет командовать бомбардировочной авиашколой, а дослужившись до генерала – «Люфтваксаксакадемией». Его единственная книга имела успех не только по всей Европе (переведена на английский и французский языки), но даже в СССР: сам Всеволод Вишневский написал разгромную рецензию в «Литгазету» под названием «Майор Гельдерс и доверчивые советские издательства!» Ещё бы, лишь годом ранее бывший «особист» В.В. Вишневский (1900-1951) опубликовал пьесу «Последний решительный», рисующую будущую войну совсем по-другому! Как «прославление героического подвига советского народа, защищающего социалистическое отечество»...

В книге И.Ф.Кларка роман Кнаусса причислен чуть ли не к «сиропным сказкам о войне», изображавшим грядущие баталии если не в розовых, то уж точно не в черных тонах. Разрушены дома, но жертв среди населения немного, и граждане думают не столько о выживании, сколько о победе. Популярность подобных сочинений, как и сам факт их публикации, свидетельствовали, что в Европе начали свыкаться со страшными реалиями войны нового типа.

Отрывок из «фантастического романа» Гельдерса под заголовком «Париж в огне» был перепечатан в «Технике-молодежи» (№1 за 1937 год) под рубрикой «Фантазия и действительность», когда до «действительности» оставалось пара-тройка лет... Затем «Знамя» и «ТМ» поменялись ролями: сначала в молодежном журнале были опубликованы главы из фантастического романа капитана резерва Военного Флота США Джона П.Кидда (№6 за

1936 год и №3 за 1937 год), а через месяц в “Знамени” напечатали полностью (№№ 3,4) его роман “Завещание Уэнтворта” (в переводе В.И.Рязанова), рисующий войну между Японией и Америкой в 194... году...

Война начинается борьбой за господство в воздухе...Затем американский десант «покидает Перль-Харбор» (именно так!), ему поставлена задача овладеть корейско-японскими портами Расин и Сейсин... Эскадры «великих держав» встречаются в открытом море, искусно применив задымление, «японские корабли, продолжая воздушное наблюдение, один за другим топили суда неприятеля!» «Второй Цусимой» закончился «первый акт великой тихоокеанской трагедии». Но хитрее оказались всё же американцы, японцы топили не боевые корабли, а макеты! «Мы дрались с огородными чучелами!» – с досадой восклицает японский адмирал... Главные же силы американского ВМФ высаживают десант на Филиппинах и Формозе и захватывают их, сдаются Гуам и Сайпан... «Раскат гомерического хохота потряс Европу, когда история “морского сражения на тридцатой параллели” стала достоянием прессы». Кстати, в сочинении Кидда мне встретилась просто замечательная сентенция: «Теперь историю пишу преимущественно для того, чтобы исправлять её»!

После публикации сочинений немецкого “майора” и американского “капитана” неудивительно появление в “ТМ” (№1 за 1938 год) отрывка из фантастической повести “французского майора Рикара” “Последняя война фашизма” (в переводе Е.Болтина) под заглавием “УР”(то есть: УкрепРайон). В предисловии отмечалось, что автор рассматривает план и ход гигантской битвы, перерастающей в новую всемирную войну. Начинается всё с операции германцев (с картами!), связанной с попыткой прорыва французских пограничных укреплений. Автор резко расходится с большинством военных писателей, изображая будущую войну как сражение огромных наземных армий, насыщенных всеми видами техники.

Для вторжения во Францию германцы избирают направление через Люксембург и юг Бельгии... Детально описывается современный УР: «опираясь на флангах на непроходимые участки местности, УР составляет сплошное препятствие, которое не может быть обойденным...» На участке шириной около 18 км и той же глубины располагаются 12 орудийных капониров, 6 малых фортов, 9 батарей дальнего боя, 3 стационарных зенитных батареи, около 600 пулемётных блиндажей... Как же преодолеть такое препятствие? «Предательство – вот секрет частичного прорыва... Проникнув в канализационную трубу, немцы заложит-

ли мины огромной разрушительной силы в точно определённых местах». Не помогли и французские авиадесанты в тыл германцев, на правый берег реки Маас...

Тем не менее, «мощные пограничные укрепления французов сыграли свою роль, германские фашисты разбили о них свой медный лоб».

Интересен тот факт, что не было никакого «Рикара», о начале всемирной войны, заканчивающейся полным разгромом фашизма, написал советский майор Е. Болтин, дослужившийся позже и до генерал-майора!.. Правда, генеральское звание для Е.А. Болтина (1900-1981) оказалось не самым важным, он более известен как военный историк (доктор исторических наук, кандидат военных наук) и профессор Дипломатической академии МИД СССР. Фантастики (даже военной) больше не писал...

Дань очень популярным в середине тридцатых годов «военным сценариям» отдал и известный английский писатель-фантаст С. Фаулер Райт (1874-1965). После посещения Германии в качестве корреспондента он опубликовал в газете «Сандэй Диспэтч» в конце 1935 года фантастический роман «Война 1938 года». Перевод (но с немецкого издания) романа появился в книжке восьмой журнала «Знамя» за 1937 год (переводчик А. Ариан). В редакционном предисловии (тогда обязательном) отмечалось: «Весьма показательно, что будущая европейская война начинается вторжением германского фашизма на территорию Чехословакии» и подчёркивалось, что Райт «сильно преувеличил военную мощь фашистской Германии».

Как бы ни заявлял президент Чехословакии, что «германские требования неприемлемы в той форме, в которой они сообщены, но...» Германия располагает тайным воздушным флотом во много тысяч машин, не считая официальных Воздушных сил! Так что утренние выпуски лондонских газет от 6 февраля 1938 года выходят с «кричащими» заголовками: Гибель Праги... Гигантское воздушное сражение на германской границе... Окончательное поражение Чехословакии... Германское правительство публикует манифест: «Чехословацкая республика перестала существовать. Богемия, Моравия и Словакия вновь вошли в состав германского государства...»

Публикация романа «С. Фаулер-Райта» (именно так!) вызвала в СССР несколько рецензий: «Действительность пуще всякой фантастики» И. Ковальского (1936), «От «утопии» к бомбардировке» Б. Розенцвейга (1937). Отрывки из продолжения – романа «Четырёхдневная война» (1936) под названием «Англо-Германская война» были напечатаны в «Новом мире» (№3 за 1938 год) уже

после начала как “фантастических” (романных) боевых действий, так и после совершенно реального “аншлюса” Австрии Германией!

Редакция в предисловии всё «объяснила»: «Подобно многим буржуазным писателям Райт представляет войну как грандиозное столкновение ВВС обеих сторон. Исходя из пресловутой концепции внезапного нападения, он определяет длительность войны в четыре дня. Наряду с этой нелепой идеей молниеносной войны, Райт отобразил в известной мере и антифашистские настроения широких трудовых масс Англии».

«Была суббота, 5 февраля 1938 года. Часы показывали 4 часа 57 минут дня. Минувшей ночью Германия ошеломила весь мир разрушением Праги и декларацией о том, что отныне о Чехословакии следует говорить лишь в прошедшем времени». Тут и Англия получает от германского посла

ультиматум! Германский воздушный флот «в составе 1200 истребителей и 3000 ночных бомбардировщиков новейшего типа...с наступлением февральских сумерек пересек в едином строю Голландию и, летя уже над морем, разделился на две части... Проследовал к конечной цели, чтобы приступить к бомбардировке промышленных районов центра страны»...

«В боях над Темзой участвовало около 200-300 английских самолётов, подкреплённых многочисленными зенитными батареями, полусотней новых, ещё не испытанных самолётов, управляемых по радио, и орудиями кораблей, стоявших на рейде в устье Темзы...» «Город горел. Усеянные десятками зажигательных бомб его верфи и склады горели так, что никакие силы не могли бы затушить пожарище».

Европа содрогается в объятиях катастрофической войны. Американский президент объявляет войну Германии... «Германская транспортная эскадра фактически уничтожена в бою над Южным Линкольнширом...» Война становится всеобщей! Немецкая авиация начинает применять бомбы, начинённые «замораживающей смертью» – газом, от действия которого гибнут сразу десятки тысяч человек...

Советские авторы «оборонных рассказов» предпочитали более локальные сюжеты. Ещё бы, ведь что писал тот же Цехновицер: «Перед советскими писателями стоит задача создания высокохудожественных и подлинно познавательных произведений о грядущей войне. В противоположность буржуазным авторам произведения советских писателей должны быть отмечены реальностью прогноза грядущего... Советский писатель при подходе к политическим и техническим особенностям грядущей

войны должен базироваться на точных и строгих законах марксизма-ленинизма, на учении товарища Сталина».

Будущий военкор Великой Отечественной В.С.Курочкин (1910-1980) в нескольких рассказах «романа в новеллах» «Мои товарищи» («Знамя», 1937-№1) пишет о боях будущей войны. У самой границы сбивает бомбардировщики фашистского врага двухмоторный истребитель лётчика Тимофея Раушева в новелле «На высоте 14», «атака врага окончательно отбита нашей бомбардировочной и штурмовой авиацией» в рассказе «Атака»...Прозрачный высотный самолёт-планер – такая вот «научная фантастика». Подобные «рассказы о будущей войне» составили четверть книги Курочкина «Мои товарищи», вышедшей в том же году в издательстве «Советский писатель».

В нескольких номерах популярного журнала «Огонёк» за 1937 год публиковали «Эпизоды будущей войны» (рубрика такая). Уже по названиям рассказов можно понять, о чём они: «На марше» Л.В.Рубинштейна, «Между горным кряжем и рекой» венгра Б.Иллеша (жившего тогда в СССР), «Случай в госпитале» Б.М.Левина, «Ольга Попова выполняет задание» Г.С.Фиша, «Без вести пропавший» Л.И.Лагина, «Восстание» Е.Д.Зозули.

В февральском номере журнала «Знание-сила» за 1938 год появилось сочинение А.Шейдемана и В.Наумова «Воздушная операция будущей войны» – как бы отрывок из романа «Воздушная война 194* года». Лётчик Фёдор Валон обнаруживает замаскированный аэродром противника, эскадрилья, состоящая из 28 «двухмоторных цельнометаллических» бомбардировщиков, вылетает на бомбёжку... В квадрате 5586 с высоты 2500 метров сбрасывает бомбы – «от нажима кнопки приводились в действие электросбрасыватели, стокилограммовые бомбы тихо падали вниз...»

В августе 1938 года в «Правде» напечатали «фантазию о будущей войне» известного лётчика Г.Ф.Байдукова (1907-1994) «Разгром фашистской эскадры», пропагандирующую идею дизельного бомбардировщика. Через год в «Комсомольской правде»- «Эпизоды будущей войны» другого известного лётчика того времени П.П.Десницкого (1911-1993), естественно – об очередном разгроме «коварного агрессора!» «Эпизоды» такие: Бой над океаном – Поединок за облаками – Разгром...

В нескольких фантастических произведениях советских авторов конца тридцатых годов (не только о будущей войне) встречается мотив защиты Родины. В романе С.М.Беляева (1883-1953) «Истребитель 2-Z» (1939) Красная Армия в первые же дни войны, как бы шутя, уничтожает врагов; в повести Н.В.Автократа (1894-1982) «Тайна профессора Макшеева» (1940) таинствен-

ными лучами взрывали боеприпасы противника по всему фронту...

П.А.Павленко (1899-1951) в романе «На Востоке» (1937) более масштабен, правда две трети его книги совсем не о войне. Замысел романа зародился при работе над «Полемическими вариантами», перенеся события в Азию, писатель несколько выправил свою переоценку революционных возможностей трудящихся капстран. Военным событиям посвящена «Часть четвёртая. Март 193...»: «Япония готовилась воевать всюду... Всюду воевать готовился и красный Китай...»!

«В ночь с 7-го на 8-е марта генерал Минами двинул японо-манчжурские вооружённые силы к границе СССР. Главный удар намечен был в бассейне озера Ханки...» В 2.30 японцы произвели первый налёт на Владивосток силами 50-и ночных бомбардировщиков и истребителей, одновременно атаковали с моря. Воздушную армию вёл генерал Сано, штабом ему служил двухмоторный «Мидубиси» ТБ-91, вооружённый пятью пулемётами и орудием. Молниеносный удар по Ивановской авиабазе не получился, «наши» перехитрили генерала, переведя авиасоединения на тайные аэродромы! Тяжёлые четырёхмоторные бомбардировщики начинают ответную операцию. Как писали критики через 30 лет – Павленко обрушивает на агрессора столько самолётов, сколько помещается в его воображении!

В сражении на земле удар 2-й армии принимают на себя пограничники. По радио «в это время заговорил Сталин. Это был голос Родины, простой и ясный, отечески неторопливый сталинский голос...» Ну понятно – «героизм как бы вводился в строящееся расписание» – и наши побеждают! «Народ Японии вступает в войну... Народ Китая вступает в войну», а точнее – в революцию! Все вместе строим новый город Сен-Катаяма!

Судьбу войны писатель решил уже в пограничном сражении, «великая пехота большевиков» лишь развивает успех защитников пограничного механизированного оборонного пояса. Роман Павленко пропагандировал концепцию молниеносного перенесения войны на территорию агрессора, о трезвой оценке противостоящих сил вопрос не ставился.

В первом номере «Знамени» за 1939 год опубликовали «повесть о будущей войне» Ник. Шпанова «Первый удар» – естественно, с предисловием редакции. «Тов. Ник. Шпанов рассказывает об одном эпизоде будущей войны, о воздушном рейде ВВС РККА. Война ещё не показана во всём своём объёме, только од-

на частная боевая операция... Повесть – одна из первых попыток советской военной фантастики».

В середине августа неназванного года (1940-го?) «атмосфера в Европе ещё более накалена, чем в августе прошлого года...С утра 15-го приостановлены все полёты иностранных самолётов над территорией Третьей империи... По железным дорогам двигались воинские составы...» 18 августа в семнадцать часов крупные соединения фашистов перелетели советскую границу. Противник был встречен частями наших вооружённых сил... «Война против

фашизма будет священной войной» – сов. авиация выдаёт адекватный ответ! Первая колонна в составе 240 СБД, вторая колонна в составе 60 СБД, третья колонна в составе 360 СБД – общим курсом на Варшаву, а затем к Берлину! «Лишённые оперативного руководства и поддержки бронесил ударные группы Шверера» (фашиста проклятого) отошли. В тылу противника – большое восстание! «Под давлением народных масс во Франции образовалось правительство Народного Фронта»! Прошли «первые

12 часов большой войны»... «12 часов войны» – так первоначально (в 1936-м) и называлась эта расхваленная сов. пропагандой повесть, выдержавшая перед войной пять книжных изданий. Книга Н.Н.Шпанова (1896-1961) была «призвана» пропагандировать советскую военно-авиационную доктрину: наши воздушные силы быстренько вытесняют вражеские самолёты из советского неба и через несколько часов наносят поражение супостату! Не предусматривали уставы РККА и РКВФ неблагоприятного для них поворота событий на театре военных действий!

Великая война с фашизмом в нашей «реальности-1» оказалась не такой, как представляли фантасты... Войной моторов, дуэлью инженеров и учёных, причём «большая» техника требовала ещё большей крови... Вторая мировая оказалась намного страшнее любых прогнозов – ведь закончилась она бомбардировками Хиросимы и Нагасаки: уэллсовский атомный кошмар обрел реальные черты... «Взрыв тысяча девятьсот сорок пятого года ускорил процесс естественного разложения старого мира...» – эта строка из романа «Через тысячу лет» (1927) В.Д.Никольского (1886-1941) не только случайное предсказание даты!

ФАНТАСТЫ НА СЛУЖБЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ (Исторические аллюзии и антиномии)

Советские зрители не были избалованы американской кинофантастикой, поэтому фильм “Секретный эксперимент” (Philadelphia Experiment, 1984), вышедший на экраны Союза летом 1986 года, был воспринят вполне благосклонно. Споры вокруг него завязались позже, когда пошли слухи, что в основе фильма совсем не фантастические, а вроде бы реальные события...

Чтобы добиться “невидимости” на экранах совсем недавно появившихся радаров американский эсминец “Элдридж” (DE 173 Eldridge) под руководством “яйцеголовых” спецов был напичкан тоннами электронного оборудования для генерации некой электромагнитной области вокруг корабля. Предполагалось: радио- (а может быть и световые) волны будут огибать эту “область”, что и приведет к “невидимости”. 28 октября 1943 года в военном порту Филадельфии эксперимент начался... Результат оказался неожиданным даже для спецов – эсминец исчез..., чтоб через несколько секунд (или минут) появиться вновь! Побывав якобы при этом в некоем “параллельном” мире...

В фильме, правда, немножечко не так, его герои попадают в будущее – как раз в 1984-й... Их приключения и составляют основное содержание, подготовке эксперимента в кино внимания уделено совсем немного, разве что некий доктор Лонгстрит фи-

гурирует. А это совершенно не соответствует историческим фактам, ведь в подготовке истинного “Филадельфийского эксперимента” принимала участие замечательная компания, после войны прославившая англо-американскую “сайнс фикшн” во всем мире на все времена!

Вынужденный уйти в отставку из-за болезни выпускник Академии ВМФ США Роберт Хайнлайн связи с некоторыми бывшими однокашниками поддерживал и в военное время. Одному из них, командер-лейтенанту Скоулсу, после разгрома в Перл-Харборе пришла в голову совершенно фантастическая идея – собрать вместе несколько молодых писателей-фантастов с техническим образованием для решения не фантастических, а практических военных задач! Идею (фантастика!) поддержало высокое начальство из Военно-Морского Управления, и в 1942 году в секретную Исследовательскую Лабораторию морской авиации в Филадельфии были откомандированы:

35-летний отставной лейтенант ВМФ Роберт Хайнлайн (известный автор НФ, автор трех десятков рассказов и повестей),

34-летний командер-лейтенант ВВС Лайон Спрэг Де Камп (признанный фантаст, автор нескольких романов),

34-летний сержант ВВС Джек (точнее – Джон Стюарт) Уильямсон (автор множества романов),

24-летний лейтенант Королевских ВВС Артур Кларк (не опубликовавший еще ни одного рассказа),

22-летний штатский специалист-биохимик Айзек Азимов (автор более двух десятков рассказов).

Занималась эта компания (в основном) совсем не фантастикой: решала проблему обледенения самолетов на больших высотах, разрабатывала аппаратуру слепой посадки (первые системы автопилотов) и высотные гермокостюмы для летчиков (прообразы будущих скафандров астронавтов).

И готовила тот самый сенсационный “Филадельфийский эксперимент”, прославленный впоследствии в бестселлерах и блокбастерах. Маленькое “НО” из воспоминаний Азимова: “Мы-то раньше других поняли, что занимаемся втиранием очков военному начальству...” (цитируется по статье Вл.Гакова “Век адмирала” в №7 за 2007 год журнала “Если”).

В “параллельном” советском пространстве почти параллельно происходили похожие события. Осенью 1941 года известный по довоенным оборонным изобретениям военный инженер III ранга А.П.Казанцев, командир спецчасти №5328, был назначен главным инженером завода №627, тут же преобразованного в НИИ-627. Директором НИИ, ставшего впоследствии известным ВНИИ

Электромеханики, назначили профессора А.Г.Иосифьяна (будущего академика АН Армянской ССР). Казанцеву с Иосифьяном удалось привлечь к работе многих изобретателей и ученых, четверо из них после войны стали академиками. Среди привлеченных также были:

36-летний заслуженный деятель науки и техники БССР В.Д.Охотников (после войны ставший известным фантастом “ближнего прицела”),

30-летний доктор технических наук Г.И.Бабат (как фантаст дебютирующий через два года, автор НФ очерков и повестей),

45-летний изобретатель-самоучка Ю.А.Долгушин (уже “прославленный фантаст”, автор нашумевшего романа “Генератор чудес”).

Бюро технической информации института возглавил бывший редактор Детиздата 35-летний К.К.Андреев (через три года опубликовавший свою первую статью о Жюле Верне, а после войны ставший настоящим

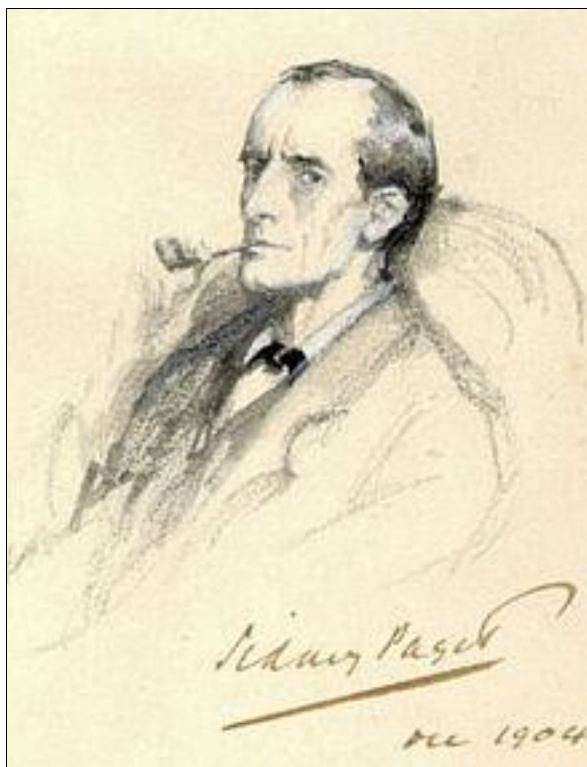
“наставником” советских фантастов пятидесятых годов, редактором книг Казанцева и прочих). Сам 35-летний главный инженер еще до войны зарекомендовал себя как писатель-фантаст, опубликовав популярный роман “Пылающий остров”. Позже Казанцев писал в своей автобиографической повести “Пунктир воспоминаний”(1981): “Чтобы охарактеризовать общий строй мысли дерзких искателей, нашедших здесь применение своей творческой энергии, могу вспомнить шуточное название нашего завода-института – “Институт имени Жюля Верна”.

Наши “очков не втирали” – да кто б им дал! Бабат и Охотников участвовали в разработке частотного модулятора для походной радиостанции А-7 (которую нельзя было подслушать при радиоперехвате), Охотников на месте будущих Лужников взрывал “чудо-запалы”... О работе “НИИ, к которому я был прикомандирован в начале войны” писатель Охотников поведал в НФ рассказе “История одного взрыва”(1946).

“...Плавал в изобретенной им резиновой лодочке, выполненной заодно с резиновыми сапогами-ластами, Ю.А.Долгушин”. Сам Казанцев разработал управляемые по проводам электро-танкетки со взрывчаткой для уничтожения немецких танков. Выпуск танкеток-торпед для возможных боев в самой Москве удалось наладить в сжатые сроки (правда, они не понадобились).

“Спустя четверть века я имел возможность снова увидеть такую танкетку в кино, в знаменитом французском “Фантомасе” – писал Казанцев в воспоминаниях. Как видите – никаких “фантастических экспериментов” в “единственном действующем в Москве в

условиях эвакуации научно-исследовательском учреждении” не проводилось. Без фантастики была одержана реальная наша Великая Победа!

РАССЛЕДОВАНИЕ НЕ ЗАКОНЧЕНО...
(К делу о фантастическом детективе)

Детектив – это очень просто! В переводе с английского – сыщик. Самый очевидный признак детектива – тайна. Любому читающему жителю нашей планеты знакомо имя знаменитого детектива Шерлока Холмса, созданного сто двадцать лет назад творческим воображением сэра Артура Конана Дойла. В двадцатом веке Холмса считали реальным живым человеком, письма на Бейкер-стрит приходили регулярно. Век двадцать первый даёт ещё одно подтверждение популярности – 8600000 ссылок в Сети!

Но писать всерьёз о детективе как разновидности литературы нелегко – общепризнанной теории детективного жанрово-тематического единства нет. С тех пор, как сто тридцать лет назад американская писательница Э.К.Грин впервые назвала сюжет с уголовной тематикой «детективной историей», разновидностей таковых стало немало. Кроме «классического детектива», ведущего происхождение ещё от Э.А.По, появились «крутой нуар» Дэшила Хамметта и Рэймонда Чандлера, полицейский «по-

лар» Эда Макбейна и Май Шёваль/Пера Валё, да и прочие поджанры «криминального романа».

Традиционно детектив считают ответвлением «приключенческой литературы», сосредоточенном на раскрытии «загадочных» преступлений. Сама структура его тяготеет к формализации, ведь это ограниченный условностями вид литературы: преступление – расследование – разгадка. С другой стороны, для настоящего детектива необходима (в рамках канона) неожиданность сюжетного хода. Автору нужно уравновесить ирреальность элементами действительности, показать в фантастических ситуациях реальные характеры, чтобы читатель мог отождествить себя с героем.

О фантастическом детективе писать ещё сложнее, неспроста в авторитетнейшей «Энциклопедии НФ» под редакцией Джона Клютта и Питера Николса нет словарной статьи «Детектив», есть лишь ссылка на более общую «Преступление и наказание». Тривиальный фантастический детектив соединил присущие обоим видам литературы штампы, двадцать лет назад Еремей Парнов с иронией писал о нём так: «Заезженный реквизит космической оперы с набившим оскомину конфликтом криминального романа», но тут же отмечал, что «образовавшийся симбиоз не столь просто поддается однозначной оценке».

Когда зародился фантастический детектив, определить трудно. До второй половины прошлого века такого вроде бы вообще не существовало... В литературоведческих работах писали, что после Второй мировой войны, когда по популярности среди читателей соперником детектива стала НФ, она и открыла «в эпоху космических полётов необозримое поле действия детективу». «Отцом НФ-детектива» (по праву) называют Айзека Азимова, но неужто до него ничего и не было?

Образ Шерлока Холмса стал знаковым для детективных рассказов в «классическом» стиле, но даже среди его приключений есть несколько не совсем обычных. Например, «фантастическая история» о неизвестном науке психотропном средстве, вызывающем смерть от чудовищных страхов под названием «Дьяволова нога» (1910) из сборника «Его прощальный поклон» (1917). Историю о профессоре Прескотте и его овчарке по кличке Рой «Человек на четвереньках» (1923) из сборника «Архив Шерлока Холмса» (1927) некоторые исследователи впрямую называют первым фантастическим детективом!

Рассказы о Холмсе в России начала XX века публиковались во множестве и повсеместно. Так что не удивительно появление книги Петра Орловца (Дудорева) «Похождения Шерлока Холмса

в Сибири» (1909) – чем не «постмодернистская фантастика» столетней давности?..

Большой популярностью пользовались тогда и романы Гастона Леру о феноменальном сыщике-репортёре Рутьабиле. В «Тайне жёлтой комнаты» (1907) классическая детективная загадка «запертой комнаты» решается необычно – преступник «исчезает во времени»... Но все же этот детектив нефантастический, просто преступление произошло на несколько часов ранее, чем его обнаружили... Настоящий фантадетектив Леру «Машина для убийства» (1924) – о расследовании убийства, совершенного «роботом», на русский так и не перевели.

В 1914 году был издан на русском языке лучший роман Г.К.Честертон «Человек, который был Четвергом: Кошмар» (1908) – блестящий пример синтеза фантастического детектива, абсурдистской фантастики, философских размышлений о противостоянии «обыватель – террорист».

В дореволюционной России огромным успехом пользовались дешёвые (в любом смысле) истории о приключениях сыщика Пинкертона. После революции в духе «красного Пинкертона» Мариэтта Шагинян – под псевдонимом Джим Доллар – опубликовала роман «Месс Менд, или Янки в Петрограде» (1924). В советской критике этот роман-сказку считали одним из первых детективов в советской литературе. Продолжили его романы «Лори Лэн металлист» (1925) и «Дорога в Багдад» (1935). Считать авантурную трилогию фантастическими детективами, конечно, возможно, но – с большой натяжкой... Тут и начинаются разночтения: одни критики считают, что до шестидесятых в советской литературе вообще не было фанта-детективов; кто-то менее щепетилен и требователен.

В середине двадцатых в Советской России было издано несколько интересных книг французского писателя Мориса Ренара. Переиздание в 1991 году романа «Тайна его глаз», изданного впервые на русском в 1924-м, носит определяющий подзаголовок «фантастический детектив». В соавторстве с Альбером Жаном Ренар написал роман «Обезьяна» (1925) – детективное расследование по «делу» изготовления идентичных человеку андроидов. На русском роман издавался дважды – как «Обезьяна» (1926) и как «Загадка Ришара Сегюра» (1927).

«Шпионские» романы советских авторов Николая Автокротова, Григория Адамова, Андрея Белого, Сергея Беляева не лишены детективных элементов, но назвать их «фантастическими детективами» вряд ли возможно. Очень популярны в своё время были фантастико-детективные повести Николая Шпанова о борьбе советских разведчиков и учёных против фашистов «Тайна про-

фессора Бураго» (1942-1944) и «Война невидимок» (1944), в 1958 году переизданные книжным изданием. Послевоенные повести Николая Томана, грешащие трафаретами пропагандистского «шпионского» романа тех лет, все же ближе к полноценному фантдетективу.

Дата рождения настоящего советского фантастического детектива определяется довольно точно – с появлением в июльском номере журнала «Юность» за 1966 год приключенческой повести П.Багряка «Кто?» Хороший детектив – это игра, а кто не любит играть (в самом общем смысле)? Также в хорошем детективе фон – не просто условная декорация. Это на все сто процентов выполняется в тетралогии детективных памфлетов Багряка, собранных в книгу «Пять президентов» (1969). Действие увлекательных НФ-детективов о работе честного комиссара полиции Гарда происходит на Западе – вокруг открытия, позволяющего создавать «копии» любого человека (сравните с идеей романа Ренара). Вдохновлённая несомненным успехом, группа авторов, использующая псевдоним Павел Багряк (Д.Биленкин, Я.Голованов, Вал. Аграновский, Вл.Губарев, В.Комаров), продолжила работу в том же направлении, опубликовав романы «Синие люди» (1972) и «Фирма приключений» (1989).

Менее впечатляющи детективно-фантастические памфлеты тех же лет Анатоля Имерманиса и Зиновия Юрьева. В то же время, в конце шестидесятых-середине семидесятых годов появилось немало примечательных книг совсем не памфлетного плана – это была «золотая декада» советской детективной фантастики! «Фантастический детектив» – так определили (впервые в СССР) «жанр» своего романа «Кто есть кто?» (1969) Ариадна Громова и Рафаил Нудельман. Герой его в собственном прошлом убивает себя, порождая цепь бесчисленных «хроноклазмов» (книжное издание вышло под названием «В Институте Времени идёт расследование» в 1973-м). В 1969 году рассказом «Приключение» начала цикл своеобразной детективной НФ о работе психолога Киры Сафрай Валентина Журавлёва. В 1970 году всё в той же «Юности» была опубликована приключенческая повесть «Отель “У погибшего альпиниста”» Аркадия и Бориса Стругацких – ироническая «отходная детективному жанру», тем не менее уверенно выстроенная по канонам классического детектива. (Почти через сорок лет молодая писательница Дарья Зарубина в повести «Лента Мебиуса» убедительно «сыграла на том же поле» ещё раз). Герои повести Давида Константиновского «Ошибка создателя» (1973) разгадывают странное поведение роботов на Луне, Геннадий Прашкевич в 1974 году начинает

очень популярный тогда цикл детективно-фантастических повестей «Записки промышленного шпиона», Юрий Тупицын в 1975 году публикует «Далийский вариант» (книжное издание – «В дебрях Даль-Гея», 1978) – почти детективный роман о прогрессорской деятельности землян на далекой планете.

Даже известный роман Владимира Савченко «Открытие себя» (1967) был бы совсем не таким без элементов детектива. А детективно-историко-приключенческие романы Еремея Парнова «Ларец Марии Медичи» (1972), «Третий глаз Шивы» (1975) были бы не так интересны без элементов фантастики (мистики и оккультизма).

О зарубежном фантастическом детективе в Стране Советов до конца восьмидесятых годов известно было немного. В журнале «Техника-молодёжи» в 1965-1966 годах был опубликован перевод НФ-романа с детективно-приключенческим сюжетом Айзека Азимова «Космические течения» (1952) о временах будущей Галактической Империи. В 1969 году на русском появилась его знаменитая диалогия «Стальные пещеры» (1954) и «Обнажённое солнце» (1956), рассказывающая о работе пары детективов – полицейского из перенаселённого Нью-Йорка будущего Элайдже Бейли и его напарнике Р.Даниэле Оливо («Р» значит робот). Детективная составляющая в диалогии, может быть, даже и не главная, социально-этические построения важнее – можно согласиться в этом с суждением одного из критиков. Но вот что эти психологические детективы написаны «под Филлис Дороти Джеймс» (очередной «королевы детектива») – ни в коем случае, романы Азимова вышли ранее.

В 1965 году в журнале «Молодая гвардия» впервые на русском опубликовали роман шведа Пера Валё «Гибель 31 отдела» (1964), затем переиздававшийся неоднократно. В сборнике скандинавской фантастики в 1971 году появился «Стальной прыжок» (1968). Автор множества «полицейских» романов, Валё и в этих произведениях с элементами антиутопии старается показать – честность и профессионализм инспекторов полиции, ведущих расследование даже не совсем обычных дел, способны сорвать любые планы заговорщиков...

Изданы на русском были «онтологические детективы» Станислава Лема – синтез детективной НФ и интеллектуального «расследования» философского романа: «Насморк» (1978) и «Расследование» (1989). Расследование «странных» явлений природы здесь лишь фон для научного «следствия», приводящего к парадоксальным выводам.

В конце восьмидесятых в Москве и Минске вышли в свет два сборника фантдетективов, наглядно продемонстрировавшие неоднозначность взглядов на этот «жанр». Предисловие к сборнику «Ночь, которая умирает» (1988) написал Парнов, озаглавив его «Дело об игре»: «Странная это игра – преследовать преступника по необъятным просторам галактики». Шестнадцать авторов из семи стран, не только всемирно известные Айзек Азимов, Пол Андерсон, Пьер Буль, Роберт Сильверберг, Дональд Уэстлейк, Джек Вэнс, Генри Каттнер и Кэтрин Мур, но также немец Герд Прокоп, японец Кодзи Танаки, поляк Конрад Филковский, чех Родомир Клабал. Парнов довольно удачно проанализировав «состав преступления» в каждом представленном в сборнике рассказе, делает вывод: ничего существенно нового в криминальную сферу фантдетектив не привнёс... В соответствии с авторской «сверхзадачей» дозировка фантастики и детектива в произведении может быть различна, но без таланта совершенно не важно, какого компонента больше!

«Загадка фантастического детектива» – так назвали своё предисловие к сборнику «Обнажённое солнце» (1990) составители Геннадий Ануфриев и Станислав Солодовников. Их взгляд на «жанр» несколько другой, из авторов предыдущего сборника здесь фигурируют лишь Азимов и Андерсон. Зато включены рассказы Амброза Бирса, Джона Кемпбелла, Горация Голда, Джека Водхемса, Сандро Сандрелли, Стива Алена, Вальтера Шерфа... В конце книги приведена «Библиография фантастического детектива» [зарубежного]: пятьдесят авторов, шестьдесят произведений. Разнообразен и неоднозначен фантастический детектив был даже двадцать лет назад...

С начала девяностых демократическая Россия стала приобщаться к общемировым «ценностям», и приоритеты (даже в фантдетективе) стали меняться... Выяснилось, что классический детектив любят прежде всего авторы фэнтези, очарованные неторопливой манерой расследования традиционных сыщиков (Холмса, Пуаро, мисс Марпл).

Характерный образец таких – цикл американца Рэндала Гарретта о лорде Дарси, главном следователе герцога Нормандского. В его мире при Ричарде Львиное Сердце история свернула на «параллельную» тропинку, и Магия заняла место науки. Так что кроме дедукции Дарси прибегает к помощи судебного волшебника... Роман «Слишком много волшебников» (1967) признан одним из лучших произведений в «жанре фантдетектива», на русском он издан в 1996 году в одноимённом сборнике произ-

ведений Гарретта, включающем также четыре повести того же цикла.

В 2002 году романом «Дракон Фануил» началось издание на русском цикла детективной фэнтези Дэниела Худа о приключениях Лайама Рэнфорда и его своеобразного партнёра – маленького дракончика, постоянно находящихся в ментальной связи. За два года в Москве выпустили пять романов серии.

Автор самого популярного цикла фантастического «крутого детектива» Глен Кук явно ориентировался на мастера «нуара» Рэймонда Чандлера. Его частный сыщик Гаррет, житель города Танфера, в котором магия не шутка, цинично-благородный романтик, наделён чертами как Фила Марлоу (героя Чандлера), так и Арчи Гудвина (героя Рекса Стаута). Ироничные романы Кука отчасти пародийны, чего только стоит образ партнёра Гаррета – лохгира Покойника (явно пародирующего Ниро Вульфа). Одиннадцать романов цикла на русском издавались с 1996 года, в 2004-2005 годах вышли три солидных тома, включивших десять романов: «Золотые сердца с червоточинкой», «Сладкозвучный серебряный блюз», «Холодные медные слёзы» и другие.

На «крутой детектив» как на источник творческого вдохновения ориентируются также англичане Саймон Грин, автор цикла о Джоне Тайлере с Ночной Стороны Лондона, и Мартин Скотт (Миллар), автор серии походов частного сыщика Фракса из Турая – пьяницы, бабника и игрока. Первый роман цикла «Фракс-ловкач» (1999) по праву получил Всемирную премию фэнтези. На русском издано уже семь романов (в 2001-2006 годах). А цикл фэнтези Грина «Хок и Фишер» (1991-) – другая ветвь фантдетектива, история про честных полицейских... Капитаны Стражи города Хейвена супруги Хок и Фишер борются как с колдунами и оборотнями, так и с наркоторговцами. На русском романы серии издавались неоднократно.

В XXI веке популярной во всём мире стала серия мистических детективов Джима Батчера «Файлы Дрездена» (в России из пятнадцати книг переведено уже восемь). Чародей-детектив Гарри Дрезден из Чикаго постоянно «спасает мир», взамен получая только неприятности...

Канадская писательница Таня Хафф в имевшем немалый успех цикле о паранормальном частном детективе из Торонто Виктории Нельсон, начавшемся с романа «Цена крови» (1991), попыталась синтезировать нуар и триллер. На русском из пяти книг сериала изданы три. Кстати, о приключениях «окультурного детектива» писал ещё сто лет назад английский классик Элджернон Блэквуд. «Несколько случаев из оккультной практики доктора Джона Сай-

ленса» включены в книгу Блэквуда «Вендиго» (Москва, 2005). Цикл детективных триллеров (они же мистико-фантастические детективы) француза Эрве Жюбера, начавшийся с «Кадрили убийц», примечателен созданием оригинального мира «постмодернистской» фэнтези.

Уже первая книга серии Джаспера Ффорде «Четверг Нонетот» «Дело Эйр» (2001) стала международным бестселлером. Героиня романов британского писателя – литектив, агент 27 отдела Спецдепартамента в альтернативной Британии (литективы расследуют «книжные» преступления). Несмотря на причудливость изображённого мира, это самые настоящие детективы «про честных полицейских».

Как авторы «полицейского боевика» фантасты не создали ничего нового: погони, драки, перестрелки... Тем не менее романы вроде «Космической полиции» (2001) Дианы Дуэйн и Питера Морвуда на русском издаются...

Современный зарубежный фантдетектив совсем не однозначен. Вот «гениальный хулиган французской нонконформистской фантастики» Бернар Вербер в конце девяностых решил обратиться к классическому сюжету, чтоб создать «собственного Шерлока Холмса». Написал роман «Отец наших отцов» (1998), переведенный в 2007 году на русский – «детектив, в котором действие развивается по законам жанра: преступление, расследование, подозреваемые...»

Хотя многие современные отечественные авторы не брезгают детективными сюжетами, запоминающихся детективов совсем немного. Остросюжетная интрига книги Юлии Латыниной «Иров день» (1992) разворачивается на некой планете в обществе с чертами Древнего Египта, средневекового Китая, Советской России!.. Повесть, впоследствии изменившая название на «Дело о пропавшем боге», стала первой из «Вейских Хроник», в которые входят уже три романа и четыре повести. Образ пронзительного чиновника Справедливости и Спокойствия господина Нана из Вейской Империи, расследующего и «Дело о лазоревом письме», и другие «дела», писательнице явно удался.

Немало дел расследовали ланчжун Палаты Наказаний Багатур Лобо и Срединный помощник Возвышенного Управления этического надзора Богдан Оуянцев-Сю, граждане альтернативно-утопической Ордуси – герои цикла романов «Плохих людей нет» Хольма ван Зайчика (Вячеслава Рыбакова и Игоря Алимova). «Дело жадного варвара» (2000), «Дело о незалежных дервишах» (2001), «Дело о полку Игореве» (2001) и другие, всего семь. Авторам удалось сделать привлекательными как версию мира, в

котором Русь объединилась с Золотой Ордой, так и образы главных героев. При всём при том, как и у Латыниной, при должной занимательности детективная интрига тут совсем не главное... Как и в «забавных фэнтезийных детективах» цикла «Лабиринты Ехо» Макса Фрая (Светланы Мартынчик и Игоря Степина), в цикле «Свод Равновесия» Александра Зорича (Яны Боцман и Дмитрия Гордевского). Это самые заметные в отечественной фантастике на сегодняшний день книги детективной тематики.

Но далеко не единственные. Писали фантастические детективы о приключениях следователя Кая Санди Юрий Щербатых и Борис Иванов, опубликованы фэнтези-детектив «Замок Пятнистой Розы» Андрея Легостаева (Николаева) и боевик «Сыщик» Романа Бурего (Марианны Алфёровой). Публикуются многочисленные так называемые «иронические детективы»: пенталогия «Тайный сыск царя Гороха» Андрея Белянина, десяток романов серии «Рабин Гут – принц ментов» Алексея Лютого, диалогия «Дракон-детектив» Татьяны и Александра Дихновых, «Ахти-маг» Михаила Бабкина,

о частном детективе Каштакове и его друге-чёрте пишет Алексей Калугин.

О детективном сюжете в этих произведениях всерьёз говорить не приходится, только с иронией...

В 2006 году издательство «Форум» к 120-летию появления в нашем мире великого сыщика выпустило сборник повестей и рассказов «Череп Шерлока Холмса». Из предисловия Натальи Резановой можно узнать, что «о Холмсе писали Стивен Кинг, Филипп Жозе Фармер, Пол Андерсон, Илья Варшавский, Евгений Войскунский и Исай Лукодьянов». А также Роджер Желязны, Сергей Лукьяненко, Челси Куин Ярбро и Билл Фоссет... «Интерпретации мифа всегда привлекали фантастов».

В сборнике представлено несколько вариантов фантдетектива: «альтернативная классика» (иные варианты классических сюжетов) – «Подлинная история Баскервильского Чудовища» Василия Щепетнева, пастиш (стилизация в классической манере) – «Самоубийство Джорджа Уиплоу» Павла Амнуэля, элементы НФ и мистики в классическом детективе – «Череп Шерлока Холмса» Даниэля Клугера и Александра Рыбалки, пародия и притча – «Друг мой Шерлок» Леонида Костюкова.

Можно выбрать любой путь, желательно – с одним условием. Писать надо так, чтоб «мурашки по коже» после прочтения бежали! А из произведений сборника лишь «Этюд в изумрудных тонах» Нила Геймена условию такому отчасти отвечает, по праву рассказ отмечен несколькими премиями! Хороший пример фантастического детектива XXI века!

«НФ»: НОБЕЛИАТЫ-ФАНТАСТЫ

Одной из форм поощрения успехов/достижений в литературе и науке третье столетие является «премия». Премий в мире множество, а уж в мире «фантастическом» (связанном с фантастикой) – супер-множество. Правда, значимость их очень различна. Больше века одной из наиболее престижных международных премий многие считают премию Нобелевскую. Ни один «явный» фантаст её не получал, но склонных к фантастике – «во всех её проявлениях» – среди лауреатов оказалось немало. Вот всего лишь три примера фантастики нобелиатов разных поколений.

В последнем году XX века старый мир рухнул... После полувека анархии создана Федерация Европейских Народов, вот туда-то (в 2270 год христианской эры) и попадает неким образом Ипполит Дюфрен, буржуазный сочинитель начала XX века. Тут всё чудесно: природа, транспорт, домики и садики, пекарня... В Париже уж никто не живёт, упразднены суды, торговля, армия; историю заменила статистика. Общество основано на полном упразднении частной собственности на средства производства и землю, денежное обращение забыто. Института брака нет, зато религий – множество! Защиту границ обеспечивают всемогущие «игрек-лучи». Один из аборигенов с удовлетворением заявляет: «Мы сделали жизнь сносной для всех». Утопия, естественно, оказывается лишь сном – «мало вероятия, что будущее таково», написал автор этого романа начала XX века.

Транснациональная «закулиса», окончательно уверившаяся в том, что в мире важны не только деньги, пресса и реклама, но и наука, чтоб завладеть миром окончательно, всю пиарит «инфрарадиоскоп», с помощью которого разоблачает попытку вторжения с Марса (фиктивного, разумеется). Вроде бы ужас

перед марсианами должен был привести к примирению Востока и Запада. Но случилось иное – атомная война, окончательную победу в которой одерживают марсиане, разобиженные тем, что масс-медиа изображали их жуками с семью волосатыми ногами! Это уже сочинение середины XX века.

«Всегда Вселенная наша отличалась гадостным характером», и богатая всяческими ресурсами планета Шикаста, колонизированная одной из трёх могущественных Империй космоса, прославившаяся контрастами и противоречиями – достойный представитель этой самой Вселенной... О многотысячелетнем противостоянии Империй Канопуса, Сириуса, Путтиоры повествует пенталогия истинной энтузиастки НФ конца XX века, написавшей в предисловии к первому роману цикла: «Я не устаю повторять, что НФ – самая своеобразная отрасль литературы, жанр наиболее изобретательный и остроумный»!

Первым среди нобелиатов автором «сайнс фикшн» стал и поныне самый «молодой» из них – талантливый и противоречивый британец Редьярд Киплинг (1865-1936), получивший премию за «наблюдательность, яркую фантазию, зрелость идей, мужественность стиля и выдающийся талант повествователя» в 42 года. Его маленькая диалогия «С ночной почтой» (1905) и «Просто как А.В.С.» (1912) могла бы и затеряться в «пыли веков», если бы не повторное «открытие» этих НФ-повестей благодаря публикации их знаменитым Джоном Кэмпбеллом в журнале «Эстаундинг» в 1937-м. По Киплингу следовало: развитие науки и техники к началу XXI века приведёт к подавлению демократии, к власти приходит технократия – Комитет Воздушного Контроля (Aerial Board of Control), он же А.В.С. Контроль над авиацией, ставшей основой жизни народов Земли, позволяет олигархам удерживать власть, попытки же бунта усмиряются ослепляющими лучами... К сожалению, на русском издана лишь вторая повесть – «В.К.С. Из жизни людей XXI века», да и то почти сто лет назад.

Киплинг часто обращался в своём творчестве к фантастике. Реже к «научной», опубликовав около десятка произведений, относимых ныне к предыстории НФ, и гораздо чаще к «фэнтези». Фэнтезийные произведения он начал писать в двадцатилетнем возрасте, и за последующие полвека опубликовал их множество. А две «Книги джунглей» с историей Маугли давно уж стали архетипическими! По праву во всех энциклопедиях фантастики статья о Киплинге занимает важное место.

О далёком будущем – глава пятая («Сквозь роговые врата, или Врата из слоновой кости») социально-философского романа «На белом камне» (1905) лауреата 1921-го года Анатоля Франса

(1844-1924) – классика мировой литературы XX века, получившего премию за «блестящие литературные исследования, обозначенные утончённостью стиля, глубоко выстраданным гуманизмом и действительно галльским темпераментом». Краткое содержание этой утопии о счастливом 2270-м изложено в начале очерка.

Франс вошёл в историю фантастики также шедевром политической сатиры «Остров пингвинов» (1907) – остросатирическим взглядом на процессы эволюции; философско-сатирическим романом «Восстание ангелов» (1913), из-за парадоксального смешения земного и небесного запрещённого католической церковью; сатирической фантастикой сборника «Семь жён Синей бороды» (1909), да и не только этим... Так что статья о Франсе в отечественной «Энциклопедии фантастики» очень даже к месту.

Огромным успехом во всём мире девяносто лет назад пользовалась «метабиологическая пенталогия» «Назад к Мафусаилу» (1918-1920) знаменитого английского драматурга и реформатора театра (а ещё и автора метких афоризмов) Джорджа Бернарда Шоу (1856-1950). Основным философским мотивом драмы из пяти не связанных частей был такой: причина неразумности жизни – её краткость, необходимо поэтому достичь «мафусаилова века»! Начиная с третьей части действие происходит в будущем – в 2170-м, 3000-м году, а в последней – озаглавленной «У предела мысли» (в одном из переводов – «Так далеко, как только может залететь мысль») – в 31920-м году после Р.Х. Дети тут «вылупляются» из яиц на пятнадцатом году жизни и начинают расти по минутам, чтобы полноценно и мудро прожить свои триста лет... После этой пьесы «дежурным» на несколько лет стало высказывание критиков «лишь самые смелые фантасты типа Уэллса и Шоу».

После присуждения в 1925 году Нобелевской премии за «творчество, отмеченное идеализмом и гуманизмом, за искромётную сатиру, которая часто сочетается с исключительной поэтической красотой» (Шоу от денежной составляющей премии отказался), таких смелых фантазий он не писал, но «сатирической фантастикой» в своём творчестве не пренебрегал до самых последних дней.

Кто ж не знает в нашем Отечестве (благодаря, конечно, замечательному советскому мультфильму 1955-го года «Заколдованный мальчик») сказку «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» (1906-1907) самой знаменитой женщины Швеции первой половины прошлого века Сельмы Лагерлёф (1858-1940)! А вот то, что это не единственное сказочно-фантастическое про-

изведение первой женщины-лауреата Нобелевской премии (1909), вручённой «за благородный идеализм, богатство фантазии и духовное проникновение», знают далеко не все. А ведь когда-то писали: «На первом месте у Лагерлёф – увлечение фантастикой!» И это так – во многих книгах писательницы действуют домовые, гномы, души умерших, даже «тот, чьё имя опасно называть»...

Поиски «синей птицы» в России давно уж стали синонимом погони за неуловимым счастьем, «Синяя птица» – непреходящим символом счастья и познания бытия. Век назад автору философской сказки под таким названием – бельгийскому драматургу Морису Метерлинку (1862-1949) была вручена Нобелевская премия «за многостороннюю литературную деятельность, особенно его драматические произведения, отмеченные богатством воображения и поэтической фантазией». «Классическая фигура международного декаданса», создатель символистского «театра смерти» не забыт и сейчас, только вот к «фантастам» причисляют его редко, а напрасно. Он не только мистик и символист, но и утопист, разве не ему принадлежит идея «Всеобщей Конфедерации планет Солнечной системы»!

О фантастике первого немецкого лауреата Нобелевки (1910) Пауля Хейзе (1830-1914), да и вообще о его творчестве, современный российский читатель представление вряд ли имеет. А между тем несколько его сказок и «рассказов о привидениях» переведены на русский как в начале XX века, так и в конце его.

В творчестве нескольких лауреатов начала XX века фантастика занимает лишь незначительное место. Получивший премию в 1912 году немецкий поэт, прозаик, драматург Герхарт Гауптман (1862-1946) в 1924-м публикует «сатирическую утопию» «Остров Великой Матери, или Чудо на Иль де-Дам» с подзаголовком «Приключение в утопическом архипелаге». Очень популярный в Советском Союзе французский писатель и общественный деятель Ромен Роллан (1866-1944) – лауреат 1915 года – печатает сатирический фарс о крушении буржуазного мира «Лилюли» (1919) и пишет сценарий «Бунт Машин, или Неистовство мысли» (1921, опубл. 1947), проиллюстрированный знаменитым Франсом Мазереелем. Очень тогда была популярная тема... Эпический реалист-натуралист из Польши Владислав Реймонт (1867-1925), получивший премию в 1924-м, тоже не чурался фантастики, опубликовав в 1910-м мистический роман «Вампир» (не раз издававшийся на русском), а в конце жизни – аллегории/сказки «Принцесса» (1923) и «Бунт» (1924).

Творчество выдающегося ирландского поэта и философа Уильяма Батлера Йейтса (1865-1939) интересующимся известно

– в начале XXI века издано немало его книг. Но вот что лауреат Нобелевской премии 1923 года ещё к тому же и «фантаст» – для многих будет «откровением»! Ну а как иначе, если не фантастическими, назвать многочисленные притчи-сказки этого оккультиста и мистика...

В тридцатые годы прошлого века самым значительным фантастическим произведением нобелиата стал несомненно роман «У нас это невозможно» (1935) первого американского лауреата премии (1930) Синклера Льюиса (1885-1951). Ну не зря же он называл своим любимым писателем Уэллса! В этом социально-фантастическом романе писатель изобразил возможное близкое будущее США, ставших фашистским государством. Уж эта-то книга на русском издавалась неоднократно!

Фантастика знаменитого итальянского драматурга и прозаика Луиджи Пиранделло (1867-1936), получившего премию в 1934-м – неявная, ускользающая; при том, что мир его поздних новелл – исключительно неправдоподобный. В Италии в 1993 году вышло собрание фантастических новелл Пиранделло 1895-1936 годов под названием «Вилла Хаоса», некоторые не раз издавались и на русском языке.

Нобелевская премия вручалась даже во время Второй мировой, в 1944-м премию получил классик датской литературы Йоханнес Вильгельм Йенсен (1873-1950) – за эпопею «Долгий путь» (1908-1928), причём первой частью этой знаменитой пенталогии романов-мифов стал известный и сегодня «доисторический» роман «Ледник», в котором «воображение и наблюдение, мечта и действительность объединились в единое целое». Даже на русском «Ледник» издавался неоднократно – на протяжении целого века.

Во время войны вышла в свет одна из самых удивительных книг середины XX века – эстетическая утопия в форме философского романа воспитания «Игра в бисер» (1943) мастера философской прозы из Швейцарии Германа Гессе (1877-1962). История страны Касталии и жизнеописание «магистра Игры» Кнехта написаны (как бы) историком будущего. Символика романа требует большой эрудиции для понимания глубины содержания, тем не менее этот яркий образчик «придуманного» фантастического мира оказал влияние на многих авторов именно «научной фантастики». Нобелевскую премию в 1946 году писатель получил, конечно, не за это (хотя во многом благодаря «Игре») – «за вдохновенное творчество, в котором всё с большей очевидностью проявляются классические идеалы гуманизма».

Отличаясь всю сознательную жизнь «мечтательной мистикой», написал этот автор множество сказок, но вот на вопрос «можно

ли назвать Гессе фантастом?» мейнстримовский критик чётко ответил полвека назад – нет! В энциклопедиях же фантастики статья о Гессе – обязательна. Такие дела.

В 1950 году премии по литературе был удостоен один из крупнейших учёных своего времени, английский философ, математик, общественный деятель Бертран Рассел (1872-1970), статья о котором в «Энциклопедиях фантастики» также не редкость. Ведь он в пятидесятые годы опубликовал три сборника фантастики, причём иногда – «естественнонаучной» (изложение его рассказа «Инфракрасный глаз» приведено в начале очерка). А ведь Рассел ещё и автор книги «Икар, или Будущее науки» (1924), довольно пессимистические выводы которой через девяносто лет уже не кажутся таковыми...

Два десятилетия поклонников НФ среди лауреатов не обнаруживается, но адептов «нереалистической» литературы – вполне достаточно. Хотя вот рассказ «Лифт в преисподнюю» из цикла «Злые сказки» классика шведской литературы Пера Лагерквиста (1891-1974) в Советском Союзе включили в антологию НФ «Конец детства»! А уж сколько всего притч и повестей-мифов написал лауреат 1951 года Лагерквист – трудно сосчитать...

Притчу «Чума» (1947) знаменитого экзистенциалиста Альбера Камю (1913-1960) некоторые критики также относят к фантастике. С лучшими образцами НФ тех лет роман лауреата 1957 года связывает «сверхзадача» – показать через призму фантастики «болевые точки» общества в его противоречиях и катаклизмах.

Глава французского экзистенциализма Жан Поль Сартр (1905-1980) также не пренебрегал в своём драматургическом творчестве фантастическими мотивами, но больший интерес представляет другое – идея лауреата 1964 года (хотя Сартр от премии отказался), высказанная им в начале сороковых: «Фантастике нельзя выгородить какую-то область – или её нет, или она распространяется на весь мир»!

В 1962-м премию вручили американцу Джону Стейнбеку (1902-1968), автору знаменитого (очень реалистичного) романа «Гроздь гнева». Но не брезговал писатель и мистикой с сатирической фантастикой, его рассказ «Святая дева Кэти» по праву включён в начале девяностых в один из популярных тогда сборников фантастики серии «Фата-Моргана».

Среди лауреатов шестидесятых годов соблазна фантастики не избежали также израильтянин Шмуэль Йосеф Агнон (1888-1970) – с его «рассказами про чудесное»; один из отцов нового латиноамериканского романа гватемалец Мигель Анхель Астуриас (1899-1974) – с его «мифологической» прозой; один из осново-

положников «театра абсурда» Сэмюэль Беккет (1906-1989) – с его алогичными, сюрреалистическими пьесами и рассказами.

В семидесятые к этой «компании» присоединился Исаак Башевис Зингер (1904-1991) из США – автор мистических историй с фольклорной чертовщиной, которого называли «еврейским Готорном». Тут, несомненно, надо сказать о субъективности причисления того или иного писателя к «фантастам» – на примере лауреата 1976 года Сола Беллоу (1915-2005). О его романе «Планета мистера Сэмлера» (1970) пишут в фантастических энциклопедиях, находя перекличку с «Марсианскими хрониками» Брэдли Стюарта, а между тем фантастики в книге и нет... Мечтают некоторые покинуть грешную Землю, ну так мечтать не вредно...

«Едва не налетев на астероид Хондо/ (и тем его открыв), мы взяли влево/ и поневоле проскочили Марс,/ и, чтобы нас не притянул Юпитер,/ легли в кривую ЛДЕ-12...» Пять строк из грандиозной НФ и философской поэмы «Аниара» (1956) ещё одного классика шведской литературы Харри Мартинсона (1904-1978) – лауреата Нобелевской премии 1974 года – естественно, не смогут передать её значения... Но то, что она не потеряла своего очарования и поныне, свидетельствует недавняя премия Еврокопа в Стокгольме за её сценическое воплощение. Даже в трагичном по тону космическом своём произведении, чуть ли не антиутопии, Мартинсон не терял веры в человеческие (сверхчеловеческие) возможности преодоления всевозможных и всяческих кризисов!

Среди лауреатов восьмидесятых годов прошлого века два знаковых для мировой фантастики имени. О творчестве «фантастического реалиста» колумбийца Габриеля Гарсиа Маркеса (р.1928), получившего премию в 1982 году как раз за «произведения, в которых реальность и фантазия сплелись в причудливый мир воображения», можно бы написать немало. Для данного очерка достаточно того, что его небольшой рассказ «Очень старый человек с большими крыльями» включён в представительную советскую антологию «Современная фантастика» (1988).

О классике британской литературы Уильяме Голдинге (1911-1993) обязательные статьи есть не только в англоязычных энциклопедиях фантастики! Лауреат Нобелевской 1983 года, автор нескольких философско-фантастических романов-притч оказал на развитие англоязычной НФ большое влияние, хотя сам «сайнс фикшн» не жаловал...

На фоне таких «гигантов» фольклорно-сказочное творчество нигерийского писателя Воле Шойинки (р.1934) – лауреата пре-

мии 1986 года – выглядит несколько несерьёзным, «игрушечным». Тем не менее английские переводы волшебнo-фантастических повестей, основанных на фольклоре народности йоруба, выполненные Шойинкой, получили немалую известность во всём мире. И лауреата премии 1993 года – афроамериканку из США Тони Моррисон (р.1931) к «фантастам» причислить непросто, ведь лишь в паре её романов значение имеют фантастические (мифологические) элементы. Но вот творчество португальца Жозе Сарамаго (1922-2010) для такой дефиниции поводов даёт предостаточно! Почти тридцать лет писатель экспериментировал со временем и пространством, вот и получил в 1998-м Нобелевскую за то, что «с иносказаниями, исполненными фантазии и иронии, делал ускользящую действительность понятной»...

В творчестве немца Гюнтера Грасса (р.1927) несомненны кафкианские мотивы, элементы сюрреализма и «театра абсурда». Писал он и о будущем, но опять же в присущей ему гротескно-абсурдистской форме. Знаменитый «Жестяной барабан» был опубликован ещё в 1959-м, но лишь через сорок лет автор этого восхитительного гротеска получил наконец Нобелевскую премию по литературе.

И в нашем веке среди нобелиатов не редкость нереалисты. Вот роман

любимца «высоколобых» читателей, обладателя двух Букеровских премий, южноафриканца Джона Максвелла Кутзее (р.1940) «В ожидании варваров» (1980) – не зря же за это произведение, действие в котором происходит в некой Империи, автор получил не очень-то и лестный титул «провинциальный Кафка» (хотя вернее было бы сравнивать роман с «Тартаром» Буццати). Автор философских притч Кутзее Нобелевскую в 2003-м получил по праву, ведь в его активе и другие фантазмагии, предлагающие задуматься над жизненными вопросами, а не просто плыть по течению.

Не очень реалистичен в творчестве «турецкий Умберто Эко» Орхан Памук (р.1952) – лауреат Нобелевской премии 2006 года, но насколько фантастичен – опять же только на усмотрении критиков. Вот лауреат следующего года – Дорис Лессинг (р.1919) – без всяких сомнений фантаст, это именно её высказывание о НФ приведено в начале очерка. Фантаст-то фантаст, да не очень оригинальный, даже Нобелевку (пишут) она получила прежде всего за «политкорректность». И «социальная космология», и мистические произведения Лессинг в своё время успех имели, но вот читателю современному все эти совсем неизобретательные произведения уже малоинтересны...

В нескольких романах лауреата 2009 года Жана Мари Гюстава Леклезио (р.1940) из Франции рассматривается некая галлюциногенная реальность – в духе незабвенного Филипа К.Дика. Жаль, что на русский переведено лишь «Путешествие по ту сторону» (чуть сказочное), а роман антиутопический, благодаря которому автор и попал в отечественную «Энциклопедию фантастики» (1995) – «Гиганты», повествующий о городе будущего Гиперполисе, так и не переведён.

Есть среди нобелиатов-фантастов получившие свои заслуженные награды совсем не за литературное творчество. Почти век назад удостоился премии в области физиологии и медицины знаменитый французский психофизиолог и гипнотизёр Шарль Рише (1850-1935), когда-то придумавший термин «эктоплазма». В конце позапрошлого века он был известен и как «футуролог» – автор большого очерка «Через сто лет», и как фантаст – под псевдонимом Шарль Эфейр. Одна из его повестей – «Микроб профессора Бакермана» в далёком 1893-м была переведена на русский язык.

Шведский специалист в области физики плазмы Ханнес Альфвен (1908-1995) получил Нобелевскую в 1970-м «за открытия в магнитной гидродинамике», в том числе – плазменных волн, получивших его имя. До этого он опубликовал – правда, под псевдонимом Улоф Йоханессон – фантастический памфлет «Сага о Большом компьютере» (1966), историю цивилизации, написанную в будущем, в котором и людей-то нет...

Есть фантасты даже среди лауреатов премии мира – более века назад, в 1905 году её получила за свою пацифистскую деятельность всемирно тогда известная австрийская писательница Берта фон Зутнер (1843-1914), первая в немецкоязычном мире женщина-«исследователь будущего». Одно из подобных её сочинений – «Мечты человечества: Роман ближайшего будущего» сто лет назад опубликовали на русском языке.

Любая премия субъективна, и Нобелевская – не исключение: обойти при награждении Уэллса, Чапека и Лема!.. Любителям фантастики остаётся утешаться тем, что из ста восьми лауреатов по литературе почти треть соблазна фантастики всё равно – в той или иной степени – не избежала.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ НАУКА

Насколько в современном обществе изменилось отношение к фантастике можно проследить на примере её восприятия учёными. Наука и фантастика, их взаимодействие и элементы конвергенция – полвека назад это была актуальная и достаточно обсуждаемая литературными и научными кругами тема. Только один Иван Антонович Ефремов – основатель новой отрасли науки и всемирно известный фантаст, в шестидесятих годах опубликовал десяток статей. О прочитанных книжных новинках фантастики не стеснялись говорить в интервью профессора университетов и члены-корреспонденты Академии наук, они и сами могли сочинить рассказик-другой. Давно это было... Конечно, и сейчас, когда фантастическая литература стала прежде всего товаром масс-культы, к её приёмам обращаются учёные. Самый последний пример – книга известного астрофизика и знаменитого популяризатора науки Стивена У.Хокинга (написанная в соавторстве с дочерью и французским журналистом) «Джордж и тайны Вселенной», на русском вышедшая в 2008-м году. «Поучать, развлекаая» – такова основная цель книги. Но ведь в прошлом веке всё было посерьёзнее: фантастика тогда являлась «территорией знания» не только для детишек.

В отечественную «Энциклопедию фантастики» (1995) включено немало статей об учёных – авторах научной фантастики (НФ). Среди зарубежных – всемирно известные Дени Дидро, Иоганн Кеплер, Камиль Фламарион, Роберт Вуд, Лео Силард, Фред Хойл, Карл Саган. Среди отечественных – не только «хрестоматийные» К.Э.Циолковский, В.А.Обручев, И.А.Ефремов, но Н.А.Морозов, А.А.Богданов (Малиновский), А.К.Гастев, Н.М.Амосов... Имен учёных, о которых пойдёт речь в нижеследующем очерке, в «Энциклопедии фантастики» нет; но не потому, что НФ-творчество их не представляет интереса. Этим имен нет и в библиографических списках – просто псевдонимы, под которыми они публиковали НФ, до сих пор оставались нераскрытыми.

Ничего хорошего не получается, если учёный «опережает своё время», того же Циолковского сколько лет все окружающие считали в лучшем случае «чудаком»! К сожалению в академической среде всегда довольно неприязненно встречали попытки популяризации/«профанации» ещё не устоявшихся теорий. Вот и в истории советской науки шестидесятих-семидесятих годов можно отыскать несколько интересных историй «опережения»,

не приходится удивляться, что авторы подобных публикаций постарались обзавестись псевдонимами.

В двух весенних номерах журнала «Химия и жизнь» за 1966 год увидел свет НФ-рассказ Михаила Владимиров «Остров Пуа-ту-тахи», в следующем году – под названием «Остров зеркального отражения» – опубликованный в сборнике «Вахта “Арамиса”» популярной тогда серии Лениздата «В мире фантастики и приключений». В предисловии составителей подчёркивалось, что «Владимиров» – псевдоним известного учёного, члена-корреспондента АН СССР. Построен рассказ «на зарубежном материале» (так тогда говорили), среди действующих лиц – репортёр Джонни Мелвин и профессор Эс Эй Хогланд, автор популярной книги «Люди, звери, растения». Правда, основное дело профессора – «конвариантная редупликация ДНК в связи с синтезом белков митотического аппарата»... Мелвин, конечно, не понимает... Он считает: «Человек преодолел природу. Ничем она нас уже не удивит». Как же он ошибается! Посланный волею шефа для современной «робинзоны» на необитаемый остров Пуа-ту-тахи в Микронезии, «плохой остров» – как считают туземцы, он сразу же встречается с неизвестными растительностью и живностью. Любая «снесь» здесь оказывается лишённой вкуса и питательности, Мелвина начинает мучить голод... «Всё не такое...Здесь ничего не загнивает...» Эндемичны не только виды – классы и даже типы!

К счастью для репортёра «робинзоны» заканчивается досрочно, позже же выясняется, что он побывал в своего рода «антимире»! «Основа жизни – белки, состоящие из аминокислотных звеньев. В живых организмах аминокислоты только левые, жизнь асимметрична...» Белки же острова состоят из правых аминокислот, как бы зеркальных отражений! Ещё Кэрролова Алиса спрашивала: можно ли пить зеркальное молоко? Да можно, только бесполезно, оно совсем не питательно... Если бы нормальный L-человек стал есть D-белки, он умер бы от голода, так как D-аминокислоты не сумели бы включиться в состав L-белкового мира.

Написанный совсем неплохо с литературной точки зрения, рассказ вполне мог увлечь любознательного читателя вплоть до чтения «дополнительной» литературы. И тогда бы он узнал, что ещё в 1848 году Луи Пастер обратил внимание на то, что молекулы обладают «хиральностью» – свойством не совпадать со своим зеркальным отображением. «Жизнь, каковой она предстаёт перед нами, является функцией асимметрии Вселенной и следствий этого факта» – заявление Пастера тех лет. Почему

земная жизнь предпочла для строительства белков «левые» аминокислоты – загадка, теоретически возможна жизнь и на основе «правых» аминокислот, но сейчас у них – по общепринятому мнению – шансов никаких, ведь вся земная жизнь построена на «левых» молекулах... Потому автор рассказа, известнейший в научных кругах советский физикохимик и биофизик М.В.Волькенштейн (1912-1992) и решил, что псевдоним ему совсем не помешает!

Михаил Владимирович происходил из знаменитой русско-еврейской семьи, его отец – известный в своё время петербургский драматург и искусствовед, вскоре переехавший в Москву. Ещё до окончания физфака Московского университета Михаил начал работу в Физико-химическом институте имени Карпова, после войны работал в «системе АН СССР»: Институте высокомолекулярных соединений, Институте молекулярной биологии. В 1966 году стал членом-корреспондентом АН, занимался физикой молекул и биофизикой, разрабатывал новые приложения теории информации в биологии. Автор нескольких монографий, лауреат Сталинской премии 1950 года. Параллельно преподавал, двадцать лет был профессором в ЛГУ, столько же – в МФТИ. Читал популярные лекции, издавал научно-популярные книги, много писал о редупликации ДНК (это было «основным делом профессора» – как в рассказе). Интересовался литературой, любил стихи и НФ; уже академиком заявил при случае на очередном симпозиуме, что фантастов талантливее, чем братья Стругацкие, представить не может! Сам писал стихи и НФ-рассказы (опубликован из них лишь один), автор интереснейшей статьи «Стихи как сложная информационная система». В общем, многогранный, успешный – как сейчас бы сказали, человек, проживший долгую интересную жизнь.

Вторая история совсем в другой тональности – ну кто из обычных читателей слышал о «советском Эйнштейне»? Вопрос риторический... Времена не выбирают, общепринятое мнение верно: плохо тому, кто «попал не в своё время»... В трёх выпусках достаточно популярного некогда ежегодника «На суше и на море» были опубликованы в 1969-1971 годах три текста некоего И.Верина – «для тех, кто любит размышлять». В разделе «Факты. Догадки. Случаи» увидели свет «фантастические раздумья» «Фундаментальный код», в которых автор попытался увязать «бесконечную эволюцию материи во Вселенной» с фундаментальным «симбиозом» её составляющих. Ведь существование человечества сопровождается огромным количеством удивительных совпадений. Не принимая во внимание «гипотезу Бога»,

остаётся только сделать вывод, что все материальные формы уже обладают необходимой информацией! Где же содержится «фундаментальный код развития материи»? В некоей очень устойчивой структуре меньше «элементарных» частиц – в «субчастицах»: космические лучи несут в себе фундаментальный код развития Вселенной! В приложенной к очерку справке было указано, что физик Илья Львович Верин родился в 1919 году в Нижнем Новгороде, что он автор монографий и статей по теоретической физике, десяти авторских свидетельств на изобретения, десятка сценариев научно-популярных и учебных фильмов.

В следующем выпуске ежегодника появилось «фантастическое повествование» Верина «Письмо землянам». Первого апреля несколько земных обсерваторий улавливают и записывают рационально организованные «звуки из космоса». Совсем не первоапрельская шутка, настоящее «письмо землянам», «написанное» с помощью некоего вселенского общебиологического кода. Загадки постепенно проясняются: вновь фигурируют «симбиоз» во вселенском масштабе и материя, обладающая информацией; появляются понятия «Главной энергии» и «периодического закона микрочастиц». Вводятся в повествование научные факты того времени: «частицы Кобозева», «Тобископ» доктора Гейкина. Подчёркивается диалектика жизни: сложное и простое сопутствуют друг другу... Вот заканчивается рассказ слишком «резко»: «Что-то в методике расшифровки не учли»... Явно не писатель Илья Львович...

Что и подтверждает «НФ-рассказ» «Невиданная энергия глубин» (1971), совсем не шедевр с литературной точки зрения, но для его автора «литературность» – совсем не главное, конёк его – именно «раздумья». Профессора Позднеева просто ненавидит академик Лапин, заявляющий: «Надо быть круглым идиотом, чтобы на мгновение допустить, что протон... – сложная система из шести тысяч более простых субчастиц!» Этот научный спор (хотя о чём тут спорить: позднеевские «работы противоречат основам физики, следовательно ошибочны») проходят на фоне применения брикетов «Главной энергии», выделяющейся в центре земного шара. Она добывается с глубин до двухсот километров и заключается в «энерготермосы», остаётся только снять с «энергетических консервов» разность потенциалов. Чувствуются отголоски действительных научных споров, достаточно прочесть такие строки: «Самый грамотный физик мира не понимает то, что знает» или «Нетерпимость к инакомыслящим ведёт к тому, что развитие науки прекращается»... Похоже, это что-то личное...

Всё похоже было и в действительности, «гений физики» – как считают его последователи, И.Л. Герловин (1919-1993) – такова настоящая фамилия автора «фантастических раздумий», признания в научном мире не получил... Хотя начинал научную деятельность вполне успешно, опубликовав первую монографию ещё в 1945 году в Горьком. Затем работал в Институте полупроводников, но вот там уже «не удержался» – руководство его «сумасшедших» теорий не поддержало. До пенсии работал наблюдателем в Пулковской обсерватории.

Получил некоторую известность – «скандальную» – после публикации в «Советской России» в мае 1976 года статьи директора ИТФ АН СССР членкора И.М.Халатникова «По поводу одной “научной теории”». В ней сообщалось, что монография М.М.Протодьяконова и И.Л.Герловина «Электронное строение и физические свойства кристаллов» (1975) и ЕТП вообще (единая теория поля), созданная старшим научным сотрудником Главной астрономической обсерватории Герловиным, были обсуждены общим собранием отделения общей физики и астрономии АН и вызвали единодушное осуждение. «Набор немотивированных словесных утверждений, объединённых в понятия так называемой ТФП» – просто «курьёз», а «погоня за сенсацией не имеет ничего общего с настоящим научным поиском!» Все экземпляры книги Протодьяконова и Герловина из московского магазина «Академкниги» были вывезены на грузовике в утиль, не помогло и то, что соавтор был доктором и заслуженным деятелем наук. Библиографической редкостью стала книга! После этого не приходится удивляться тому, что главный свой труд «Основы единой теории всех взаимодействий в веществе» Герловин опубликовал лишь в 1990 году за свой счёт!..

Двадцатью годами ранее публикациям «И.Верина» в ежегодниках «На суше и на море» очень поспособствовал авторитетнейший тогда фантаст А.П.Казанцев, написавший в автобиографическом «Пунктире воспоминаний» (1981): «Особенно плодотворными для меня как фантаста оказались возникшие дружеские отношения с замечательным физиком нашего времени Ильёй Львовичем Герловиным. Имя его – создателя ТФП – будет когда-нибудь произноситься наряду с именами творцов теории относительности... Герловин не отказался от ТО, она вошла органически в его более общую ТФП».

В «мнемоническом романе» «Фантаст» Казанцев описывает, как произошла их встреча: «Позвольте представить нашего советского Эйнштейна, вторгающегося в физику наших дней с позиций двадцать первого века»...Невысокий, склонный к полноте, с тихим, но уверенным голосом, человек говорит: «То, о чём я

доложу сегодня, мне не удаётся нигде опубликовать...» Было это ещё до выхода совместной монографии, в которой «периодическая система элементарных частиц» Герловина всё же увидела свет. Не помогло и это, теории «советского Эйнштейна», по мнению его сторонников вполне поддающиеся проверке, официально так и остались «научной сказкой»...

О схожих нелёгких путях научного поиска – посвящённый памяти Пьера Тейяра де Шардена фантастический рассказ Евгения Ларина «Отвечает Земля» в выпуске ежегодника «На суше и на море» за 1977 год. Готовящему диссертацию молодому учёному Нарову время от времени «мерещится» некая «фигура». Когда выясняется, что не только ему одному, он отказывается от работы над почти готовой диссертацией, начинает заниматься излучениями мозга на сверхдлинных волнах, чтобы «расшифровать код». Между ним и шефом, считающим, что телепатия это почти «чёрная магия», происходит такой диалог:

– Вы, простите, не учёный...Фантазёр.

– Не кажется ли вам, что отрицание неизученных явлений – лишь ограниченность и боязнь непонятого?

Знакомая ситуация. Похоже, знакомая автору рассказа (о котором ничего не сообщалось) не понаслышке... Занявшись расшифровкой двойного – пространственного и временного кода, Наров постоянно сталкивается с тем, что его идеи о слиянии мышления всего человечества в «единую мысль» оппоненты объявляют фантастикой. Но ему удаётся (вот она – фантастика) преодолеть препоны, создать «Комитет космической связи с инопланетным разумом» и через многие годы «мгновенную связь» установить. Заканчивается «антинаучный» рассказ на тему вселенской телепатии сентенцией, что Наров «жил трудно, но очень...счастливо»...

Рассказ Евгения Седова «Сюрпризы Карены» в том же ежегоднике за 1979 год – вроде бы совсем о другом. «Изумрудная чума» (сорняковый кустарник непонятого происхождения) начинает заполнять земной шар... Выясняется, что это «Карена» с планеты Аргос, и учёные начинают исследовать её «проделки». Прочитав лишь пару страниц, начинаешь догадываться, что автор рассказа – не писатель. В результате исследований выясняется, что Карена двулика – и растение, и животное, через некоторое время оказывается, что «сорняк» – решение продовольственных проблем и победа над раком! Но вот опять извечная тема: «Старая, как мир, история. Ты – талант, я всего лишь администратор»... И отличие-то всего лишь в наличии интуиции и даре предвидения!

Какая связь между этими не очень похожими рассказами? Существенная, ведь написал их один человек, доктор наук Евгений Александрович Седов (1929-1993), также личность неординарная. Вроде бы «технар» – кандидат технических наук, автор четырёх изобретений, много лет преподававший в Институте повышения квалификации МПСС (Министерства производства средств связи) и Российском открытом университете, профессор кафедры «Технология производства аппаратуры передачи и обработки информации», руководитель разработки и внедрения управляющих систем в связи. В то же время параллельно с практической работой занимавшийся – уже как философ и кибернетик – разработкой проблем теории информации. Среди его статей – «Вселенная как самоорганизующаяся кибернетическая система», разрабатывающая тезисы, впервые изложенные в давнем рассказе, опубликованном под псевдонимом. Седов разработал собственный курс лекций «Информационная системология», стал доктором философских наук; в то же время постоянно публиковал научно-популярные книги: «Репортаж с ничейной земли: Рассказы об информации» (1963), «Занимательно об электронике» (1966), «Эволюция и информация» (1976), «Мир электроники» (1990) и другие (переведённые на двенадцать языков). Написал четыре НФ-рассказа, два из них так и не были опубликованы, так как совсем уж не вписывались в «застойную» атмосферу тех лет.

Хотя всё в мире относительно, оно же всё едино – вот бытовое приложение теории относительности и теории фундаментального поля. Тридцать-сорок лет назад на фоне настоящих шедевров фантастики рассказы ученых, о которых шла речь, с литературной точки зрения, прямо скажем, не блистали. Однако дело популяризации науки они выполняли в должной мере: будили мысль читателя, подталкивали его к поиску новых путей. Пользуясь небывалым всплеском интереса к научной фантастике, учёные пытались привлечь внимание читателей к неординарным гипотезам, разрабатывая их в литературной «зоне». Чаще всего высказанные ими гипотетические предположения оставались не подтверждёнными, но несмотря на недоказанность гипотез и недостатки стиля, такая научная фантастика не стареет: оригинальные идеи ждут исследователей во все времена!

АКАДЕМИКИ СТРАНЫ СОВЕТОВ В СТРАНЕ ФАНТАЗИИ

Нет Страны Фантазии ни на географических картах, ни в звёздных атласах, тем не менее побывало в ней за несколько столетий гостей немало. Влекли их туда разные желания, ставили они разные цели; совсем немаловажным было стремление понять наш непростой реальный мир в век потрясений. Высветить тенденции развития науки и общества, заодно проявить ещё одну грань своего таланта не раз пытались и люди учёные. Сорок с лишним лет назад в серии «Зарубежная фантастика» издательства «Мир» даже вышел сборник НФ-произведений учёных «Пиршество демонов», в послесловии к которому химик и фантаст Еремей Парнов написал примечательные строки: «Только подход к НФ как уникальному явлению современной культуры позволяет понять, почему она оказалась столь притягательной для учёных». Лео Сцилард, Отто Фриш, Фред Хойл, Чэд Оливер, Леопольд Инфельд, Норберт Винер – «вот достаточно убедительный перечень крупных учёных, которых НФ “завербовала” в свои ряды»...

Подобного сборника НФ советских учёных так и не вышло за всё время существования Союза, хотя фантастики они написали немало, да ещё какой! Нормальные учёные, а не нынешние «смурные академики из самозванных академий»! Даже учёные «высшей категории» – члены Академии наук не стеснялись обращаться к такому виду творчества: фантастика может «обольстить» кого угодно. Конечно, к фантастике чаще всего учёные обращались ещё до того, как «бронзовели», но случались и исключения из правила.

Первая группа нетипична – это классики советской литературы, за свой «классицизм» и ставшие академиками. Если кто и не читал в Стране Советов, так всё равно слышал об «Аэлите» и «Гиперболоиде инженера Гарина» одного из основоположников советской НФ Алексея Николаевича Толстого (1883-1945). «Красный граф» так обстоятельно устроился в своей уютной нише (ордена, Сталинские премии, депутатство в Верховном Совете), что в избрании в АН СССР в 1939 году ничего удивительного не было. Через тридцать три года действительным членом Академии по отделению литературы и языка стал ещё один «великий русский писатель» (обладатель ещё БОльшого

числа регалий) – Леонид Максимович Леонов (1899-1994). Его фантастические произведения известны менее, хотя к фантастике он обращался в течении всей творческой жизни: сказка «Бурьга» (1922), социально-утопические главы романа «Дорога на Океан» (1935), киноповесть «Бегство мистера Мак-Кинли»(1961), роман в двух книгах «Пирамида»(1994).

Большинство НФ-произведений членов остальных пятнадцати отделений Академии на высокий литературный уровень претендовать вряд ли смогут. «Соединение в одном лице крупного литературного дарования с научно-дисциплинированным умом и глубокой эрудицией – явление до чрезвычайности редкое» – так вот писали в предисловии к одному фантастическому роману восемьдесят пять лет назад. Чаще всего «фантастика учёных» – беллетризованная, да и то не слишком, гипотеза; игра ума, как говорится.

«...Через несколько часов мы вышли за пределы доступного для чувства земного притяжения, и для нас более не было ни верха, ни низа...» Так незамысловато начинается «Путешествие в космическом пространстве» Николая Александровича Морозова (1854-1946) – революционера и учёного, в 1932 году ставшего почётным членом АН СССР. Этот «набросок», не раз публиковавшийся под различными названиями, был написан в самом начале двадцатипятилетнего тюремного заключения Морозова, за время которого тот написал двадцать шесть томов сочинений по естествознанию, математике, физике, астрономии, истории религии. Кроме описания «мысленного полёта на Луну» тот сочинил ещё несколько фантазий, собранных в 1910 году в сборник «научных полуфантазий» «На границе неведомого». Затрагивались малоизученные тогда проблемы: происхождение жизни, тайны атома, модное «четвёртое измерение». Это было естественным продолжением научной деятельности, ведь в вышедшей ранее книге «Периодические системы строения вещества» (1907) Морозов «предсказывал» существование инертных элементов, писал о сложном строении атома (которое связал с сущностью периодического закона химических элементов), выдвинул идеи о возможности разложения атомов и синтеза элементов. После революции 1917 года он предположил, что новые звёзды могут возникать в результате взрыва уже существовавших под влиянием радиоактивного распада вещества. Не зря называли Морозова «выдающимся учёным-энциклопедистом», он и мистические сочинения писал, правда в советское время пятитысячестраничный труд «Христос» называли не иначе как «монументальным памятником научной ошибке».

Ещё в конце тридцатых годов XX века был написан основной текст повести «Ошибка физиолога Нью» Моисея Александровича Маркова (1908-1994). Тогда он был лишь одним из сотрудников Физического института АН СССР, да и время было совсем неподходящим для подобных сочинений, так что повесть увидела свет только через полвека, за которые Марков в советской науке достиг самых вершин. Член-корреспондент (1953), действительный член (1966), академик-секретарь отделения ядерной физики АН СССР (1967), Герой Социалистического Труда (1978). Как физик-теоретик Марков оказал немалое влияние на развитие нелокальной теории поля, предложив правила коммутации поля и координат. Пионерские идеи его затрагивали самые актуальные проблемы, он разработал модель осциллирующей Вселенной, дал теоретические обоснования экспериментов по регистрации потоков нейтрино.

В своей фантастической повести Марков писал совсем о другом – о продлении жизни. Из авторского предисловия: «Другое направление в достижении той же цели связано с возможной “механизацией” человеческого организма... Давно хотелось проанализировать логическую структуру этого второго направления». Замечательное подтверждение высказыванию Еремея Парнова: «НФ для учёных – полигон испытания моральных проблем». Сам Марков прекрасно понимал степень «художественности» повести: «Если говорить строго, то по содержанию и композиции это не литературное произведение, а скорее, некоторые отрывочные мысли, высказанные вслух». При всём при том небольшую повесть, начинающуюся почти «мистически», продолжающуюся вполне реалистически (но с сочинением фантастического романа о марсианах пассажирами поезда дальнего следования), а заканчивающуюся предупреждением об опасностях, «которые могут в будущем грозить цивилизации», читать достаточно интересно; ведь приёмы Свифта, которыми воспользовался учёный, не устаревают вот уже сотни лет.

Этическим проблемам науки посвящен научно-фантастический (а точнее «научно-гипотетический») роман «Записки из будущего» Николая Михайловича Амосова (1913-2002) – прославленного советского хирурга, известного учёного (кибернетика и социолога). Первая часть романа «Старт» (1965) о жизни и работе учёных-медиков, готовящих уникальный эксперимент, увидела свет, когда автор был членом-корреспондентом АМН СССР; отрывки из второй части появились в печати незадолго до того, как Амосов стал действительным членом АН УССР (1969). Тридцать лет назад этот удивительный человек был популярнейшей личностью в Союзе. Получив медицинское

и техническое образование, профессор Амосов решал задачи хирургии, инженер Амосов разрабатывал чертежи аппаратов, а как зав. отделением биоэнергетики Института кибернетики занимался вопросами моделирования сложных систем.

Лауреат Ленинской премии (1961), Герой Социалистического Труда (1973) и к тому же писатель-прозаик, Амосов опубликовал более десятка книг. Ещё в повести «Мысли и сердце» (1964) не обошлось без философско-фантастических раздумий, актуальным тогда проблемам моделирования функций человека посвящена его «научная фантастика». Из второй части романа (похоже, так и не дописанной до конца) увидели свет в 1968-м лишь фрагменты: профессора Прохорова успешно выводят из состояния анабиоза в 2021 году, тот едет в Японию, где уже создан искусственный интеллект... Развёрнутой картины будущего писатель не представил, но тогда читали и такую фантастику, неспроста «Записки из будущего» издавались четырежды.

Непредвиденные обстоятельства способствовали тому, что ненадолго занесло в «Страну Фантазию» другого выдающегося советского медика, одного из основоположников космической биологии и медицины Василия Васильевича Парина (1903-1971). Члена ВКП(б) с 1939 года, академика АМН СССР с 1944 года, автора фундаментальных исследований лёгочного кровообращения и физиологии сердца в феврале 1947 года по надуманному обвинению арестовали и через год приговорили к двадцати пяти годам тюремного заключения! В камере Владимирской тюрьмы №2 судьба свела его с «духовидцем» и писателем Д.Л. Андреевым и историком/искусствоведом Л.Л. Раковым, все вместе они начали писать (благо времени было достаточно) «иллюстрированный биографический словарь воображаемых знаменитых деятелей всех стран и времён» под названием «Новейший Плутарх». Не прошло и полвека, и книга вышла – в 1991 году, с примечательным вступлением Вл.Новикова «Мудрость весёлой игры». Представление о книге может дать даже одна статья из неё: «Мексиканский биохимик, автор средства для депигментации негров». После смерти Сталина Парин был освобождён, с конца пятидесятых он участвовал в экспериментах на ИСЗ и космических кораблях «Восток», опубликовал труды по медицинской кибернетике; в 1966-м стал действительным членом АН СССР, но и тогда не стеснялся признаваться, что любит НФ!

Не только любил, но и писал самую настоящую НФ ещё один настоящий учёный, больше сорока лет остававшийся «инкогнито». Весной 1966 года увидел свет НФ-рассказ Михаила Владимировича «Остров Пуатутахи», в следующем году – под названием «Остров зеркального отражения» опубликованный в сборнике

«Вахта “Арамиса”» популярной тогда серии «В мире фантастики и приключений». В предисловии составителей подчёркивалось, что «Владимиров» – псевдоним известного учёного, члена-корреспондента АН СССР. Построен рассказ «на зарубежном материале» (так тогда говорили), среди действующих лиц – репортёр Джонни Мелвин и профессор Эс Эй Хогланд, автор популярной книги «Люди, звери, растения». Правда, основное дело профессора – «конвариантная редупликация ДНК в связи с синтезом белков митотического аппарата»... Мелвин, конечно, ничего не понимает, тем не менее он уверен: «Человек преодолел природу. Ничем она нас уже не удивит».

Как же он ошибается! Посланный волею шефа для современной «робинзоны» на необитаемый остров Пуа-ту-тахи в Микронезии, «плохой остров» – как считают туземцы, он сразу же встречается с незнакомыми растительностью и живностью. Любая «снесь» здесь оказывается лишённой вкуса и питательности, Мелвина начинает мучить голод... «Всё не такое...Здесь ничего не гнивает...» Эндемичны не только виды – классы и даже типы! К счастью для репортёра «робинзоны» заканчивается досрочно. Позже выясняется, что он побывал в своего рода «антимире»! «Основа жизни – белки, состоящие из аминокислотных звеньев. В живых организмах аминокислоты только левые, жизнь асимметрична...» Белки же острова состоят из правых аминокислот, как бы зеркальных отражений! Ещё Кэрролова Алиса спрашивала: можно ли пить зеркальное молоко? Да можно, только бесполезно, оно совсем не питательно... Если бы нормальный L-человек стал есть D-белки, он умер бы от голода, так как D-аминокислоты не сумели бы включиться в состав L-белкового мира.

Написанный совсем неплохо с литературной точки зрения, рассказ вполне мог увлечь любознательного читателя. Заинтересовавшись и прочтя «дополнительную» литературу, он смог бы узнать, что ещё в 1848 году Луи Пастер обратил внимание на то, что молекулы обладают «хиральностью» – свойством не совпадать со своим зеркальным отображением. «Жизнь, каковой она предстаёт перед нами, является функцией асимметрии Вселенной и следствий этого факта» – заявление Пастера тех лет. Почему земная жизнь предпочла для строительства белков «левые» аминокислоты – загадка, теоретически возможна жизнь и на основе «правых» аминокислот, но сейчас у них – по общепринятому мнению – шансов никаких, ведь вся земная жизнь построена на «левых» молекулах... Потому автор рассказа, известнейший в научных кругах советский физикохимик и биофи-

зик М.В.Волькенштейн (1912-1992) и решил, что псевдоним ему совсем не помешает!

Михаил Владимирович ещё до окончания физфака Московского университета начал работу в Физико-химическом институте имени Карпова, после войны работал в «системе АН СССР»: Институте высокомолекулярных соединений, Институте молекулярной биологии. В 1966 году стал членом-корреспондентом АН, занимался физикой молекул и биофизикой, разрабатывал новые приложения теории информации в биологии. Автор нескольких монографий, лауреат Сталинской премии 1950 года. Параллельно преподавал, двадцать лет был профессором в ЛГУ, столько же – в МФТИ. Читал популярные лекции, издавал научно-популярные книги, много писал о редупликации ДНК (это было «основным делом профессора» – как в рассказе). Интересовался литературой, любил стихи и НФ; уже академиком заявил при случае на очередном симпозиуме, что фантастов талантливей, чем братья Стругацкие, представить не может! Сам писал стихи и НФ-рассказы (опубликован из них лишь один), автор интереснейшей статьи «Стихи как сложная информационная система». В общем, многогранный, успешный – как сейчас бы сказали, человек, проживший долгую интересную жизнь. В своём фантастическом рассказе он никаких «Америк не открыл», но впервые в советской литературе очень наглядно показал, что же такое асимметричная «левосторонность» аминокислот.

Тут хочется отметить, что публикация НФ-произведений под псевдонимами среди учёных – явление нередкое, кто такие И. Верин или Евгений Ларин и сейчас знают лишь немногие. Вот ещё пример: почти полвека назад в сборнике «Фантастика, 1962 год» увидел свет рассказ Юрия Цветкова «995-й святой» – о средневековом католике, превратившемся не без помощи «небесного камня» (и «атомных бактерий») в статую из чистого европия (металл такой редкий с атомным номером 63). В 1963 году в Киеве на украинском языке вышел небольшой сборник фантастики Цветкова «Шукайте Иоахима Кунца» и ... пропал автор... Только после публикации мемуаров украинского учёного и писателя Юрия Яковлевича Фиалкова (1931-2002) прояснилось, что Цветков – его псевдоним. Потомственный химик, сын члена-корреспондента АН СССР, сам он до академика не дорос, но докторскую защитил в тридцать четыре года, Госпремию СССР получил, заслуженным деятелем науки и техники стал. Был известен как популяризатор науки, опубликовавший пятнадцать книг. В одну из них – «Как там у вас на Бета-Лире?» (1977), рассказывающую о проблемах космохимии, включил несколько собственных «популяризаторских» НФ-рассказиков. А вот вполне

серьёзный фантастический рассказ «Тревожные дни Иезекоса Риго, менялы из Галле» так и не опубликовали из-за «еврейской темы», бывшей в СССР совсем непопулярной.

Область профессиональных интересов стала основой для фантастики специалиста по геологии рудных месторождений Анатолия Алексеевича Сидорова (р.1932), директора НИИ, члена-корреспондента АН СССР (1990), заслуженного деятеля науки РСФСР (1991). Кроме пятнадцати научных монографий он опубликовал в 1997 году в Магадане небольшую книжку «Проект Мохо (когда уходят гномы)». Как связан в ней проект скважины до границы Мохоровичича и получение керна из земной мантии с фантазийными «гномами» выяснить пока не удалось – уж больно мал тираж книжечки...

В декабре 1990 года членом-корреспондентом АН СССР по Отделению математики был избран Анатолий Тимофеевич Фоменко (р.1945), в 1994-м ставший самым молодым на тот момент действительным членом РАН. Разносторонность и неординарность будущий академик проявлял с детства: занимался в кружке юннатов, рисовал, победил в физматолимпиаде, в двенадцать лет написал НФ-повесть «Тайна Млечного пути», первая часть которой увидела свет в «Пионерской правде» в декабре 1958-январе 1959 года. Понятно, что в «опусе» шестиклассника об исследовании Вселенной в 2020 году было немало огрехов, так редакция предложила отыскать их читателям!

Поступив в МГУ, Фоменко всерьёз занялся математикой, ещё студентом пятого курса выпустил (в соавторстве) учебное пособие по топологии со своими иллюстрациями. В двадцать шесть лет защитил докторскую, в тридцать пять стал профессором кафедры высшей геометрии и топологии. Занимался решением многомерных вариационных задач и исследованием динамических систем в симплектической топологии и гамильтоновой механике, опубликовал более полутора сотен статей и более двадцати книг. Академик РАЕН (Академии естественных наук, 1991), АН Высшей школы (1993), АТН РФ (Академии технологических наук, 2009), был замом секретаря-академика Отделения математики, лауреат нескольких премий, в том числе Госпремии РФ (1996). Достаточно известен как художник «математического» направления, проиллюстрировал роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», стал главным художником мультфильма «Перевал»... То есть фантастику не оставил, что и проявилось в его «новой хронологии», которой Фоменко всерьёз занялся с девяностых годов XX века. Немало историков, правда, относит подобные труды к «альтернативно-историческому» разряду...

Были свои академики-«фантасты» и в других республиках Союза. Основателем казахской научной фантастики называют в Республике Казахстан Акжана Жаксыбековича Машанова (1906-1997) – доктора геолого-минералогических наук, принимавшего участие в учреждении АН Казахской ССР и в 1946 году ставшего одним из первых её членов-корреспондентов. Человек многогранный, один из основателей геомеханики, ставший на излёте жизни известным исследователем наследия древнего арабского учёного аль Фараби, Машанов не раз обращался к НФ: «Тайна земли» (1948), «Путешествие в недра земли» (1957). Уже после смерти автора вышли «История, завязанная в камне» – дополненный вариант «Путешествия...» и роман «Табу». Все эти книги выходили только на казахском языке, так что судить о них русскому читателю нелегко...

Даже немногочисленные приведённые примеры подтверждают апологетическое высказывание Парнова из его предисловия к книге академика Маркова: «Чудесный сплав искусства и точного знания, которым, собственно, и является фантастика, не вмещается в узкие рамки определений». Это, конечно, о той «старой» советской научной фантастике, время которой всё же прошло. Но лучшие её произведения, в том числе некоторых академиков, несмотря ни на что читаются (и переиздаются) даже сейчас.

ИМАЖИНАТИВНАЯ СОЦИОМЕХАНИКА (Был ли Логик фантастом?)

На фантконвенте Еврокон-78 в Брюсселе приз за лучший НФ-роман был присуждён Александру Зиновьеву, бывшему советскому учёному, жившему тогда в Мюнхене – за книгу «Зияющие высоты», опубликованную в 1976 году в Лозанне (Швейцария) и принёсшую автору мировую известность. Непростую книгу, многослойную и разноплановую, но ни в коей мере не «научно-фантастическую»! Такие дела. При выдумывании её «автору никто не помогал. Никто не читал. Никто не высказывал ценных критических замечаний. И автор всем благодарен за это» был от души.

Сатирико-социологический анализ фундаментальных законов общественного бытия с НФ сближает разве что пояснение к нему: Книга составлена из обрывков рукописи, найденных случайно. Сравните с подзаголовком (Рукопись, обнаруженная при странных обстоятельствах) повести братьев Стругацких «За миллиард лет до конца света», опубликованной в том же 1976-м.

Конечно, книга Зиновьева о перипетиях жизни разнообразных Ибановых в Ибанске, где все мероприятия исторические, предоставляет богатые возможности для её трактовки. Во-первых, как сатиры на советское общество, и эта трактовка до 1991 года была наиболее востребованной, благо сатиры там хоть отбавляй! Даже «злопыхательства», как предпочитали говорить в восьмидесятые. Примеров этого в книге масса.

«Социзм есть вымышленный строй общества, который сложился бы, если бы в обществе индивиды совершали поступки

исключительно по социальным законам, но который невозможен в силу ложности исходных допущений. Социзм имеет свою ошибочную теорию и неправильную практику, но что здесь есть теория и что есть практика, установить невозможно как теоретически, так и практически...» К полному «изму» – путь по спирали, высшие витки которой опускаются ниже низших, за счёт чего и достигается поступательное движение вперёд.

В семисотстраничной книге множество сатирических картинок и портретов. К примеру: некто был знаком «с достижениями болтовни по поводу открытий современной физики», другие «вели дискуссию по всем канонам научной дискуссии: каждый кричал своё и не слушал другого». Там много всего... Наша реальность не может быть описана ни в какой теории, легче построить атомный реактор, чем хорошее хранилище для картошки. А народ в этой реальности должен вести себя так, как будто начальство на самом деле не смешное, а умное, доброе, справедливое...

Вот суждения о власти, науке, искусстве. Сама власть есть главное дело. Воспроизводство власти есть часть этого дела. Ибанское общество – весьма сложная дифференцированная и иерархически структурированная система привилегий... И не важно, что некто не может «отличить Гегеля от Бебеля, Бебеля от Бабеля, Бабеля от кабеля, кабеля от кобеля, кобеля от Гоголя...» Ибанскую науку Зиновьев рисует только в гротескном ключе: «В науку пробрались несколько настоящих ученых!» «Ураган научных открытий нашего времени в значительной мере есть социальный ветер, а не ветер познания... Лет через сто узнаем, кто был настоящий учёный...» Ещё примечательное: «Матореализм как высшая стадия материализма до возникновения диамата. Мат – универсальный сверхязык, на котором можно обращаться даже к внеземным цивилизациям... А в ибанском искусстве закон один: чем выше зад, который удаётся вылизать художнику, тем крупнее художник!

Второй, и более важный слой книги – социологическое исследование «механизмов» общества, социомеханика Зиновьева: «социальные законы одни и те же всегда и везде, где образуются достаточно большие скопления социальных индивидуумов, позволяющие говорить об обществе».

Подобными исследованиями учёный занимался ещё с пятидесятых годов, разрабатывая логическую онтологию, но в СССР они поддержки не нашли. Потому и состоят «Зияющие высоты»

на треть из социологических «кусков», рассматривающих основные аспекты социальной организации: коммунальный, деловой, менталитетный. Впоследствии, выбрав эти куски и скомпоновав их иначе, Зиновьев получил книгу «Коммунизм как реальность», за которую был даже отмечен премией Токвиля по социологии. Хотя подавляющая часть профессиональной социологической среды его сразу чуть ли не возненавидела.

В итоге Зиновьев разработал социологическую теорию для любых социальных объектов, с конкретизацией – для коммунистической, западнистой, постсоветской систем. Эту теорию (которая сама по себе метод) он сначала называл «социомеханикой», затем «логической социологией» – чтобы отделиться от того, что сочиняют социологи обычные. Сам Логик считал их разными науками, как химию и алхимию...

О «социомеханике» взамен мейерхольдовского принципа «биомеханики» упоминал ещё А.В.Луначарский за полвека до Зиновьева. Но по его рассуждениям, рассматривающим человека как клетку в большом социальном механизме, изучая и изображая человека в его социальной среде, можно было создать (всего лишь) полнокровный жизненный образ в театре. Зиновьев задачу ставил гораздо сложнее. Чувствуя «моральный долг не перед людьми, а перед самим собой», он пытался создать «точную науку про общество».

«Принято думать, что человеческое общество есть одно из самых сложных явлений, и по этой причине его изучение сопряжено с необычайными трудностями. На самом деле... общество есть наиболее лёгкое для изучения явление, а законы общества примитивны и общедоступны» (!) Далее в своём «плотном» (особенно вначале) тексте философ и логик это и пытается показать. Ниже следует компендиум основных положений.

О законах

Научный закон есть утверждение, обладающее такими признаками:

1. оно истинно лишь при определённых условиях, 2. при этих условиях оно истинно всегда и везде, 3. условия, при которых истинно такое утверждение, никогда не реализуются в действительности полностью.

Социальные законы суть правила поведения: меньше дать и больше взять, меньше ответственности и больше почёта, и т.д. Люди стремятся официально выглядеть тем лучше, чем они хуже становятся на самом деле. Они сначала

усиленно скрывают правду, а потом не могут узнать её даже при желании. Врут потому, что обман есть наиболее выгодная форма социального поведения. Есть и объективные законы дезинформации – вроде законов тяготения...

Социальная оценка проблемы как важной или неважной не совпадает с её гносеологической оценкой как трудной или нетрудной. Но в силу социальных отношений важную проблему оценивают и как гносеологически трудную. Ошибка неизбежна – как социальное явление.

Основной закон отношения социального и официального – стремление к их соответствию и даже совпадению. Но в массовом исполнении даже величайшая мудрость совпадает с величайшей глупостью.

Один из глубочайших социальных законов: индивид должен быть ограничен во всех отношениях...

Об обществе.

Основная трудность понимания общественных явлений в том, чтобы найти способ организации видения очевидного, способ понимания повседневности.

Общество можно представить как огромное число клеточек, связанных друг с другом и осуществляющих действия независимо от того, есть в них человек или нет. Социальным индивидом может быть не только отдельный человек, но и группа людей, объединение групп, даже целая страна. Социальное действие есть действие индивида. Люди осуществляют их в силу социальных законов. Социальная группа есть скопление из двух и более социальных индивидов (не всякое). Социальные отношения суть отношения индивида к своей группе, группы к своему индивиду, индивида к обществу, общества к индивиду...

Для построения любого общества достаточно иметь некоторое множество индивидов и предоставить их самим себе... Социальные системы относятся к числу эмпирических. Отсюда два типа исследовательских задач:

1. исследование самой системы, 2. решение проблем с учётом того, что приходится иметь дело с системой. Для теории социальных систем безразлично, сложилась та или иная система естественно, или была изобретена искусственно. Социальная оппозиция должна перестать рядиться в чуждые ей оболочки науки и искусства, должна выступать в своей собственной роли.

Из любых исходных предпосылок можно вывести любое общественное устройство. Из допущения свободы и равенства – отеческий террор и привилегии. Из допущения насилия – разгул свирепой демократии. Содержание предпосылок не играет роли.

Социальный тип общества в значительной мере характеризуется типом руководителя. Вопрос о руководителях – один из центральных для социологии. Если руководство хочет добра, оно должно стремиться к стабильности, а не к преобразованиям. Власть имеет огромную разрушительную и ничтожную созидательную силу. Она не способна систематически выполнять свои обещания. Позитивным обещаниям власти никто не верит, не верит и она сама...

С точки зрения науки «ибанское» общество – громоздкая по размерам и числу элементов, но примитивная по организации социальная система, стремящаяся к полной однородности и стабилизирующаяся на минимальном уровне положительных и максимальном уровне отрицательных параметров. (И наоборот! Как ни странно...) Общество, провозглашающее лозунг, согласно которому интересы народа в целом превыше интересов отдельного человека, есть общество неправовое. Формула организации таких социальных систем: величины полного порядка и беспорядка совпадают. Математически, если причины и последствия соизмеримы, то следствие не превосходит причины.

Чтобы эту систему развалить, должна быть приложена энергия, близкая к бесконечности. Или система развалится сама без всяких усилий, но какова величина времени при этом... (Да, некоторые построения Логика через сорок лет выглядят несколько «фантастическими», но это не так). Ещё одно из таких утверждений: Нужна гласность. В любой форме...

Нельзя уничтожить плохое свойство действительности, не уничтожив связанное с ним хорошее. Нельзя создать хорошее, не породив связанное с ним плохое...

Социальная жизнь подчиняется законам комбинаторики. Разговоры о какой-то принципиальной сложности познания общественных явлений суть сказки невежественных в этой области людей. В принципе все свойства социальных систем поддаются измерению. Чем тщательнее скрываются социальные тайны, тем явственнее они вылезают наружу.

Тема политики – самая скользкая тема разговоров на социальные темы. Политика есть вопрос о власти. Но не всегда вопрос о власти есть политика. Программа преобразований проста: 1. минимизация аппарата управления, 2. свобода действий руководителей и персональная ответственность за результат, 3. право руководимых на самозащиту. (Программа проста, но всё-таки «фантастична»).

Общества без морали не бывает. Мораль как социально значимая величина – лишь способ поведения. Совесть относится к

волевым поступкам людей по отношению к другим людям. Социальным законом является тенденция к неморальным (несовестным) поступкам. Но основу подлинно человеческого бытия составляет правда. Правда о себе, о других. Беспощадная правда...

О человеке.

Таинственная «душа» – лишь общеизвестный бардак, возведённый в энную степень, перенесённый в голову, но не преобразованный в ней. Негативные и позитивные качества бывают настолько похожи, что люди долго не замечают различия. Как правило, они становятся жертвами своих собственных измышлений. Самые гнусные поступки совершают обычно порядочные люди. Самые страшные драмы разыгрываются у всех на виду. Это наша обыденная жизнь.

Родители должны испытывать ответственность за детей, если хотят, чтобы было кому за них отомстить. Жертвы всегда напрасны. Сознание жертвенности поступков мучительно, ложно и бесплодно. Поступки должны оцениваться исключительно по цели и результатам.

Призыв познать человека – ложная проблема. Что такое человек? Комбинация конечного числа признаков. Правда, люди ничто так часто не нарушают, как законы логики. Существует проблема надёжности человека – лучше одному. Не легче, но честнее. Если человек приучается избегать тайны, он – социальная штука и не более. Пустышка. Но вот «принципиальных» быстро загоняют в безвыходные тупики и обрекают на страдания...

Имея дело с женщиной, будь готов к неожиданностям. Настоящие мужчины не играют в хоккей, футбол и политику. Настоящие мужчины вообще не играют.

Мы слишком много думаем и мало делаем. Много думаем, потому что не умеем действовать. Жизнь без страха смерти и прочих отрицательных чувств лишена человеческого содержания. Истина банальна: поступайте, как считаете нужным, время решит, чему и как быть.

О науке

Науки есть естественные и неестественные (то бишь общественные)... Учение о мире – чисто социологическое явление, ничего общего, кроме словесной формы, не имеющего с наукой. Идеология и наука суть взаимно исключаящие явления.

(Советскую науку Логик не жаловал, показывая целью большинства «учёных» «как можно больше наговорить нечто невнятное, с десятком непонятных терминов»... Вроде такого: «Будем

рассматривать общество как гомогенную систему из конечного множества суперперсонализированных элементов, отображаемую на гомоморфное подмножество кортежей»... Вот это «наука»!)

Об интеллигенции

Интеллигент – некое социальное явление из общесоциальной среды... Невозможно провести чёткие грани этого явления. Образованность и интеллигентность тесно связаны, но это не одно и то же. Интеллигентность общества – способность общества к объективному самопознанию, духовному самоусовершенствованию. Интеллигентность критична и оппозиционна по самой своей функции в обществе. Интеллигент – это говорящий правду об обществе вообще и о власти в том числе. Чтобы уничтожить интеллигенцию, не надо даже на неё нападать. Достаточно её не охранять...

Немного парадоксов Зиновьева (они чуть ли не на каждой странице).

- Наивность есть тоже идеология.
- Диалектическая логика учит, что все понятия и вещи изворотливы, скользки
- Всё устаревшее и отжившее надо душить в зародыше.
- Чужой – это сначала всегда свой.
- Суждения о прошлом, которые кажутся истинными теперь, не обязательно истинны в прошлом.
- Потому ты такой трусливый... Ты, оказывается, поэт.
- Если катастрофа кратковременна, она воспринимается как случайность.

Растянута во времени – не воспринимается как катастрофа.

- Если в какой-нибудь области культуры её представители начинают беспокоиться о её чистоте – верный признак того, что дело нечисто.

Вот такая книга получилась у Александра Александровича Зиновьева (1922-2006), девяносто лет со дня рождения которого (в обычном селе Костромской губернии) – в конце октября. Книга необычная, книга непривычная, так и не получившая должного резонанса в научном мире.

Так ведь крестьянский сын, ставший истинным философом и открывателем фундаментальных социологических законов, «человек из Утопии», создавший «жанр социологического романа», довольно органично сочетающего науку и беллетристику, сам же писал: «При рождении я не давал подписки одобрять всё то, что

они натворили. Я никому ничего не должен. Моё моральное право что-то принимать в этом мире, а что-то отвергать»...

Вот «коллеги» и не приняли... Романы – пусть в них соединены народной смеховой культурой в традициях Рабле лучшие черты произведений Щедрина, Бердяева, Высоцкого, всё-таки «беллетристика». Даже друг, философ Карл Кантор писал прежде всего о том, что «в 1976 году на небосклоне мировой литературы возшла новая звезда русского искусства».

К тому же Зиновьев своей социомеханикой лишал человека последних объективных оснований для самомнения и гордости. Зиновьев – «страшный человек», не оставляющий места для иллюзий и игры. А жить без этого, похоже, нельзя... Когда всё облекается в беспощадные формулировки, то становится невыносимо скучно... Сам Логик считал, что перспектив распространения и реализации его трудов нет. Ведь человек, овладевший его теорией-методом, будет лучше понимать реальность, отбрасывая всяческие иллюзии. А зачем?..

Тем не менее в начале XXI века о социомеханике как «реальной» науке стали говорить вполне серьёзно, хотя в словарях расшифровки термина нет до сих пор. Питерские исследователи прошлого, настоящего и будущего Сергей Переслегин, Николай Ютанов, Андрей Столяров термином этим оперируют повсюду. По их формулировкам «социомеханика» – философская дисциплина, изучающая наиболее общие закономерности динамики гипотетических социальных систем, или – комплекс представлений об эволюции тех же систем. Но тот же Переслегин выводит социомеханику из произведений Ивана Ефремова, он даже написал примечательный текст под названием «Социомеханика в романах Ефремова».

Термин входит в научный оборот, социомеханика применяется для выработки экономических стратегий (С.Сурков), специалист по развитию интеллекта В.Венгер рассматривает её вообще как «базис для науки!» Только вот «имажинативную социомеханику» Зиновьева – как дисциплину не совсем научную, вроде как полужанитарную, забывают... Напрасно, ну какой же из Логика фантаст?

ДЕСЯТЬ КНИГ ОДНОГО ВЕКА (ВОСПОМИНАНИЯ КАК РАЗМЫШЛЕНИЯ)

«Habent sua fata libelli / Книги имеют свою судьбу» – полстроки из стихотворного трактата римского грамматика Теренциана Мавра давно стали «крылатым» и часто употребляемым выражением. А вот полностью строку знают меньше – «оценка читателя книгам судьбу назначает», в смысле – потомки могут оценить книгу совсем иначе... Так бывает чаще – когда мнения современников и потомков расходятся. А на обширной «территории» фантастической литературы большинство книг даже через год уже никто не помнит, кроме их авторов да коллекционеров. Другое дело, если книга не даёт себя забыть...

Когда и где вышел первый сборник фантастики нескольких авторов? История не очень фантастическая, но достаточно занимательная. Американцы, естественно, считают, что именно у них в 1927 году – сборник «Лунный ужас» (The Moon Terror and Other Stories), составленный А.Г. Бирчем из произведений, опубликованных в известном журнале «Weird Tales». На 192 страницах разместились: одноимённая повесть составителя и по рассказу Энтони М.Руда, Винсента Старретта и редактора журнала Фэрнсуорта Райта.

Французские исследователи «l'imaginaire» считают, что первая антология фантастики вышла в парижском издательстве «Flammarion» в 1924 году. Но тут «есть нюанс», сборник «Rip, l'homme qui dort vingt ans» изначально не позиционировался как «фантастический», хотя подавляющая часть его произведений – явная фантастика, ведь среди авторов – Вашингтон Ирвинг, Натаниэл Готорн, Ф.Дж. О'Брайен, Т.Б. Олдрич, Амброс Бирс, Фрэнк Стоктон, Генри Джеймс.

И молодая Советская Россия попыталась тогда встать вровень с Североамериканскими Штатами! В далёком 1927-м году в московском издательстве «Земля и Фабрика» вышел первый советский сборник фантастических рассказов «Борьба с химерами» – как первый выпуск «Библиотеки "Всемирного следопыта"». Соответствуя эпохе, тоненькая книжка журнального формата включала произведения лишь зарубежных авторов, среди которых не только «классические» Г.Дж. Уэллс и Джек Лондон, но и малоизвестные сейчас Стеси Блэк, Ф.С. Марз, и совсем неизвестные Е. Путкамер и Морис Сейлор.

Можно первым в мире сборником фантастики посчитать и 144-страничную книжку уменьшенного формата под заглавием «Фан-

тастические рассказы новейших иностранных писателей», вышедшую в Москве в 1910 году и состоящую из трёх рассказов очень разных авторов – фантаста Октава Бельяра, мистика Гастона Леру и совсем неизвестного ныне Германа Ремера.

К сожалению, в России эти малоудачные опыты вообще оказались единичными. В течение последующих десятилетий о подобном даже мечтать не стоило... Альманахи и сборники выпускались, в них даже включались фантастические рассказы; но следующая книга, в подзаголовке которой стояло «сборник научно-фантастических повестей», увидела свет лишь в 1949 году. В трёхсотстраничный том увеличенного формата «Дорога богатырей», выпущенный Трудрезервиздатом, составленный В.Сапариним и снабжённый вступительной статьёй Л.Жигарева «Научную фантастику – советской молодёжи», вошли повести как известных советских фантастов: «Тайна невидимки» Ю.Долгушина, «Исчезновение инженера Боброва» Сапарина, «Ущелье Батырлар-джол» А.Студитского, так и повесть совсем не фантаста С.Болдырева «Загадка ракеты “Игла-2”». Критики книгу приняли настороженно, в стиле тех лет рецензия называлась «Фантастические измышления вместо научной фантастики»...

Тем не менее (по инерции) в следующем году в Горьковском областном издательстве выпустили «сборник научной фантастики» «На грани возможного», включавший произведения тогдашних «мэтров»: В. Немцова, Г.Гуревича, И.Ефремова, В.Охотникова, В.Сапарина. Это «на грани возможного» стало на несколько лет лозунгом всей советской фантастики -совсем ей не на пользу. К примеру, сборник НФ-повестей «Голос моря», выпущенный Трудрезервиздатом в 1952-м, был совсем уж несерьёзной книжкой, как по форме (152 страницы), так и по содержанию: «Голос моря» Сапарина, «Новое зрение» Охотникова, «В карстовых пещерах» В.Иванова. Это была стопроцентная фантастика «ближнего прицела» – совсем неинтересная...

Изменения к лучшему начались в 1955-м: в Детгизе вышел первый выпуск альманаха «Мир приключений». Хотя в объёмистой книге энциклопедического формата «НФ» было очень мало: лишь шпионско-фантастическая повесть Гуревича «Второе сердце» да сказочная повесть американца Говарда Фаста «Тони и волшебная дверь», сам факт появления периодического сборника приключений и фантастики значил немало! Во втором выпуске «Мира приключений» (1956) опубликовали рассказ классика американской «сайнс фикшн» Эдмонда Гамильтона, не прошло и пятнадцати лет, как шуточный рассказ «Невероятный мир» появился в русском переводе – фантастика!

Год 1959-й стал «прорывным» в издании НФ-сборников – их вышло шесть, и половина из них стали «знаковыми». Борис Ляпунов составил сборник фантастики довоенных лет «Невидимый свет», включавший не только рассказы получившего полное признание «классика» А.Р. Беляева, но и произведения Г.Гребнева, Э.Зеликовича, М.Зуева-Ордынца. Анатолий Варшавский в сборнике «Дорога в сто парсеков» собрал повести и рассказы самых интересных на тот год советских авторов НФ. И наконец, в Лениздате вышел первый сборник серии «В мире фантастики и приключений», через десяток лет ставшей одной из самых популярных в стране. Составитель первого указан не был, что тогда было вполне обычным явлением, возможно им была редактор Т.В.Боголепова. С 1963 года сборники составляли Евгений Брандис и Владимир Дмитриевский, с этого года они и стали «явлением», в чём-то определяющим пути развития советской фантастики на протяжении четверти века!

Сборник 1959 года не совсем отвечал своему названию – приключений было больше, чем фантастики. В солидном шестисотстраничном томе с изображением сурового космонавта на ледеринном переплёте «научная фантастика» занимала чуть более трети объёма. «Звезда КЭЦ» и «Атолл Факаофо» классиков Беляева и Ефремова, да шпионско-фантастический рассказ Георгия Мартынова «Невидимая схватка»...

Сборник 1963 года совсем другой, так ведь и времена настали другие – «золотой век» советской НФ. Только фантастика в сборнике: Ефремов, Стругацкие, Днепров, Гуревич, Варшавский, Альтов и Журавлёва, Лагин, «Солярис» Лема. По сути первый сборник «лучшего» в советской фантастике! С послесловием Брандиса и Дмитриевского «Мечта и наука», в котором повышенный спрос на НФ-произведения объясняется с точки зрения «марксистско-ленинского учения» и высказываний «нашего Никиты Сергеевича» (куда деваться – таковы были правила игры). «Сборник составлен с учётом тематического многообразия советской НФ, откликающейся на всё новое, что происходит в науке, и стремящейся опередить её реальные возможности». Подчёркивали составители и то, что «в идеологической борьбе сатира – одно из самых эффективных оружий», выражая уверенность в том, что фантастический памфлет «должен занять заметное место в советской литературе».

Пожалуйста! В следующем сборнике памфлетам отдан вполне приличный объём. «НФ наших дней использует любые литературные жанры – от социальной утопии и политического памфлета до реалистического романа и психологической новеллы, от философской драмы и киносценария до сатирического обзора»

ния и сказочной повести. Следовательно, особенности НФ характеризуются не внешними жанровыми признаками, а внутренним содержанием, идейным наполнением, целесообразностью произведения... Облекать в художественные образы представления о будущем или “реконструировать” доисторическое прошлое, раскрывать гипотетические возможности науки и техники, показывать в осуществлении социальные, этические, эстетические идеалы, воспитывать лучшие качества нового человека, предупреждать о грядущих человечеству опасностях – таково далеко не исчерпывающее определение задач передовой материалистической НФ». Эти высказывания из предисловия Брандиса и Дмитревского иллюстрируют произведения сборника 1964 года, составленного В.И. Дмитревским. Примечателен он прежде всего двумя романами. Чуть позже, чем в «Звезде», публикуется «Непобедимый» Лема – начинает складываться замечательная традиция! Так и осталась эксклюзивной публикация «марсианского» романа Виктора Невинского «Под одним солнцем». Ошиблись в данном случае мэтры-литературоведы, ведь что они писали тогда: «Его первый роман даёт право надеяться, что советская НФ приобрела ещё одного одарённого серьёзного писателя...»

Начав предисловие с небольшого обзора американской «сайнс фикшн», Брандис и Дмитревский делают однозначный вывод: «Американская фантастика устремлена назад, к прошлому...» Памфлет Романа Кима эти «устремления» и разоблачает! И памфлет Шалимова, и почти памфлет Варшавского... А ещё в сборнике произведения Гора, Журавлёвой, Гуревича, Стругацких – тогда «имена» гарантировали качественное чтение.

Два следующих сборника вышли под «персональными» названиями, но и серийное сохранили. «Эллинский секрет» (1966) сразу попал в ряд книг, желанных для каждого любителя НФ – ведь в нём опубликованы были «Люди как боги» Сергея Снегова и «Улитка на склоне» Стругацких! Выполнить желание было не просто, при тираже-то всего 65000 экземпляров. Стильные иллюстрации М.А. Кулакова, хорошие рассказы советских писателей, плюс Брэдбери и Хайнлайн – сборник удался на все сто! Полностью отвечая «новым» требованиям к советской фантастике, выдвинутым в предисловии составителей. Сначала они чётко определили недостатки оной начала шестидесятых: «Делался упор преимущественно на идейную и научную сторону, а требование к мастерству писателя явно занижалось». Разобрав вкратце романы В.Ванюшина, А.Колпакова, В.Новикова, авторы «программной» статьи делали вывод: «Оценки и критерии не могут оставаться прежними... Лучше меньше, да лучше!»

Немало места в предисловии отдано разбору романа Снегова, «формально» также относящегося к «космическим феериям». Да только вот у этого писателя – «есть запас собственных оригинально разработанных идей и крепкий литературный профессионализм... Роман буквально ошеломляет масштабностью замысла и грандиозностью изображённых в нём событий». О творчестве братьев-фантастов написано так: «когда речь заходит о новаторских исканиях в советской фантастике критики в первую очередь называют Аркадия и Бориса Стругацких. И пусть не каждая их новая вещь лучше предыдущей – она всегда необычна, является плодом серьёзных раздумий и смелого творческого поиска». Рассматривая главы из «Улитки...», составители делали такой вывод: «Любые начинания, хотя бы вытекающие из каких-либо объективных закономерностей, не могут быть признаны прогрессивными, если в основе своей они антигуманны и аморальны». «НФ всегда злободневна, связана с волнующими проблемами современности. Она наталкивает на раздумья, будит живую мысль, тренирует воображение, развивает ум. Но при всём многообразии художественных приёмов и жанровых признаков она остаётся литературой, а литература – это прежде всего человековедение...»

Сборник «Вахта “Арамиса”» (1967) потоньше и «посуше», но и он интересен, стремясь представить фантастику во всём многообразии её творческих направлений. Пример – сатирико-фантастическая повесть известного писателя Даниила Гранина и рассказ члена-корреспондента АН СССР М.В.Волькенштейна (псевдоним – М.Владимиров). Повесть Ольги Ларионовой дала название сборнику, включены в него рассказы Варшавского и Шалимова. «Продолжая оправдавную себя традицию», опубликован первый перевод романа Лема «Эдем» в исполнении Дм.Брускина. Составители надеялись, что сборник «будет встречен многочисленными любителями фантастики с таким же интересом, как и предыдущие». И правильно надеялись!

Завершала книгу большая статья Брандиса и Дмитревского «Тема “предупреждения” в научной фантастике», в которой они выступили толкователями «антиутопий» и «предупреждений». Сорок пять лет назад – при минимуме другой доступной информации – читать её было очень интересно. «В нашей фантастике тема предупреждения тесно связана с темой утверждения... Предупреждая, утверждать – вот идейно-художественный принцип, из которого исходят писатели-фантасты стран социализма!»

В сборнике «Вторжение в Персей» (1968) названия серии нигде не просматривается, но преемственность явная. Начинается он вступлением составителей «Мир, каким мы хотим его видеть».

«Это может показаться неправдоподобным, но представления о будущем, о жизни в коммунистическом обществе складываются у многих советских людей в значительной степени под воздействием прочитанных НФ-книг». Да почему ж неправдоподобным, так оно и было!

Чувствуются в статье отголоски споров о «двусмысленных» толкованиях последних на тот период повестей Стругацких, о водоразделе между «предупреждениями» в фантастике советской и за рубежом. «Советские писатели не только видят цель и сознают трудности, но и верят, что цель эта будет достигнута». Несмотря на приведённые тут же цитаты из Ленина и Ефремова, сегодня придётся признать – уже тогда начались «сомнения»...

Вкратце рассмотрев пятидесятилетний путь развития советской НФ, Брандис/Дмитревский не одобряют консервативные попытки некоторых литераторов старшего поколения повернуть литературное движение вспять,

в русло фантастики сороковых-пятидесятых годов. «Интеллектуальное направление в советской НФ, основателем которого является И.Ефремов, свидетельствует о её несомненном росте и стремлении ответить на актуальные вопросы современности». К этому направлению они причисляют не только писателей «призыва 1957 года», но и Геннадия Гора (его повесть «Имя» и рассказ «Сад» включены в сборник), Александра и Сергея Абрамовых, Сергея Снегова (вторая книга романа «Люди как боги» которого занимает более половины книги). А ещё есть в ней раздел «Братски ваш Герберт Уэллс...» с интересными воспоминаниями о пребывании великого фантаста в северной столице. Несомненно, три сборника середины шестидесятых – замечательные книги, как по содержанию, так и по форме!

Хотя в семисотстраничном сборнике «Тайна всех тайн» (1971) вновь появляется подзаголовок «В мире фантастики и приключений», он иной... Времена менялись, вот даже краткого предисловия составителей в книге не оказалось. Оформление и качество бумаги – не из лучших. Содержание – совсем неплохое, но... как же без Стругацких?

Ленинградцы, составившие среди авторов сборника подавляющее большинство, «планку не сбили», но и высот новых не преодолели. Лев Успенский, потрянув стариной, опубликовал полужанрастическую повесть «Эн-два-о плюс икс дважды», начатую ещё двадцать с лишним лет назад, Георгий Мартынов – фантастико-приключенческую повесть «Кто же он?», Аскольд Шейкин – повесть «Тайна всех тайн». Кто сейчас вспомнит, в чём там дело-то было? Вопрос риторический... Роман Александра Меерова «Право вето» – дело другое, так и взаимоотноше-

ния человека и Вселенной – дело Вечности! Рассказы Варшавского, Снегова, Гора, повесть «Суд» Лема демонстрировали крепкий профессиональный уровень – всего лишь...

Смутные подозрения, «терзающие» любителей НФ тех лет, оправдались – следующий сборник Лениздата вышел только в 1977 году. Центробежные процессы в советской фантастике ещё более обострились, так что произведений Стругацких в нём, естественно, не оказалось. Хорошо хоть то, что составителям удалось включить третью книгу уже знаменитого романа Снегова – «Кольцо обратного времени», давшую название всему сборнику и занявшую более трети книги. Треть предисловия составителей занимало объяснение того, что же это за произведение такое, нужно ли оно советскому читателю... «Не все воспринимают философскую глубину замысла... Роман привлекает не только динамическим действием и неиссякаемой выдумкой, но прежде всего убедительно обрисованными характерами героев...»

А начинается предисловие с «простого» вопроса: «Что такое НФ и каково её место в общем потоке советской литературы?» При отборе произведений составители исходили из определения, сформулированного главным редактором журнала «Вопросы литературы» В.М. Озеровым: «Как часть советской литературы НФЛ должна отвечать идейно-художественным требованиям, предъявляемым ко всей нашей литературе, требованиям партийности и высокой художественности». Так что произведениям Стругацких места, естественно, не нашлось...

Из повестей сборника выделяется «Инспектор отдела полезных ископаемых» И.И. Варшавского – блестящая пародия на трафареты детектива, последнее произведение, опубликованное при жизни автора. Повести Галины Панизовской и Дмитрия Романовского – совсем другое дело, они серьёзны (слишком серьёзны). Не то «Курфюрст Курляндии» Вадима Шефнера – сказка, читающаяся с улыбкой, но наводящая на серьёзные размышления. «Нет надобности вдаваться в разбор коротких рассказов, выполненных на достойном профессиональном уровне молодыми фантастами Ленинграда», а именно Андреем Балабухой, Феликсом Суркисом, Александром Хлебниковым, Александром Щербаковым. Да и известными прозаиком Борисом Никольским и поэтом Леонидом Агеевым тоже. Цель составителей на тот момент была выполнена: «Мы демонстрируем жанровое и тематическое многообразие современной НФ и знакомим читателей с новыми писательскими именами».

Выхода следующего сборника пришлось ждать не шесть, «всего лишь» пять лет – уже достижение. После смерти Владимира Ивановича Дмитревского (1908-1978) – прозаика, публици-

ста, критика, соавтора и старшего друга, Брандис продолжал со-
ставительскую работу единолично. Вышедший в целлофаниро-
ванном переплётe (веяния времени) «Белый камень Эрдени»
(1982) был «разнообразен по темам и жанрам... Но при всей не-
схожести творческих почерков авторы едины в стремлении под-
чинить фантастический замысел и условный сюжет морально-
нравственной проблематике, которую ставит перед нами наша
сегодняшняя реальная жизнь». Это строки из предисловия со-
ставителя, человека здравомыслящего и понимающего – нелад-
но что-то в «нашем королевстве»...

«Переориентировка фантастики с технических проблем на
этические – в русле общелитературных исканий. Теперь фанта-
стов интересует не техника сама по себе, а её воздействие на
сознание, не наука как таковая, а социальные и нравственные
последствия применения изобретений и открытий... Сегодняш-
ний уровень НФ определяют социальные и нравственные крите-
рии... Ныне многое зависит от этики!»

Наконец-то публикуется в сборнике произведение братьев
Стругацких, названных составителем «ветеранами». Стержнем
книги стала повесть «Жук в муравейнике», только что удостоен-
ная премии «Аэлита». «Экспрессивный повествовательный
стиль, внутренние монологи, сказовая речь, стремительные ре-
плики делают образы резко индивидуализированными... Герои
Стругацких живут в быстро меняющемся мире, и смоделирован
он так убедительно, что даже на условном фантастическом фо-
не кажется почти достоверным».

А в романе Георгия Бальдыша «Я убил смерть» взаимоотно-
шения строятся в привычном психологическом плане, но на бы-
товом фоне развёртывается также и НФ замысел. Составитель
отметил, что обращение этого опытного писателя к НФ «во всех
отношениях плодотворно».

Повести «Белый камень Эрдени» Геннадия Николаева и
«Старуха с лорнетом» Олега Тарутина «переводят фантастиче-
скую условность в полусказочный или откровенно сказочный
план». Но затрагивают серьёзные проблемы и дают ненавязчи-
вый нравственный урок.

А ещё в 600-страничном сборнике есть рассказы «ветеранов»
Варшавского, Шефнера, Снегова, Шалимова; а также молодых
авторов и дебютантов. Такая книга тридцать лет назад могла
разойтись тиражом раз в двадцать большим стандартных
100.000 экземпляров!

Сборник «Меньше-больше» (1988) с произведениями ленин-
градских (в основном) писателей опять вышел лишь через
шесть лет. К этому времени уже не стало Евгения Павловича

Брандиса (1916-1985) – литературоведа и критика, одного из основоположников советского фантаствоведения. Специалист по творчеству Жюль Верна, с середины пятидесятых ставший неутомимым исследователем и пропагандистом НФ, он составил (в сотрудничестве и единолично) около двадцати сборников НФ: кроме серии Лениздата ещё два «Альманаха НФ» (1965, 1967), два сборника англо-американской фантастики (1965), сборники «Фантастика-72», «Талисман» (1973), «Практичное изобретение» (1974), «Незримый мост» (1976), «Созвездие» (1978) и другие.

Заканчивал составление сборника 1988 года Лев Куклин, был он прежде всего поэтом, ещё немного прозаиком и фантастом, никак не литературоведом, так что никаких вступлений/обзоров в книге, естественно, не было. Но вклад Куклина очевиден – хотя бы вызвавшая в тот год фурор среди любителей фантастики «Чакра Кентавра» Ольги Ларионовой, поставленная – по «принципу Штирлица» – в окончание тома. Открывала же книгу повесть другого «ветерана» – «Право на поиск» Сергея Снегова. Но больше среди авторов было тех, кого через три года почти официально назовут «четвёртым поколением» советских фантастов. Повесть Андрея Столярова «Мечта Пандоры» была принята читателями «на ура», рассказы Вячеслава Рыбакова, Виктора Жилина, Феликса Дымова также смотрелись на фоне фантастики тех лет свежо и интересно. Не рассматривая произведения всех шестнадцати авторов, в целом о сборнике можно сказать уже раз сказанное – книгу, представляющую «срез» лучшего в советской фантастике тех лет, тогда купил бы миллион читателей!

Не зря же отмечал в одной из своих статей известный ныне писатель Вячеслав Рыбаков: «Составленные крупными фантастооведами восемь сборников, выпущенных Лениздатом с 1963 по 1982 год... вошли в золотой фонд советской фантастики. Перечитывая их один за другим, вновь возвращаясь к предисловиям или послесловиям составителей, видишь, как развивался, следуя за развитием страны, популярнейший и интереснейший вид литературы».

Последний сборник фантастики Лениздата «Мистификация» (1990) составил Александр Шалимов. Перемены были налицо – книга вышла в мягкой обложке, а внутри не оказалось ни одного «ударного» произведения. Общий уровень был достаточно высок, ведь среди двенадцати авторов – Ларионова, Рыбаков, Столяров, Снегов, но из предыдущего ряда антологий книга явно выбивалась...

КОГО ЗА ГРАНЬ ПОСЛАТЬ (Что же все-таки такое “фантастика”?)

Содержание книги, а зачастую и точку зрения автора нередко удается понять уже из заглавия. Однако в данном случае надежда на это невелика.

Ю.Кагарлицкий.Что такое фантастика?(1974)

Среди вопросов анкеты, предложенной участникам Международной научной конференции “Русская фантастика на перекрестке эпох и культур”, прошедшей в марте 2006 года на филфаке МГУ, был такой: С какими проблемами столкнулись Вы как исследователь фантастики? Ответы очень примечательны: неконкретность понятия “фантастика”, отсутствие четких однозначных характеристик той или иной разновидности фантастики...

Из советских энциклопедий и словарей можно узнать, что:
Фантастика – специфический метод художественного отображения жизни, использующий художественную форму-образ, в котором элементы реальности сочетаются несвойственным ей способом – невероятно, “чудесно”, сверхъестественно...

Такое определение сформулировал Р.Нудельман в седьмом томе “Краткой литературной энциклопедии”(1972). А вот что можно извлечь из “Советского энциклопедического словаря”(1984):

Фантастика – форма отображения мира, при которой на основе реальных представлений создается логически не совместимая с ними (“сверхъестественная”) картина Вселенной... В художественной литературе фантастика... может выражать миросозерцание автора и целой эпохи...

Изложено замечательно, но совершенно неконкретно! Практической ценности не имеет и определение В.Муравьева из “Литературного энциклопедического словаря”(1987), хотя оно все же более понятно:

Фантастика – разновидность художественной литературы, в которой авторский вымысел от изображения странно-необычных, неправдоподобных явлений простирается до создания особого – “чудесного” мира.

Сакраментальный вопрос обострился после ознакомления с первым томом “Библиографии отечественной фантастики” К.Бритиковой и Л.Смирнова, добравшимся до меня на “РосКоне-2007”. Конечно, “непонятности” возникали и ранее. Вот в ноябре 2006 года вышел специальный номер журнала “Знамя”, посвященный “фантастическим возможностям русской словесности”, а в списке “Отечественная фантастика за 2006 год”, подготовленном Международным Центром Фантастики к РосКону, из 11 несомненно фантастических прозаических сочинений, помещенных в том номере, фигурируют лишь 4! Редакция журнала (не один человек) определила, это – “фантастика”. Другая группа критиков и библиографов эти произведения “фантастикой” не считает... Разве не странно? Но исходя из наших реалий – совершенно нормально...

В таком состоянии отечественное фантаствоведение находится не один десяток лет. Я приведу обширную цитату из предисловия АБС к книге, вышедшей в 1969 году в Одессе: “На титульном листе этой книги значится: Повести. Автор не пожелал определить произведения, включенные в сборник, как НФ или просто фантастические. И хотя произведения несомненно принадлежат к виду литературы, именуемому фантастикой, тем не менее мы понимаем автора. Споры о том, что такое фантастика, идут у нас уже много лет... Последнее время дискуссии эти несколько поутихли: одним спорщикам надоело, другие поняли, что оппонентов не переубедить, третьи настолько утвердились в своем мнении, что больше не видят в спорах необходимости. Большинство же осознали, что спор этот в значительной степени беспредметен и что строгое безукоризненное определение никому, кроме отъявленных педантов, не нужно...”

С мэтрами спорить трудно, но – надеюсь, можно? Понятно, что уж в нашем нынешнем (демократическом) обществе каждый волен сам для себя определять: фантастика/не фантастика! Но для “общего” употребления, для той же библиографии, необходимы какие-то рамки, та пресловутая “грань” – если вспомнить когда-то популярное выражение “на грани фантастики”. Вот современные читатели – завсегдатаи “сети”, считают: “Долой объективные критерии, да здравствует субъективизм!” Ведь в интернет-опросе на тему “Что позволяет отнести художественное произведение к фантастике?” 37% ответило: “личное мнение, которому никто не указ”!

Беда фантастоведа-библиографа с этим “личным мнением”... С одной стороны – разговоры о загоне фантастики в “гетто”, а с другой – “фантастика без берегов”! О первой летней “книге недели” (так называется рубрика “Книжного обозрения”) – “Красный

сфинкс”(История русской фантастики от В.Ф.Одоевского до Бориса Штерна) (2007) Геннадия Прашкевича – рецензент П.Дейниченко написал: “Скептики скажут: это очередная попытка соединить фантастику с так называемой “большой литературой”, вот потому-то гиганты Гоголь, Булгаков, Платонов соседствуют с бароном Брамбеусом, Казанцевым и Платовым”... Опять “за рыбу деньги” – “гиганты” эти, что же, отношения к фантастике не имеют?!

Все вышеизложенное стало меня волновать выше пределов благоразумного спокойствия как раз после тщательного просмотра “Библиографии отечественной фантастики”, в которой не только Гоголю и Булгакову отданы 31 и 12 страниц текста соответственно (что совсем неплохо), но и Леониду Андрееву с Максимом Горьким – 25 и 16 страниц! (Александру Беляеву – 17).

Я понятие “фантастика” трактую очень широко, но все же до той самой “границы”! До границы невероятного, чудесного, сверхъестественного – как следует из большинства определений фантастики, приведенных выше (лишь Муравьев относит к фантастике и “странно-необычные” явления). Самым разумным было бы следовать “формуле” Юлия Кагарлицкого, считавшего текст “фантастическим”, если “ФАНТАСТИЧЕСКОМУ ОБРАЗУ ИЛИ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ИДЕЕ ПОДЧИНЯЕТСЯ ВСЕ В ПРОИЗВЕДЕНИИ”. А не поддаваться на замечательно “наивное” определение К.Фрумкина, выведенное им в своей книге “Философия и психология фантастики”(2004):

Фантастика есть изображение фактов и событий, не существовавших в реальной действительности...

Тот сам признает, что “оно может вызвать насмешки”! И действительно, несерьезно... Этак можно к “фантастике” всю “боллитру” приписать.

Теоретическое основание [этакое “Foundation”] фантастики как в советское, так и в “демократическое” времена мало интересовали отечественных научных работников – очень уж “скользкое основание”... Вот немка из ФРГ Вера Грааф еще в 1971 году включила в свою книгу “Homo Futurus” статью “К понятию определений НФ-литературы”(Zum Begriff der SF-Literatur-Definitionen). Отечественная обширная монография Т.А.Чернышевой “Природа фантастики”(1984) только все “запутывает” – специфический “научный” стиль не всем по зубам...

В сборник материалов уже упоминаемой конференции включена работа Е.Н.Ковтун “Фантастика как объект научного исследования”. В ней четко сформулировано: “Одной из главных задач науки о фантастике является ответ на вопрос, что такое фантастика в строгом “академическом” понимании термина”. Тут

же следует замечательное высказывание: “Окончательный ответ на вопрос о сущности фантастики и границах понятия “фантастическая литература” едва ли когда-нибудь будет дан”!

Ковтун совершенно справедливо полагает, что к “фантастике” следует относить только те произведения, в которых элемент необычайного играет

хоть сколько-нибудь существенную роль, в достаточной степени определяя облик и художественную специфику текста.

Она предлагает (в который уж раз!) “приступить к созданию общей теоретической базы (терминологический аппарат, принципы исследования и т.п.), авторитетных коллективных энциклопедий и словарей”. Тут же утверждает: “Сегодня фантастоведе-ние отнюдь не переживает подъема”...

К сожалению, в отечественной библиографии совсем не прижилась система кратких пометок “типа” произведений, предлагаемая И.Г.Халымбаджа еще 20 лет назад: (нф) – НФ, (ф) – фантастика [фэнтези], (у) – утопия, (ау) – антиутопия, (сс) – современная сказка, (ю) – юмореска, (э) – произведение с “элементами фантастики” и т.д. Вот и получается, что соседствуют в библиографических списках утопии и серьезные НФ произведения с юморесками, сказками для дошкольников и даже с либретто опереток – а где что, незнающий никогда и не поймет. У поляков уже в 80-е годы обозначения широко использовались, было еще и деление “для взрослых” и “для детей”. Рассказы Лавкрафта могли обозначаться аж трехсложно: АF/ASF/W, что означало “фантастика для взрослых”/“НФ для взрослых”/“хоррор”.

Время течет, а в России мало что меняется... И сейчас не ясно, кого посылать за “грань фантастики” – когда “как бы фантастично”, но еще не фантастика! Кто ее сейчас будет искать, эту грань... Других проблем у “исследователей” нет, что ли!..

Коротко о книгах

Мэри Шелли. Франкенштейн. Последний человек – Ладомир, Наука, 2010

Литературное творчество Мэри Шелли (1797-1851) давно уже достояние мировой культуры. Но вот с переводами на русский не складывается. Даже культовый ныне «Франкенштейн» был издан на русском языке только в 1965 году, и лишь через сорок пять лет пришла пора другому известному роману писательницы. «Последний человек» (1826), посвящённый «Адаму последнему», с его эсхатологическим сюжетом не приобрёл зловещей сенсационности «Франкенштейна», хотя общее у них явно есть – «вселенские» путешествия, экзистенциальные испытания личности, волею судеб вовлечённой в трагические жизненные обстоятельства.

Действие романа развёртывается в последней трети нашего XXI века. К 2070 году, благодаря техническим (есть даже воздухоплавание) и политическим достижениям, человечество всё же достигает желанного «просперити». Но предчувствие некой «вселенской катастрофы» – оно же в крови. В 2092 году, через 600 лет после открытия Америки и изгнания евреев из Испании, надвигается беда... Череда бедствий: землетрясения, бури, чума, зараза и голод, повергают в запустение Кито, Мехико, города Америки, равнины Индостана, переполненные жилища китайцев; толпы эмигрантов наводняют запад Европы... Пол-Англии оказывается под водой, Рим и Пиза затоплены, в Германии и России урон ещё грандиознее! Бури, наводнения и ядовитые ветры «превысили меру страданий!» К сожалению, в таких экстремальных обстоятельствах человечество лучших своих качеств не проявляет – всюду «Содом и Гоморра»...

Остаётся в живых лишь Верони Лайонелл, его-то рукопись, найденную в Сивиллинной пещере, и публикует автор «Франкенштейна». Это обстоятельство несколько мешает адекватному восприятию текста, ведь авторское уведомление о его происхождении довольно абсурдно... Но искусство мотивировок 180 лет назад ещё не было развито. В 2100-м, последнем году человечества, герой решает описать произошедшее. «Тени...внемлите истории последнего человека...» На лодке, с несколькими книгами Шекспира и Гомера, с провизией и псом, он плывёт к морю... Жизнь всё равно продолжается...

Апокалиптические настроения и антиутопические мотивы сочетаются здесь с историей любви. Это «роман с ключом» – в завуалированном виде изображены фигуры из ближайшего окру-

жения писательницы. Перевод выполнен нашей старейшей переводчицей Зинаидой Александровой, и он – первый. Хотя фрагменты (в другом переводе) уже публиковались несколько лет назад в мало кому известном журнале «Солнечное сплетение».

Анна Каван. Лёд – Москва: Ad marginem, 2010

Живой классик мировой фантастики Брайан У. Олдисс причислил некогда автора этого романа к великим мастерам НФ, один из создателей киберпанка Брюс Стерлинг назвал книгу шедевром жанра «слипстрим», известный фантастовед Вл. Гаков написал об авторе статью в отечественной «Энциклопедии фантастики», но только сейчас последний роман Каван издан на русском. Станный роман, интересный роман...

Вроде бы из-за взрыва некоего «ядерного устройства» происходит смещение полюсов и изменение климата: «Лёд день за днём напознал на планету». Но посткатастрофический ледяной мир лишь декорация истории маниакальных поисков (а затем и потерь) одним из главных персонажей девушки-психопатки с белыми волосами... В странном мире романа-завихрения реальность для героя что-то «вроде неизвестной величины»; уверенность, что с ним что-то не так, не оставляет читателя с начала романа. Сам герой формулирует позже: «У меня возникло удивительное ощущение, что я живу одновременно в нескольких измерениях, и измерения эти, находя одно на другое, создавали невообразимую путаницу».

Роман изобилует странностями: у героев нет имён (одного из вечного треугольника называют «Правителем»), хронотоп не локализован, главный герой подвержен «видениям», неожиданно врываются в текст, и бесследно рассеивающимся затем, высвечиваются «тёмные уголки подсознания», не подразумевается каких-либо псевдонаучных объяснений... Это и есть «слипстрим», так назвал в конце восьмидесятых Стерлинг – по аналогии с «мейнстримом» – одно из возможных течений литературы. «Завихрение», тут обострённые чувства гораздо важнее логики причинно-следственных связей. Пусть человечеству с его безумной страстью к гибели «пришёл конец», но мы-то ещё живы! «Надо было снова пускаться на поиски. Снова и снова – это было похоже на проклятие».

Многое прояснится, если хоть чуть познакомиться с жизнью автора незаурядной книги. Элен Эмили Вудс Эдмондс (1901-1968) употребляла наркотики более сорока лет, лечилась в психушках, была склонна к суициду, умерла от передоза, но тем не менее написала двенадцать книг реалистической и сюрреалистической прозы, с успехом занималась живописью, фотографией, дизайном, путешествовала по всему миру. Анна Каван – имя героини её романа «Оставьте меня в покое», перед второй ми-

ровой писательница официально приняла его вместо девического и двух замужних. «Сестра Кафки» – не зря её так называли!

Келли Линк. Милые чудовища-Москва: Livebook, Гаятри, 2010

Две премии «Небьюла», одну «Хьюго», Всемирную премию фэнтези, две премии «Локус», премию Британской Ассоциации НФ получила звезда американской «фрик-фэнтези» за те десять повестей и рассказов, что включены в сборник. Книгу, объединённую не только личностью и талантом автора, но и главными героями – детьми и подростками. «Милые чудовища» – это ведь о них, хотя в рассказе «Игра в Золушку» и нет никакой фантастики.

В остальных произведениях её достаточно, в основном это фэнтези и хоррор, но есть и вполне НФ-повесть «Серфер» – о будущем, в котором от США отделились несколько штатов, а Коста-Рика отправила экспедицию на Луну! Но вратаря школьной команды Дорна это, как и очередная пандемия смертельного гриппа или даже пришествие «прекрасных» инопланетян, мало волнует; ведь ему хочется стать всемирно известным футболистом...

Героями рассказов Линк чаще всего становятся вроде бы фрики-чудаки. Это ж надо – сначала положить в гроб умершей подружке свои стихи, а потом решиться раскопать могилу, чтоб их достать оттуда! «Не та могила» – очень странная история о «живых мертвецах». Ещё «страньше» повесть «Магия для чайников»: героиня популярнейшего телесериала для подростков (снимающегося с никому не известными актёрами неизвестно где) просит помощи у сына известного автора ужастиков... Замечательно «запутан» рассказ «Шляпа Специалиста», рассказывающий об игре двойняшек в «Мёртвых» в очень старом доме под названием «Восемь Труб». Замысловата построена повесть «Милые чудовища»: как перемежающиеся истории «К» и «Л» (вроде бы «Л» читает историю о «К»). Фантастики нет почти до окончания – просто Клементина Клири по уши влюблена, а Ли (читая книжку о «К») принимает участие в «Испытании» двух странноватых девчушек – традиция такая в школе для девочек. «Стадия, через которую проходят все девочки» – милые монстры, ничуть не страшнее, чем вервольфы, с которыми они сталкиваются в конце истории... «Конец истории зависит от того, кто её читает. Волк или девочка. Девочка или чудовище, или и то и другое»!

Чудесен «Волшебный ридикюль» бабушки Зофьи из Бальдезивурлекистана! В нём целая деревня живёт лет двести... Это сказка, а есть в книге две истории вполне фэнтезийные. О мальчике Луке и девочке Хальсе – «Колдуны из Перфила». Почти

обычные детишки, уверенные, что «ни один колдун не принёс никому пользы», сами становятся волшебниками, старающимися принести людям пользу. История взросления очень необычной девочки – рассказ «Констебль из Абала». Ещё бы, ведь её мать оказалась настоящей богиней! К сожалению, «из богов получаются не самые хорошие люди»...

Все эти гротескно-сновидческие и реально-фантазмагорические истории написаны с такой нежностью к юным героям, что поневоле начинаешь им сопереживать! По праву сорокалетнюю американку «засыпали» призами!

Марго Ланеган. Чёрный сок – М.: АСТ, Астрель; Владимир: ВКТ, 2011

Как относиться к появлению в серии этой книги? С одной стороны – новый автор, в отношении которого рекламная аннотация вполне верна: «странные сюжеты, необычайный полёт фантазии». В то же время после прочтения трети сборника сомнения только нарастают... Оригинально, стильно – да, только вот уж «очень необычная фантастика»! Да и фантастична только половина из пятнадцати рассказов известной австралийской писательницы, лауреата семи национальных и четырёх «Всемирных премий фэнтези».

Только за рассказ, открывающий книгу – «Отпевание сестрёнки» – Ланеган получила три премии. Рассказ замечательный, глубоко психологичный – уж настроение писательница умеет передать читателю мастерски – только вот где тут фантастика? Если сравнивать с первыми книгами серии...

Также лишь «нереальны» прекрасный рассказ о любви «Человек Хозяина», странный и гротескный «День красных носов» (с массой поводов для размышлений), рассказы об очередных странных мирах «Дом для многих» и «Деревянная невеста». Есть у Ланеган и более традиционные рассказы – о «Больших», обладающих «беззвучной речью» – «Милый Пиппит», о местных знахарях/колдунах – «Заговор на весну» и «Творец мышей», но вот уже в рассказе «Земные цели», который, конечно, прежде всего о земных делах, Ангел – «смердное создание»... Необычен и мир рассказа «Визгль», который также совсем не о странных тварях, а о любви девочки-отверженной к парню с более высокой социальной ступеньки... Но «визгль» тут действительно впечатляющ...

Во многих рассказах героями являются дети, а во всех остальных – совсем не взрослые. Сюжеты всё страньше – мальчик принимает роды у Королевы в латах! Да и Медведь ещё тут – это рассказ «Малютка Джейн». В таинственной «Долине Воина» набирается храбрости для защиты обижаемых малышей подросток Андерсон, решается на обратную замену «подменыш» Цериза в рассказе «Дитя Глины».

Выходит фантастика Ланеган за жанровые рамки, любит она играть со стилями и направлениями. Хорошо ли это? Только для любителей и знатоков! Есть, правда, в сборнике рассказ вполне в традициях НФ: о будущем, в котором загубленную природу пытаются заменить биомехами, о будущем с респираторами и электронными датчиками. Будущем, в котором единственным,

что не удалось нарушить, осталась смерть... (рассказ «Свет вечный»). Очень хороший сборник рассказов стильного автора, изданный совсем не к месту.

Мариам Петросян. Дом, в котором... – Москва: Гаятри, 2010.

Эту «большую книгу» читал долго – совсем не хотелось узнать, что там в конце будет, хотелось читать и читать об этом странном Доме... Первое впечатление – «ничего не понимаю» – вскоре сменилось на мнение «сильно написано!» Рельефно и выпукло изображено, а по части психологии – так даже слишком... Вроде бы, всего-то автор пишет об интернате для детей-инвалидов, но «домовая сказка» Петросян такая развёрнутая метафора, что допускает совершенно неоднозначные толкования...

Пацаны ведут «философские» беседы, предводители их «стай» интригуют и конфликтуют, несмотря на то, что в Доме есть свои непреложные законы, исполнение которых иногда требует жертв! Объективно реальная, фантазмагорически невероятная история мальчиков и девочек из странного Дома – это и аллегория нашей «всамделишной» жизни, и исследование «бесконечного тупика» современного существования. Разве не о скачке за предельный барьер на пути эволюции «хомо сапиенс» пишет Петросян, изображая почти что «сверхчеловеков» (пусть они даже без рук или без ног), погруженных в проблемы, обычным людям чаще всего непонятные? У них другая этика, у этих Прыгунов и Ходоков в другую реальность, у Спящих, у Слепого, могущего «сдвигать время». «Никто не виноват в том, что для тебя реальность там...» – заявляет «хозяину» Дома Слепому другой юный мыслитель Сфинкс, остающийся в нашей реальности... Совсем непростое построение огромной книги только усиливает эффект «таинственности»; это при том, что понимаешь довольно скоро – «хэппи энда» ждать не стоит.

За дебютный, совершенно неформатный роман Петросян отмечена пятью премиями, в числе которых – «Странник» за необычную идею, вот уж действительно необычно! В Сети о книге сотни отзывов, и не все они восторженны, есть и резко отрицательные. Книга задела «за живое», ведь «понять человека в человеке» по-прежнему есть желающие, хотя читающих «сталкера с точками» она, конечно, раздражает. Вписать её в какой-либо ряд непросто, вездесущий Дмитрий Быков написал так: «Страшный сон, увиденный книжной девочкой, которая прочитала много фэнтези и ознакомилась с книгой Гальего»... Книга заслуживает более ёмкого и престижного определения, чем «страшный сон». «Слипстрим» – так назвал в конце восьмидесятых годов прошлого столетия один из создателей киберпанка Брюс Стерлинг – по аналогии с «мейнстримом» – одно из возможных течений

литературы. По-русски «завихрение»: тут обострённые чувства гораздо важнее логики причинно-следственных связей и совсем не подразумевается каких-либо псевдонаучных объяснений...
Всё как у Мариам Петросян!

Яна Вагнер. Вонгозеро – Москва: ЭКСМО, 2011

Оформлена дебютная книга непривычно скромно – нет на переплёте восхищённых отзывов и ярлыка известной серии, лишь в издательской аннотации написано, что это «один из самых долгожданных романов нового времени». Привлекают название и карта на форзаце, да мысль, что издатели ни с того, ни с сего не выпустят роман вне всяких серий, если нет в нём хоть какой-то «изюминки». Наверное, фото заснеженной дороги на обложке и должно подсказать – это «Дорога» по-русски. В своё время постапокалиптический роман американца Кормака Маккарти с таким названием вызвал большой интерес у критиков, а после экранизации – у читателей.

В книге Вагнер – свой кошмар, первые слова её: «Мама умерла во вторник...» Новый вирус гриппа оказывается намного сильнее предшествующих – такова исходная посылка, а вот что может случиться при этом – и есть содержание: провести через всевозможные испытания обычные семьи со своими заморочками... Москву закрывают на карантин, даже вводят комендантский час – не помогает, быстро всё происходит... Люди умирают, работы над вакциной не приносят результатов.

Умудрённый жизнью «папа Боря» предупреждает молодую семью – скоро начнётся! Налаженная жизнь рухнет, спастись надо. Две соседские семьи решают уехать в Карелию, двенадцать дней и ночей их пути и расписывает автор. «Мы едем-едем-едем...» Приключений немало, ведь по дороге встречаются разные люди, мародёры могут и ножом пырнуть. Приходится даже рану зашивать неумелыми руками (как на фаршированной утке). Болезни, раздоры, но стрельбы мало, ведь решиться на убийство нормальному человеку непросто...

Чувствуется в тексте изначальная заданность – пройдут ли герои все испытания, уготованные автором? Конечно пройдут, отсюда и грузовик с топливом – когда оно заканчивается, и мужик на грейдере – когда джип в яму сваливается... Неплохим людям приходится совершать «нехорошие» поступки, иначе... Пятеро мужчин и четыре женщины не без потерь проходят «эту ужасную дорогу», зато – с приобретением «нового мышления». Обживаясь на островке в кособоком домишке, они делают выбор в пользу свободы и человечности. Вполне возможный у нас хаос обычные люди, не супергерои какие-нибудь, способны преодолеть, ну хотя бы победить страх и растерянность, если «выживать» будут вместе! С задачей изображения этого процесса Вагнер достаточно успешно справилась, и перепитии исхода, и психологические изменения характеров «путешественников» про-

теста не вызывают, а героям вполне можно соперничать. Это книга, которая может заставить читателей скорее чувствовать, чем думать, в наше время это скорее достоинство, чем недостаток.

Анна Одувалова. Выбор ксари – М.: Альфа-книга, 2010

Всё-таки интересная и небесполезная штука Интернет, именно он немало поспособствовал созданию целой трилогии молодой жительницы небольшого провинциального городка Шуи Анны Одуваловой. Всего за год в серии юмористической фантастики московского издательства «Альфа-книга» вышли её романы «Низвергающий в бездну», «Ожерелье Лараны» и «Выбор ксари». Особых открытий тут, конечно, ждать не приходится, ведь неспроста сайт Одуваловой на интернетовском «Самиздате» называется «Осторожно! Женское романтическое фэнтези». Но если цикл не прерывается, значит, читателями востребованы и эти непритязательные книги – законы рынка.

Попав «магическим» образом из нашего мира в «другую реальность», юная Анет должна избавить его от артефакта, несущего гибель – очень знакомая сюжетная схема. И тут без штампов не обойтись: обретение спутников из различных рас, «волшебные» способности, непримиримая соперница... Ну и любовь, естественно! «Стиль» повествования полностью соответствует стилистике подобных книг. Но эта история об изменении к лучшему главной героини – добрая (в основном) сказка, и это уже хорошо.

Закрепляя скромный успех первой книги, молодой автор – к сожалению – стереотипов ломать не стал, продолжения остались всё на том же уровне. Третий роман мало чем отличается от первого, но многим современным читателям это-то и хорошо! Синдикат короля преступного мира Сарта пытается погубить неговорчивого представителя расы ксари (оборотней-барсов) Дерри Лайтинга, возлюбленного Анет, которая вернулась к обычной студенческой жизни в небольшом земном городке. Параллельно изображается обычный наш мир с повседневными заботами и мир Арм-Дамаша, в котором должно осуществиться древнее пророчество о пробуждении Золотого Дракона... Опять любовь – «целоваться с пирсингом в языке очень интересно, говорят, у партнёра ощущения незабываемые...» Опять схватки – ксари «с рычанием впился в горло, с наслаждением поглощая тёплую гровь...» «Наши», конечно, побеждают... Продолжение, наверное, следует...

Оставаясь всё на том же уровне «мастерства», автор может написать ещё немало книг, а издательство их издать... Если книги издаются, значит, это кому-то надо!

Михаил Кликин. Демоны рая – ЭКСМО, 2011

Предыдущий роман писателя, написанный в соавторстве с Юрием Бурносовым, получил название «Книга демона», вот и здесь... «Замуровали, демоны»? Но новая книга о другом, о далёком будущем: население планеты комфортно живёт в тридцати шести мегаполисах, обслуживают людей-долгожителей услужливые сиберы. Города окружают Внутренние (реакторы, заводы, фермы) и Внешние кольца, и уже в их пределах встречаются полосы запустения. «Человечество создало идеальную среду обитания» и ... лишилось многих «опасных» знаний.

Главный герой – тридцативосьмилетний Яр (три жены, шестикомнатная квартира), несмотря на всевозможные развлечения, всё же скучает; похоже, он «нестандартен». Скуке приходит конец, вмешивается судьба – опасная болезнь, неожиданное похищение. Похититель Гнат буквально заставляет Яра увидеть «их», некие пока неясные тени, оказавшиеся не галлюцинацией, а вполне реальными, но видимыми лишь немногими, «хурбами»-убийцами. Спасаясь, Яр с помощью Ларса-проводника бежит из Города, тут и начинается «миллион приключений»! При чтении возникают всякие литературные и киноаллюзии, и от одной никак не избавиться – Зона! О прохождении «большой помойки древних» читать достаточно интересно, только вот закрадывается мысль – неужели ради этого и написан роман? Конечно, стреляя в чёрные шкуры и «серые овалы с чёрными провалами огромных глаз», Яр меняется, куда тут денешься... «Учись жертвовать малым, чтобы выиграть главное». Ещё более он изменяется в деревне «диких», куда в компании оставшегося без ступни Ларса и сибер-друга Херберта всё же добирается. Жизнь и тут «нескучная», описанная добротнo: курс выживания (коса, топор, кочерга, огниво – автор с умением рисует деревенскую жизнь), нападение здоровенных «космачей» и почти полное их истребление с помощью огромного стройсибера... Одного из космачей удаётся приручить, Угр оказывается даже в какой-то степени теплепатом. Доктор поселения выдвигает гипотезу о возникновении хурбов, мол это всего лишь «хомо урбанис», следующая ступень эволюции!

У Яра рецидив болезни (вроде бы), он рвётся в Город (Москву будущего?) для окончательного «излечения». Лихая компания, включающая также громадного Угра, жизнерадостный механизм с электронными мозгами, деревенского пацана Вика, вооруженная не только карабином и пулемётом, но и самодельным «огнеплюем», даёт замечательное представление: «грянул пулемёт, и стало совсем весело»!.. Выздоровевший (как оказывается) ещё в

деревне Яр излечивается в Городе от главной иллюзии, узнав тайну хурбов. Не раскрывая её, можно намекнуть: «Только демоны способны поддерживать в раю порядок», в таком «раю»...

В «Эпилоге», вернувшись в посёлок «бежей», на рыбалке (Кликин – страстный рыбак) Яр задумывается о дальнейшей жизни. Думать всё же лучше, чем стрелять из «огнеплюя»? Смотря о чём думать... В общем, у автора немало поводов для возможного продолжения.

Дмитрий Савочкин. Тростниковые волки – Москва: ЭКСМО, 2011

Конспирология – весьма причудливое явление, которое приобрело особый размах в эпоху постмодерна, с его тягой к экстравагантным и диспропорциональным построениям, к абсурду, к ироничному осмеянию рационального и позитивного отношения к истории, политике, культуре. Молодой украинский писатель в своём романе следует построениям известного русского политолога Александра Дугина, может быть даже не зная о существовании текста последнего под названием «Конспирология – весёлая наука постмодерна».

В книге Савочкина наряду с обычными людьми – бывшим «чёрным копателем», затем кампанологом (специалистом по колоколам) Клёстом, невысокой, но с бюстом пятого размера литредактором Вербой, действуют и «не люди» – одесский богач Караим, всезнающий «Старик», таинственные «корректоры», за просто переходящие из мира в мир по своим делам... Но и они не всемогущи, тот же Караим нанимает Клёста для поисков своей дочери, за три дня до того выбросившейся из окна! Как подсказку даёт половинку армейского жетона Третьего рейха (Клёст – лучший спец в этой области). В книге масса информации по истории Второй мировой войны, по раскопам и психиатрии, и даже приводятся письма на немецком на пять страниц (непонятно зачем, если тут же и перевод).

Несмотря на излишнюю информацию книга читается с интересом, сюжет закручен, ведь надо «искать пропавшего мертвеца в потусторонних комнатах», а тут ещё и тростниковые волки... Не мешает и украинский колорит, и отступления от основной линии. Основная же линия довольно проста: «вещи вокруг не всегда являются тем, чем кажутся». Отсюда – странные сны, странные встречи. Не поражает новизной сюжет, но разработан он ловко. Высшие силы, естественно, не отчитываются перед людьми, так что только случайно они могут узнать – как там было на самом деле. К примеру, Гитлер погиб при покушении, это «корректоры» поправили ход истории...

В основном триллер Савочкина психологически выверен, и даже хрестоматийный уже «обмен телами» вполне к месту в таком тексте. Но всё же одна из основополагающих линий осталась непрояснённой – ну зачем «корректорам» понадобилось создавать устройства, позволяющие быть «вне тока времени», именно в виде армейских жетонов? Чтобы показать знания автора в этой специфической области... Конечно, любовь побеждает смерть, так уж положено. В эпилоге высказывается здравая

мысль, что даже серьёзные умы не могут понять своего места в мироздании... Это действительно так, хотя и нет в беспредельных пространствах никаких «корректоров». Чтение книги не обогащает философскими познаниями, но удовольствие вполне может доставить.

Питер Харрис. Красная змея – ЭКСМО, Домино, 2010

Дело Дэна Брауна процветает! Поистине модным стало писать о происхождении человека, ставшего известным в веках под именем Иисус Христос, о том, что догмы канонических Евангелий совсем не абсолютная истина, Сын Божий выглядел по-другому и говорил иные слова...

В ряду подобных книг «Красная змея» выделяется тщательной проработкой исторической составляющей романа. Начинается всё в Шампани почти девятьсот лет назад: еврейский дотошный книжник Иаков Там способствует обретению братом-цистерцианцем некоего пергамента, оказывающегося неизвестным до того Евангелием, чьё содержание может потрясти основы христианства! Для сохранения этой тайны основывается новый рыцарский орден...

Тут действие переносится в Париж 2006 года, где встречаются журналист Пьер Бланшар и историк Мадлен Тибо, которая обнаруживает при ревизии фондов музея очень интересную папку с документами... «Тут всё окутано завесой настоящей тайны»: ведь в тайном «Братстве змеи» в своё время состояли Леонардо да Винчи, Исаак Ньютон, и не только они! Бланшар знакомится с «безупречно одетым мужчиной лет шестидесяти» Габриэлем д'Онненкуром, который интересуется тем же «Братством»... Всё интереснее, особенно после убийства Тибо.

Действие постоянно перемещается из нашего времени во времена исторические, но переходы эти вполне гармоничны. Тамплиеры ищут сокровища, Бланшар ищет информацию, подключая к поискам медиевиста Маргарет Тауэрс, для которой тамплиеры – главный предмет научных изысканий. Золото и драгоценности оказываются совсем не главным сокровищем, обнаруженным тамплиерами, они находят то самое, первое Евангелие. «Красная змея» должна обеспечить тайну в веках: «Великие секреты могут являться достоянием лишь немногих».

Дело об убийстве Тибо оказывается куда более хитрым, а хитросплетения сюжета интригующими. Похищение, трупы, историческое проклятие – «во что же мы впутались!» В тайны и секреты, в аресты и освобождения, во вражду между кардиналом и магистром «Братства»... Магистром оказывается д'Онненкур, убитый в перестрелке комиссаром Годуновым... Всё равно Евангелие, коренным образом расходящееся с общепринятыми, остаётся неизвестным миру. Пьер Бланшар убит, а очередные кардинал и магистр, как всегда, договорятся о сохранении тайны...

Некая «тайна» есть и в книге, ведь автор этого конспирологического детектива – испанский историк и политический деятель Хосе Кальво Пято, его знания и опыт помогли сделать роман интересным как в исторической части, так и в области человеческих отношений.

Кевин Уилсон. Туннель к центру Земли – АСТ, Полиграфиздат, 2011

Книга совершенно неизвестного автора в зарекомендовавшей себя с лучшей стороны серии – всё же «лотерея». Выигрыш возможен, но более вероятно ожидать очередного разочарования... Сборник рассказов молодого американца-южанина Уилсона – совсем неплохая книга, да вот только к «научной фантастике», на которую вроде бы ориентировались издатели серии «Сны разума», отношения никакого не имеет. Более половины рассказов – совсем не фантастика, оставшиеся пять – может и фантастика, но уж точно не «научная». Самый фантастический рассказ – «Вспыхнуть и сгореть» повествует о скучной жизни двух братьев после того, как их родители «спонтанно воспламенились». Старший всё гадает – от переполнившего их гнева? Или наоборот – от горячей любви?

В «Туннеле к центру Земли» трое «фриков» после окончания колледжа не нашли занятия лучше, чем копать землю... «Зачем мы это делали?» – размышляет один из них. Чтобы сбежать от пустой и бестолковой действительности, ведь появилась в жизни цель! Чётко проявилась здесь особенность половины рассказов Уилсона – в них реальное очень плавно перетекает в воображаемое. Копать землю – вполне реально, но выкопать сеть туннелей по всему городку – это уже фантастика! Замечателен рассказ, открывающий сборник – «Бабушка напрокат»: так и не поймёшь – может, действительно есть такая фирма «услуг нуклеарным семьям»?

Героям рассказов писателя постоянно приходится решать нравственные проблемы, и часто выходят они из непростых коллизий с честью, понимая, что делить любовь нельзя, любовь можно только множить! С другой стороны, сам Уилсон признавался, что начал писать рассказы, потому что был одинок. Одиноки и его протагонисты, даже если это четверо братьев, как в рассказе «Птицы в доме». Одиноки до того, что готовы пустить себе пулю в лоб, участвуя в «Шоу чудес», настоящую пулю – как в рассказе «Стрелок»... «Люди хотят разного, от этого все беды»... Почти все протагонисты молоды, часто они совсем не желают меняться в угоду окружающему миру. Результат предсказуем, чаще всего печален, но после прочтения сборника остаётся не только светлая грусть, но и надежда. «Всё у нас будет хорошо» – ведь это заявляет в последнем рассказе книги «Наихудший прогноз» не абы кто, а специалист со степенью по «катастрофоведению»!

Странное чувство остаётся после прочтения: некоторые истории просто замечательны (они не раз включались в антологии лучшей прозы Юга, неспроста и книга удостоена двух премий), но фантастика-то тут при чём?

Пол Мелкоу. Десять сигм – АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2010

Этот сборник «невероятных историй» молодого американского фантаста вышел в США в том же году, что и его первый роман «Кольцо сингулярности» (2008). В отличие от романа, премий не получил, и по справедливости – ведь в книгу включены не только превосходный цикл рассказов о «кластерах» и повесть, номинировавшаяся на несколько премий (отмеченная читательскими призами в США и России), но и довольно «средние» рассказы.

Сам Мелкоу признался, что «влюблён» в идею параллельных вселенных и гордится рассказом «Десять сигм», открывающий сборник. Но эта несколько абстрактная история не идёт ни в какое сравнение с повестью на ту же тему «Стены вселенной». Внимание захватывает не столько путешествия Джона/Джонни по бесчисленным вселенным, сколько конкретные судьбы, параллельная жизнь двойников, обрисованная с психологической достоверностью.

В конце XXI века – после Исхода Сообщества (объединившего шесть миллиардов человек в единое целое) – на Земле остались в основном «мультилюди-кластеры» из нескольких особей, каждая из которых обладает каким-то особым свойством, а все вместе они связаны «химическими мыслями» с помощью феромонов, – вот о них и повествуют «Лето с семеркой», «Влюблённые одиночки», «Сильное звено» (уже публиковавшиеся, как и повесть, в «Если»). Фантазия, психологизм, интрига – всё на месте! Осознание ответственности и важность консенсуса для юных кластеров доказывается всем развитием сюжета...

Одни из любимых героев Мелкоу – дети, любимая коллизия – исправление несправедливости. Это ярко проявляется в рассказе «Улиточные камни», в котором неземные пацаны на далёкой планете помогают попавшей в беду «улитке»-аборигену.

Оставшиеся шесть рассказов, разных по сюжетам, похожи тем, что так уже «зацепить» читателя не могут... Опубликованный четырнадцать лет назад первый рассказ писателя «Кот для дисфункциональной семьи», пародия на комиксы «Доктор Силач и скука» (супергерой устал, стал суперзлодеем, надоело – переqualificировался в акушеры), рассказ «Инопланетянин моей мечты» – включены в сборник, наверное, для объёма. «Кукурузная война», в которой с помощью УПМ (Умножителя параллельных миров) современную кукурузу забрасывают в 7500 год до

н.э., посерьёзнее; а действительно: «Что, если и мы разыгрываем чужой сценарий»? А настоящей профи-публикацией можно считать рассказ «Смерть яичного короля»: тут детектив с криминалом, голубые с лесбиянками... Разнообразия тем и сюжетов у Мелкоу не отнять!

Дэвид Марусек. Счёт по головам – Москва: АСТ, Астрель, 2010

Нетривиальность первых книг серии «Сны разума» поневоле заставляет сравнивать с ними последовавшие. Роман малоизвестного у нас американского фантаста в этом ряду смотрится, к сожалению, «выдающимся» совсем в другую сторону. Возможная издательская «сиюмесячная» выгода может опять загубить (возможно) замечательную серию истинно «научной» фантастики...

Книга сама по себе неплоха, после выхода (2005) в «Локесе» её назвали даже «Нейромантом» XXI века». На рубеже XXI-XXII веков на территории Объединённых Демократий нанотехнологии рулят! После Агрессии города защищают фильтры-биокуполы; граждане, имеющие постоянный доход, практически бессмертны; хотя с «неблагонадёжными» обращаются не лучшим образом, прижигая каждую клетку... ИскИны (ментары) имеют почти равные права с людьми, вот только люди здесь тоже очень разные: аффы-аристократы, чартисты-дикари, итеранты-клоны (десятки видов).

История возвышения, падения, воскрешения рода Старк-Харджер отличается множеством персонажей и «развешанных ружей» (по Чехову – если на сцене висит ружье, оно должно выстрелить). С персонажами всё более-менее пристойно, совсем лишних нет, мир «выписан» реалистично, но вот с вопросами беда. Главные детективные загадки: кто же дал команды «прижечь» известного художника Сэмми Харджера и устроить катастрофу с космической яхтой супер-бизнес-вумен Элинор Старк и её дочери Эллен – так и не ясно... В жизни оно так и остаётся «неясным», но хоть в романе желательно было «прижечь» виновников – разве не таковы законы жанра?

Приключения головы Эллен и всё, с этим связанное, составляющее большую часть романа, достаточно занимательно, но недостаточно концептуально... «Куда идёт история, выяснится только со временем» – есть в книге такая фраза. Вот и выясняется – почти никуда, ружья-то не выстрелили...

**Мечи и тёмная магия: Антология. Сост. Дж.Стрэн и Л.Андерс
– Азбука, 2012**

Фэнтези и в XXI веке...фэнтези. Большинство рассказов совсем нового сборника, делающего «ставку на хороший экшен, чёрный юмор и сдержанный фатализм», удивить читателя не смогут, ведь их авторы и не старались этого сделать. Традиция правит бал в рассказах современных классиков. У Глена Кука, написавшего (естественно) о знаменитом Чёрном Отряде («подвигам» которого посвящено уже более десятка книг); в «Волшебнике Висцезана» Кэролайн Дж. Черри; в красивой (но уж какой по счёту?) истории об Элрике Мелнибонийском Майкла Муркока; в рассказе «Два льва, ведьма и Мантия Войны» Танит Ли. Всё в лучших традициях – для «истинных любителей». Вот разве что Джин Вулф в «Кровавом спорте» заложил в своё произведение о некой «Игре» со сложными правилами неоднозначный смысл, да Роберт Силверберг в «Тёмных временах на Полуночном рынке» предложил неожиданный финал... Не так просто, как кажется вначале, история «Дочери морского тролля» Кэтлин Р. Кирнан.

Демоны, чудища, боги, солдаты и бандиты, трупы и кровь – важные составляющие рассказов Стивена Эриксона, Джеймса Энджа, Тима Леббона, Грега Киза, Джо Аберкромби. В рассказе последнего есть примечательная строчка: «Ни единого намёка на романтику»...

Лишь тройка рассказов явно выделяется на таком фоне. Вообще нет никаких мечей в «Полной рабочей неделе» К.Дж. Паркса, единоборства происходят «в голове» – ведь «волшебников не бывает, просто наука, в действии которой ещё не вполне разобрались». В рассказе Майкла Ши «Руб, мастер-колорист» очередным «спасением мира» занимаются не только некромант с безжалостным воином, но и «маляр», а главной движущей силой является случай. Оригинален, несмотря на название, рассказ Скотта Линча «В книгохранилище». Вроде бы, чего проще – вернуть книгу в библиотеку... А если это колдовская Живая Хазарская Библиотека? Ведь неспроста девиз её библиотекарей «Найти. Возвратить. Остаться в живых»! И не так-то это просто!

Для поклонников фэнтезийных сериалов эта антология – замечательная возможность ещё раз погрузиться в миры любимых авторов. Читателям, относящимся к «мечам и магии» несколько настроенно, рекомендовать сборник как «уникальный» не со-

всем корректно, трёх нестандартных да трёх достаточно оригинальных рассказов из семнадцати, включенных в него, для этого маловато.

Церковное привидение: Собрание готических рассказов – Азбука, 2010

Привидения в Англии (и в США, и в Австралии) давно стали элементом национальной культуры. В России, тем более в СССР, случиться такого, естественно, не могло, но читать о призраках любят и россияне. Тому подтверждением представительная антология «рассказов о призраках»: сорок пять историй тридцати двух англоязычных авторов XIX-XX веков, посвящённых загадочным и сверхъестественным событиям (причём более половины публикуются на русском впервые). «Сигнальщик» (1866) Чарльза Диккенса, «Духи в Грантли» (1878) Леонарда Кипа, «Пирушка с привидениями» (1891) Джерома К. Джерома и ещё немало классических рассказов подобного рода.

Но примечательна антология рассказами «неклассическими», в которых призраки не совсем готические... В «Потерянной комнате» (1858) предшественника американской «сайнс фикшн» Фиц-Джеймса О'Брайена вполне вещественные «призраки», захватывающие и преобразующие комнату героя, прибывают из «ниоткуда», которое может трактоваться и как другое измерение... В повести «Лицом к лицу с призраками» (1859) лорда Бульвер-Литтона, занимавшегося когда-то оккультными опытами, появление «тьмы» – достаточно вещественного призрака – объясняется найденным в потайной комнате «странным аппаратом», похожим на компас со стремительно вращавшейся стрелкой, а также двойной пентаграммы с надписью на латыни и тому подобными «артефактами». «Клуб привидений» (1894) американца Джона Кендрика Бангза, рассказывающий о жизни после смерти в некоем ином мире, привёл к появлению его романа «Плавучий дом на Стиксе» (1895) и термина «бангзианская фантастика», а впоследствии – к «Миру Реки» Филипа Жозе Фармера. «Профессор египтологии» (1904) австралийца Гая Ньюэлла Бусби, создателя некогда популярного образа мага и оккультиста доктора Никола, рассказывает о перевоплощении египетского фараона в профессора начала XX века, что вполне может трактоваться и как проявление генетической памяти. В «Одержимом доме» (1912) американца Сакса Ромера, «отца-создателя» гениального злодея Фу Манчу, невидимый и обжигающий граф де Стано бессилен перед теми, кто не боится его... В «Корстофайне» (1928) Эдварда Фредерика Бенсона, любителя научных рассуждений о природе сверхъестественного, выдвигается гипотеза, что прошлое, настоящее и будущее неотделимы друг от друга. «Они представляют собой единую точку в вечности, восприни-

маемую целиком и со всех сторон сразу» – чем не правэвереттика!

Какие же они разные, эти привидения! Благодаря составителю Людмиле Бриловой с их разнообразием могут ознакомиться и отечественные читатели.

Рэй Брэдбери. Летнее утро, летняя ночь – ЭКСМО, Домино, 2011

Под обложкой небольшой книжки собраны почти три десятка рассказов и зарисовок – старых, пятидесятих годов (но в первоначальной авторской редакции), и рассказов совсем новых. Большинство – о детях, подростках и стариках из городка Гринтаун, первые известия из которого читатели всего мира узнали из романа «Вино из одуванчиков». «Лето кончилось» – таково название открывающего сборник рассказа 1948 года. «Всё лето в одну ночь» – ещё один рассказ... Лето не кончается никогда! – совсем не скрывааемый смысл-месседж сборника замечательно-го писателя. Нужно только уметь видеть не совсем очевидное, нужно только совершать не принятые в закоснелом обществе поступки. Как сбрасывающая каноны-оковы тридцатипятилетняя учительница из первого рассказа.

Фантастических рассказов в сборнике – раз-два и обчёлся... Но издали же сорок с лишним лет назад в знаменитой серии издательства «Мир» «Зарубежная фантастика» брэдбериевское «Вино из одуванчиков», а эта книга – из того же ряда. Так не бывает? «Всякое бывает» – это название рассказа о любви ученика и учительницы, написанного шестьдесят лет назад. Это история совсем не удивительная... А вот горящая пламенем племянница Марианна, каждый вечер меняющая любовников («Большой пожар»), и сорокалетнее добровольное затворничество, каковое заставляет прервать старая любовь («Мисс Бидвелл»), и «Крик из-под земли» (совсем не «корня мандрагоры»), и взгляд «сквозь запылённое стекло» («Кладбище (или Склеп)»)... Чтоб доказать – настоящих красавиц быть не может, молодой парень даже раскапывает могилу (рассказ «Красавица»). Что же он находит в гробу? Молодой побег зелёного папоротника, листок летней мяты, персик, фиалку, розу... Тут и понимает: «Она красавица». Всё бывает... «Любовь – прекрасная штука» (и никакого «приворотного зелья» ей не надо), первый поцелуй – «очень нежный», а как замечательно «плыть сквозь прозрачную стихию снов и яви» (в «Летней прогулке» 1979 года).

В конце книжки – десяток новых совсем коротеньких рассказиков, обо всём на свете. «И все эти чудеса предсказал один-единственный прорицатель» – так заканчивается последний рассказ... Все эти чудеса нам показал один-единственный писатель! Брэдбери за девяносто, а он по-прежнему выдаёт новые

книги, их по-прежнему можно читать с удовольствием. Это не фантастика, настоящая реальность!

Саймон ЛОГАН. i-o – У-Фактория, 2008

Все же реклама – “двигатель”... Внимание к этой книжке привлек вынесенный на переплет слоган “Последний перевод Ильи Кормильцева” – так вот и познакомился я с творчеством “виртуоза жанра industrial” Саймона Логана. В его сборнике, вышедшем на английском семь лет назад, одиннадцать рассказов, и в каждом из них эта “индустриальность” присутствует, пусть и в разной мере. Все они “сконструированы”, все являются конструкциями искусственными... Кое-кого это восхищает, рецензент из “The Alien Online” написал : “Впервые после Джеймса Балларда появился автор, способный перевести индустриальный язык в поэтический с таким шиком”... А по мне так нет никакого “шика”, выражениями (ху..., бля..., жо... и т.п.) я и так “наслаждаюсь” ежедневно!

Дефективные “инженеры”-утильщики занимаются на свалке переработкой отходов (рассказ “Призма”). Дети конвейера, появляясь на свет “с конечностями и лицами, снабженными резаками”(?), ведут они борьбу за бесцельное существование... “Я здесь чужой” – основная тема и “Призмы”, и рассказа “Коаксильное существо[там наверху]”. Во втором заметно, что Кормильцев по образованию химик, а Логан явно не инженер-электрик. Жизнь “на вершине опор ЛЭП” как-то не очень жизненна...

Рассказ “Нетадеталь” – о бесчеловечном конвейере, изготавливающем “рабочих для работы на нашей фабрике”. В рассказе “Вспышка” основная мысль выражена ясно: “Нет смысла разрушать то, что ненавидишь... Разрушай то, что любишь”.

Рассказ “Вроде насекомых” все же задевает за живое, ведь его персонажи так говорят о жизни своей: “ползаем по свежей падали и пытаемся получить от нее все”, или: “что нужно сделать, если встретишь бога? Отсосать у него – а затем убить!” А вот в “Расстройстве чувств” жестокость опять “ненастоящая” – даже при достаточно выверенной выстроенности поступков Виктора и Вани (это женское имя), которые “оба были убийцами”. Не обошлось здесь без русских, как и в рассказе “Кровеобмен”, в котором некие Николай Новаков, Валерия Кодченко и прочие занимаются эрзац-вампиризмом с помощью технических средств для переливания крови... “Бесконечный цикл флеботомии, утонченной страсти...”

“Виртуоз в искусстве создания мрачных апокалипсических мирков” [это из аннотации], Саймон Логан таковым мне не показался. Похожа, вроде бы, книга на сборник рассказов “Панктаун”, да не то! Там – человеческое (слишком человеческое), здесь –

больше все “индустриальное”... Даже название сборника – технический термин: input-output (что не мешало бы пояснить где-нибудь в примечаниях). И “техника” построения рассказа у Логана вполне на уровне, но разве главное это в литературе?..

Алексей Пехов. Ловцы удачи – Москва: Альфа-книга, 2012

Уже двадцатая книга писателя в известной серии вышла немалым по нынешним временам тиражом, и после её прочтения надежды издателей на читательский спрос кажутся вполне обоснованными. Это крепкий приключенческий роман профессионала своего дела, в котором «приключения множатся» как при цепной реакции. Характерная книга для 750-го выпуска серии – и совершенно проходная для такого автора как Пехов.

Техномагический мир: стреколёты, летуны, магические шары и демоны в днищах воздушных кораблей. Беглец из «королевства эльфов» спасается от неминуемой расправы любыми доступными ему способами. Благородный Лас не подчинился подлому приказу вышестоящих, за что и преследуется специальной службой. В этом мире – множество рас: эльфы, гномы, люди, орки, и ещё немало других, связанных непростыми взаимоотношениями. Фантазии автору не занимать, мир им выписан достаточно тщательно, так что помаленьку чтение «затягивает».

Тем более, что есть удачные детали: чтоб летать, необходимо «выдернуть демона с Изнанки» (параллельного мира), а для этого нужна кровавая жертва... Фигурируют «каббалистическая доска» – фэнтезийный планшет/ноутбук, Шестичасовые гонки – Формула 1 в воздухе (да со стрельбой)... Эльф королевских кровей Лас и орк Ог, представители не очень-то дружащих между собой рас, не по своей воле попадают в одну команду, становятся почтовыми курьерами (ну и контрабандистами по совместительству). Только тогда Лас «понимает ценность денег», ценность дружбы и сотрудничества он и ранее понимал. Об этом в книге немало написано, показано зарождение сотрудничества. Есть хорошие «нелюди» на свете, есть. Хотя в безвозмездную помощь их поверить трудновато, да и не стоит верить этому. Лишь спасённый от верной гибели Ласом Трёхлапый (странная маленькая, но совсем неглупая зверушка) не предаст никогда. Другие могут, ведь деньги – в «изнанке» многих поступков. И эта изнанка даже страшнее «потустороннего» мира, ведь не знаешь, кто и когда тебя может «продать».

Нашлось место в романе и романтике воздушных боёв, изображённых со знанием тактики, и романтическим (любовным) чувствам. Ящеры-колдуны в итоге побеждены, с другими проблемами герои будут разбираться по мере их накопления...

Если б это был дебют, его можно было бы назвать удачей, но двадцатый роман известного автора, книги которого издаются даже в США, всего лишь – очередной в его библиографии.

Первушин Антон. Первая экспедиция – АСТ, Астрель, 2010

Сериалы, циклы, проекты не люблю, поклонником «сталкерского» проекта не являюсь, не читал даже «Кубатуру сферы», но коротенькую рецензию на пятидесятую книгу серии написал – потому что автором её стал Антон Первушин. Непроста судьба писательская, ведь жить – хорошо, а «хорошо жить – ещё лучше!» Участие в «проекте» – для писателя награда, грех ей не воспользоваться...

Начиная с посвящения «всем юным любителям компьютерных игр» и заканчивая последними строчками: «Мы вышли на новый уровень игры», автор как бы намекает на «несерьёзность» происходящего действия, хотя выписано оно вполне прилично для восприятия «юных любителей». 2026 год, ТНК стремятся сделать из Зоны производителя технологий, украинский бюджет на восемьдесят процентов наполняется разработками артефактов из ЗАЯ (Зоны аномальных явлений). На этом фоне рассматривается «интеллигентская» экспедиция для спасения юной дочери одной из героинь. «Если бы Зоны не было, её стоило бы придумать!» Вот и начинаются «придумки»: Бог из ФИАНа, трансформация континуума, харьковский профессор Зорич, артефакт «Звезда Полюнь» («твердотельный топологически-инвариантный генератор квантовых флюктуаций» – пять кг платины)...

Действие разворачивается неторопливо – роман же... Экшен присутствует: банда Клеста, бойцы Гоголя («отчаянный женский вскрик, длинная автоматная очередь...»), спецназ с техникой будущего («не будите спящую Зону»). Вроде бы есть что почитать, при таких-то сентенциях: «У Ноосферы имеются разум и душа», но даже при изначальном интересе к творчеству Первушина не могу я читать такие книги пристально и досконально – ну нет в них «души» книжной! Как сам автор пишет: «Короче, картина Босха маслом»... Но читать можно не задумываясь...

Сергей Неграш. Самые сладкие грёзы – СПб.: ИД «Комильфо», 2011

Ничего не зная об авторе этой симпатично изданной книжки, по аннотации и рекламным отрывкам на переплёте трудно представить, чего же от неё ждать. По предисловию известного фантаста советских времён Андрея Балабухи понять можно, но кто ж ныне читает предисловия... Конечно, это фантастика, но в самом широком смысле – сказка, аллегория, притча. Какие богатые возможности для умелого автора!

Разбит сборник на четыре раздела, предваряет которые заглавный рассказ, своеобразный «манифест» автора – о «Повелителе Грёз», творящем и рассылающим людям сновидения, этот рассказ-концепт лучше всего подходит для вступления. Вот и предисловие мэтра получило название «Блуждание во снах». В первом разделе «Весенние странные видения» четырнадцать рассказов и рассказиков-зарисовок (похоже выстроены и следующие три раздела). Анубис, Тор, Перун, Леший, даже «слуги Зла» – по Неграшу все они «дети Господа», все «право имеют»... Двадцать лет назад за похожие сказочки достаточно известный сегодня критик и прозаик Андрей Щербак-Жуков даже премию «Старт» получил, но сейчас-то – иные времена. И постмодернизм устаревает...

Когда автор не скрывает «источника» вдохновения, получается на выходе совсем неплохо. Большой рассказ «Страж» – с посвящением Роберту Говарду – массовой «говардианы» явно удачнее. И посвящённый памяти Николая Гумилёва рассказ «Так что лучше тебе его не трогать» неплох. Рассказ «Политика волшебства», посвящённый Толкину, удался не вполне: «Иномирье»-то похоже, но стиль...

Есть в сборнике (а в нём более полусотни произведений) рассказы несквозные, о жизни вполне современной. Больше всего таких в разделе «Осенние техногенные сновидения», в рассказах которого компьютеры, наряду с демонами – заурядное явление. А коротенький рассказ «Первый» – о человеке на Марсе! Кино, но артист так вживается в роль, что умирает – на Марсе...

Авторский сборник фантастики отечественного автора сегодня – явление нечастое, и эти тексты – с аллюзиями и скрытыми цитатами, откровенные «фанфики» и с изменённым углом зрения – вполне ко двору. Майя вот вообще в сновидениях видели чуть ли не смысл жизни! Конечно, желательно, чтоб «блуждание во снах» не стало блужданием в трёх соснах... Не в полной мере

удалось это автору, тексты в целом достойного сборника не всегда «литературоёмки», стиль не идеален, «шатания» отмечаются. Ну что с ним делать, с автором, который предпочитает гротеск и эпатаж... Молод он, есть ещё время на освоение всех богатств мировой литературы, всё впереди!

Магическая механика: [Поэтический сборник. Сост. С.Неграш] – Рига: Снежный ком, 2008

Пролистал сборник с интересом, половину стихов прочел, кое-что из прочитанного – с удовольствием... На этом бы все и закончилось, кабы не опрометчивое заявление составителя в предисловии: “Перед вами антология фантастической поэзии...” Боже ж ты мой! Даже всех устраивающего определения “фантастики” нет до сих пор, а уж что такое “фантастическая поэзия”?! “Зверь” необыкновенный, ускользающий... фантастический! И неспроста исследователь “интеллектуальной фантастики” Дмитрий Володихин подчеркивал в одной из своих статей: “...О фантастической поэзии...ни слова по причине тотального невежества автора в этой области”.

А вот Сергей Неграш ведает: все, что написано авторами фантастической прозы (и даже фэнами) – и есть “фанта.поэзия”! Как говорили во времена “тоталитарные” – дешево и сердито. Мало ли что там писал, к примеру, какой-то Цветан Тодоров: “Взаимно друг друга исключают фантастическое и поэтическое. Не существует “фантастической поэзии”!

Несогласный с высказыванием знаменитого структуралиста, я такое все же озвучил на “семинаре по фантастической поэзии” Роскона-2007. На что человек авторитетный как в фантастике, так и в поэзии, Мария Галина с улыбкой сказала, что точной дефиницией понятия совершенно не интересуется, и собрались здесь “всего лишь” авторы и любители поэзии. Этим путем и стоило идти составителю “Механики”: “поэтический сборник”, как указано в выходных данных – это гораздо точнее.

Включены в него стихи более шестидесяти авторов, и среди них: Б.Стругацкий, Д.Быков, В.Рыбаков, М.Галина, А.Балабуха... Именно их стихи отношения к фантастике не имеют. Среди авторов “фанта.стихов” – сам составитель, С.Шоргин, Д.Клугер, К.Иторр, А.Корепанов, И.Минаков... Около трети авторов, всего лишь... Разделение на части (Волшебное прошлое – Чудесное настоящее – Фантастическое будущее) совершенно произвольно, большинство стихов можно “безболезненно” перемещать из раздела в раздел.

Есть в сборнике “Обращение к космосу” Льва Куклина, почти двадцать лет назад составившего настоящую антологию “Кибернетический Пегас” (с подзаголовком “Наука и фантастика в русской и советской поэзии”). Совсем не идеальная книга, но гораздо более интересная для читателя, не связанного с

“фант.тусовкой”. Составитель антологии “Лазурный луч”(1996) в предисловии писал: “Фантастическая поэзия... А что это такое? Как жанр, она отсутствует. В русской поэзии, по крайней мере...” И тем не менее в сборнике – произведения почти шестидесяти поэтов. Неплохая книжка! И были в нее включены стихи всего лишь трех авторов, писавших также и фантастическую прозу – подход, противоположный Неграшу. Его же “Магическая механика” вряд ли будет иметь успех даже в самом “фантастическом гетто”... Замечательно изданную книжку приятно взять в руки, но вот сколько рук отсчитают за нее денежки?..

Андрей Столяров. Мы, народ...: Роман // Нева-СПб., 2011-№5.

Насколько контрастны современная жизнь в столице и вымирающей русской деревне, настолько же несхожи основные сцены романа. Хотя название его совсем не ново, ещё восемь лет назад опубликован рассказ, ставший ныне началом романного повествования, да и в 2008-м Столяров также назвал дискуссионную статью в «Лит.газете».

Южная Сибирь, странные «манайцы» и странная растительность, чем-то Лес из «Улитки» напоминающие... Происходит знакомство с одним из героев – молодым кандидатом исторических наук из Питера. Недалёкое будущее, «всегда не такое, как мы его себе представляем». Всё меняется за год, японцы занимают «северные территории», РФ распадается на части (Сибирская Федерация, Уральская Республика, Петербургский Региональный Союз и т.п.)... Объявлено особое положение, в РФ вводятся Международные силы (месилы!), нужно ж избавить Россию от проклятия – избыточной территории! Так вещает вездесущий Фима Пыкин...

Много разговоров и размышлений о русской «особой цивилизации», об антиномичности русских (всё или ничего), множественность интерпретаций. Вот, де-факто оккупация, а где партизаны? Лишь хакеры-ТехноПсы занимаются вредительством (и вряд ли из-за патриотизма). В тундре – «мансоры», китайцы диверсии устраивают... Хотя Православный Корпус пытается бороться, но – «русский русскому – волк»! Всё это вполне достоверно, обстоятельства жизни автор описывает верно – неладно у нас!

Но дальше начинается «мистика»... Девочка-экстрасенс Вета приводит героев в Уральский Китеж, именно там зарождается чудесный колокольный звон с его «метафизическими вибрациями», начинающий победное триумфальное шествие по России, освобождая все «вотчины, отданные на кормление местным князькам».

История Большого преображения России, пусть Столяров и использует формулировки научные (искривление пространственно-временного континуума, кумулятивное транспондирование и т.п.) – мистическая история. Москве, «пожирающей Россию», настал трындец – «колокольный эффект» выгнал из Кремля всех до единого! Грянула очередная трансформация человека, вследствие «когнитивного взаимодействия с тонкой структу-

рой Вселенной!»! Новая нация пришла в новый мир, «народные армии захватывали города»... Мистика «махровая»... Как и «Легенда о Светлой Деве», уже не первая у автора. «Нет ничего выше любви» – вот если бы так!

Построение романа, части которого расположены асинхронно (Вчера-Завтра-Сегодня), должно подчеркнуть, что выбор ещё есть, выбор чуть ли не за каждым... Если бы так, если бы...

Владимир Корн. Артуа. Золото вайхов – Альфа-книга, 2012

Если такие книги ещё издаются, значит – это кому-то надо... Хотя из миллионов экземпляров романов о «попаданцах» уже можно строить крепостные стены, а вот ведь – до сих пор находят спрос подобные сочинения. Купят и эту книгу, хотя она с некой «перчинкой», без дополнительной информации о которой можно только подозревать.

В некоем (параллельном?) мире с уровнем развития примерно соответствующем земному XVII веку оказывается выходец из века нашего. Причём, как именно он «попал» – совсем не поясняется. В этом мире барон Артуа де Койн уже три года, только тем и занимаясь (ну, в перерывах между дуэлями, схватками и постельными сценками), что совершая «бла-а-родные» поступки. Всё по законам, а точнее – штампам, жанра. Приключения, интрижки, любовь, авантюры – почти «мушкетёрская» история. Автор довольно тщательно описывает приёмы боя, разбирается (похоже) в холодном оружии, но вот в психологии человеческой – не очень. Хотя попытки индивидуальных характеристик участников экспедиции за золотом делаются. Золото же, находящееся на территориях степняков-разбойников Артуа нужно не само по себе, а для реформ, задуманных самозванным «прогрессором». Ещё нужнее люди, ведь «один великий человек сказал: кадры решают всё».

Роман Корна – без претензий на смысл и стиль, почти для детей, если бы не все эти «белоснежные груди» и «задорные попки», да юмор солдатский. У героя обнаруживаются и военные таланты, сам он о себе думает только так: «Я молодец, гениальный стратег и тактик». И впрямь, «золотой квест» заканчивается удачно, «коллектив» сплачивается и спаивается, в том числе самогоном и бренди, «изобретёнными» героем. Затем разыгрываются ситуации «как хорошо быть владетельным бароном» и «легко и приятно быть поводырем в стране слепых». Начинает создаваться чуть ли не «научный центр», будущее-то за химией (кому как не герою это знать). Планов – громадьё!

Написана вся эта довольно легковесная история всё же с долей иронии, читать можно, и для дебюта вполне бы сошло. Если бы не издательская «перчинка» – нигде не указано, что это уже вторая книга цикла! Естественно, тут и не может быть никаких объяснений «попаданчеству» Артуа! Кстати, и вышла вторая книга на два-три месяца раньше первой – ну просто «маленькие чудеса» издательские!

Выпущены книжки

0001. Ю.С. Торков. Как издать фэнзин (1999, пособие, 24 стр.)
0002. Евгений В.Харитонов. Фантастический самиздат 1967-1999. Периодика. Сборники (15 стр.)
0003. Владимир Покровский. Георгес, или одевятнадцативековивание (2001, повести, рассказ, 126 стр.)
0004. Сергей Мякшин. Неистовая потеря себя. (2001, сборник рассказов, 38 стр.) – **совместно с Паттерн-Пресс** (Новосибирск).
0005. «Зайцы на Марсе», 2002, сборник рассказов современных авторов, 108 стр.
0006. С.Соболев, составитель указателя «Альтернативная история: пособие для хронохичхайкеров» , 2006, 84 стр.
0007. С.Соболев «Альтернативная история: пособие для хронохичхайкеров» 2006, в тв.переплёте, 232 стр.
0008. Андрей Лазарчук: некоторые материалы к библиографии (2006, 36 стр.)
0009. Евгений Лукин, Любовь Лукина: некоторые материалы к библиогрфии (2006, 32 стр.)
0010. Филип Киндред Дик: Библиография (список публикаций на русском языке с 1958 по 2006 год, 60 стр.)
0011. Екатерина Шилина «Сказочное и мифологическое в творчестве С.Лукьяненко» (2007, 44 стр.)
0012. Алла Кузнецова «Братья Стругацкие: феномен творчества и феномен рецепции» (2007, 84 стр.)
0013. Ирина Неронова «Дискурсивно-нарративная организация романа А.Н. и Б.Н. Стругацких "Хромая судьба"» (2007, 60 стр.)

0014. Ирина Неронова «Художественный мир произведения как функция монтажного конструирования в повествовании А. и Б. Стругацких (повесть "Отягощенные злом")» (2007, 44 стр.+вкл 8л.)
0015. Сергей Неграш «Введение в жанр: фантастическая литература» (2008, 44 стр.)
0016. Александр Лидин, Сергей Неграш «Серебряный век фантастики» (2008, 28 стр.)
0017. С.Соболев «Россия в 2053 году: пять смертельных вариантов» (2008, 40 стр.)
0018. Анна Николаева «Принципы моделирования фантастического мира» (на примере английской фантастики второй половины XX века) (2008, 48 стр.)
0019. Мария Галина «Фантастика глазами биолога» (сборник статей) (2008, 96 стр)
0020. Владимир Ларионов «Беседы с фантастами» Интервью. Фотоальбом. 2008, 228 стр., формат 30x21см.
0021. Валерий Окулов «О журнальной фантастике первой половины XX века» 2008, 64 стр+ вкл.
0022. Леонид Фишман «Картина будущего у российских фантастов» 2008, 68 стр + вкл.
0023. Михаил Шавшин «Петербург. К вопросу влияния на творчество братьев Стругацких» 2008, 56 стр + вкл.
0024. Владимир Покровский. «Пути-Пучи» (роман, повесть, рассказ) 2009, 272 стр.
0025. Роман Арбитман «Злобный критик» (сборник статей, предисловие В.Владимирского) 2009, 60 стр.
0026. Алла Кузнецова «Стругацкие и критика. Рецепция творчества братьев Стругацких в критике и литературоведении: 1950-1990-е гг.» 2009, 208 стр.

0027. Ирина Омельченко «Образ антиутопического города в романе братьев Стругацких "Град обреченный" и в романе И.Ефремова "Час Быка"». 2009, 48 стр.
0029. Николай Романецкий «Тринадцать мнений о нашем пути» Сборник интервью. 2009, 156 стр.
0030. Владимир Гопман «Любил ли фантастику Шолом Алейхем?» Статьи о современной – и не только – фантастической литературе. 2009, 174 стр + 10 вкл.
0037. А.Будрис «Железный Шип», роман и рассказы, в переводах А.Гузмана. 340 стр., второй завод – 288 стр.
0038. Ф.Дик «Экзегеза», перевод Ивана Ерзина, 262 стр.
0039. Антология Э.Датлоу «Секс с чужаками», перевод В.В.Заря. 328 стр., илл.
0040. Р.А.Лафферти «Школа на Камирои» 732 стр., илл.
0041. Ф.Дик «Экзегеза», перевод Ивана Ерзина, доп.тираж, исправленный, 268 стр.
0042. Пол Ди Филиппо «Рот, полный языков», Перевод Алексея Круглова, 188 стр., илл.
0043. А.Шведов «Жить и умереть в бийонете. Рассказы и повести 1996-2000 гг.». 2011. 544 стр., илл. + вклейка 2л.
0044. Чарльз Плэтт «Свалка», Перевод С.Бережного и Я.Шапиро, и др. – романы и рассказы, 420 стр., илл + вкл. 2 л.
0045. Джеймс Типтри-младший «Девочка, которую подключили», 256 стр, илл.

0046. Януш А. Зайдель. Цилиндр Ван Троффа. Роман и рассказы, 324 стр., илл., вклейка.
0047. «НФ-52». Сборник научной фантастики писателей разных стран, 320 стр., илл.
0048. Тимофей Николайцев «Последний день Смещения», повести и рассказы, 212 стр.
0049. Стругацкие. Материалы к исследованию. Письма, рабочие дневники. 1972-1977. 760 стр. + вклейка с илл. – **Совместно с «ПринТерра Дизайн» (Волгоград).**
0050. Владимир Покровский «Полёт сквозь Солнце», романы и рассказы, 668 стр., илл. – **Совместно с «ПринТерра Дизайн» (Волгоград).**
0051. Альбер Робиде. «Двадцатый век: Электрическая жизнь», «Часы минувших веков». Репринтное переиздание 1894 и 1904 гг. с иллюстрациями автора. – 430 стр. + 11 цветных вклеек из французского издания. Формат 25x21 см.
0052. Владимир Ларионов «Фантастика нулевых лет» – 160 стр.
0053. В.Д.Никольский «Через тысячу лет» – репринтное воспроизведение книги 1927 года издания. 112 стр, илл, супер-обложка.
0054. А.Ропьяк. Реалистическое и фантастическое в прозе второй половины XX – начала XXI веков (А. и Б. Стругацкие, А.Белянин) – 2012, 100 стр.
0055. Питер Дикинсон «Перемены» (трилогия). Пер. Д.Арсеньева. – 2012. 320 стр.
0056. Алексей Шведов «рубежи и границы в быту и мыслях. Рассказы и повести 2001-2009 гг.» 2012. 784 стр. Вкл 2л.

Для электропочты: baronvelobos@gmail.com
 Витрина: www.s3000.narod.ru
 Для уюта: <http://velobos.livejournal.com/>
 Для флуда: <http://fantlab.ru/user13240>
<http://fantlab.ru/autor1726>

На обложке использована картина

Критико-публицистическое издание

Валерий Ильич Окулов
Фанткритика – это просто
Печатается в авторской редакции
Подбор иллюстраций – В.Окулова.

Техническое обеспечение С.Соболев
ИБ № 3033

Сдано в набор 11.05.2012.
Подписано к печати 03.06.2012.
Формат 210 x 297 ¹/₂
Бумага кн.журн. Печать цифровая.
Гарнитура Arial. Изд. № 1/618.
Тираж 125 экз. Заказ 3548.
Количество знаков – 544 651.

